

06

К

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

25

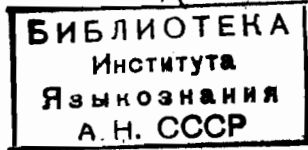

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

Москва 1958

06

К-

п 2518

Редакционная коллегия:

И. А. ХРЕНОВ (отв. ред.), М. А. БИРМАН (отв. секр.),
В. И. ЗЛЫДНЕВ, В. Д. КОРОЛЮК, И. И. КОСТЮШКО,
В. В. МАРБИНА, А. П. СОЛОВЬЕВА, Е. В. ЧЕШКО

Р. М. Цейтлин

**А. Х. ВОСТОКОВ — ОДИН ИЗ ПЕРВЫХ РУССКИХ
СЛАВЯНОВЕДОВ**

(к 175-летию со дня рождения)

Александр Христофорович Востоков родился в 1781 г. в г. Аренсбурге (б. Лифляндская губ.). Он был внебрачным сыном остзейского дворянина, предводителя дворянства на Эзеле, барона Х. И. Остен-Сакена, но воспитывался в бедности у чужих людей в Ревеле. Первым языком мальчика был немецкий, но еще в раннем детстве он выучился русскому, который стал его родным языком. В отроческие годы он овладел французским, впоследствии изучил все славянские языки, а также греческий и латынь.

Когда ребенку исполнилось семь лет, отец распорядился отправить его в Петербург учиться и придумал ему фамилию. «Er soll Osteneck heissen», — так написал Остен-Сакен воспитательнице своего сына. Фамилия эта сразу не понравилась будущему поэту и ученому, и первые же свои сочинения он издал под именем Востокова, под этой фамилией выходили и все его последующие труды¹.

В Петербурге Востоков жил поочередно у своих знатных родственников — баронов Остен-Сакенов, пока один из них, будущий фельдмаршал, не устроил его в Первый Сухопутный кадетский корпус гимназистом (кадетами зачислялись только дети дворянского происхождения). Несмотря на суровый режим и полувоенную дисциплину, царившие в учебном заведении, корпус очень много дал Востокову. Это был тот самый Сухопутный шляхетский корпус, в котором учился А. П. Сумароков, преподавал Я. Б. Княжнин, в котором «преобладал дух литературный над всеми науками», а «любовь к русской словесности и отечественному языку... сделалась как бы принадлежностью корпуса и переходила от одного кадетского поколения к другому»². В корпусе Востоков много читал и рано начал писать стихи. Особенно большое влияние на него в эти годы имел П. С. Железников — талантливый преподаватель корпуса, ученик Княжнина.

Востоков пробыл в корпусе с 1788 по 1794 г. За это время стало очевидным, что, несмотря на успехи в учении, он не сможет стать преподавателем (лучших гимназистов готовили в учителя), так как он неизлечимый заика. Этот физический недостаток наложил заметный отпечаток на характер Востокова. «... Я страшный заика, — писал он

¹ «Заметки А. Х. Востокова о его жизни». Сообщил В. И. Срезневский. СПб., 1901, стр. 39—40. См. также Л. Н. Майков. К биографии А. Х. Востокова. ИОРЯС. т. I, кн. 1. СПб., 1896.

² Ф. Булгарин. Воспоминания, ч. II. СПб., 1846, стр. 15, 16—17.

поэту И. И. Дмитриеву в 1806 г. — Сей порок с годами во мне увеличивающийся сделал меня неловким, застенчивым... Мне осталось только вести жизнь кабинетскую и стараться награждать проворством пера непрворство языка моего»³. Те же настроения звучат и в его оде 1811 г. «К Гарпократу. Ода немого».

Родственники устроили Востокова в Академию художеств («по тому суждению, что в этой Академии говорить не нужно»). Здесь он проучился до 1802 г. — сперва в живописном, а затем в архитектурном классе⁴. Первое время Востокову было очень тяжело. «Предавшись ремеслу архитектурному, я прозябал, — писал он. — ... Много терпел прискорбного от окружающих меня людей и учился терпеть»⁵. Но скоро вокруг Востокова образовался дружеский кружок учеников Академии. В него входили И. И. Тербенев, В. П. Осипов, А. И. Ермолаев, И. А. Иванов, Ф. Ф. Репнин, А. Д. Фуфаев, С. И. Гальберг. «Остенекисты» (так называли себя товарищи Остенека-Востокова) много читали, обсуждали литературные и политические вопросы. «Читаем Вольтера... Негодуем на Павла I», — писал, например, Востоков в 1799 г. в своем дневнике.

В 1801 г. С. А. Шубников, друг Востокова по корпусу, ввел его в «Вольное общество любителей словесности, наук и художеств», среди членов которого уже были И. М. Борн, В. В. Попугаев, а с 1802 г. — Н. Ф. Остолопов, Д. И. Языков, И. П. Пнин. Востоков стал самым крупным поэтом Общества и одним из активнейших его членов⁶. В 1805—1806 гг. он издал сборник своих стихотворений («Опыты лирические и др. мелкие сочинения в стихах», 2 части) и с тех пор редко обращался к поэтическому творчеству. Последними стихотворными произведениями Востокова были его переводы сербских песен из собрания Вука Караджича (в альманахе «Северные Цветы», 1825 г.)⁷. В связи с его поэтическим творчеством нельзя не упомянуть и его «Опыт о русском стихосложении» (1817 г.), с которого начинается научное изучение русского стихосложения и который небезынтересен для историка русского и славянского синтаксиса.

Во многом под влиянием своего друга А. И. Ермолаева, талантливое художника, археолога и археографа, Востоков в 1800-е годы начал усиленно заниматься изучением славянских языков и памятников древнеславянской письменности. В архиве Востокова⁸ (который кратко описал И. И. Срезневский) имеется тетрадка с надписью «Коренные и первообразные слова языка словенского». От 1807 г. и последующих лет сохранились материалы более серьезного труда Востокова под названием «Этимологическое словорасписание». Это обширные материалы для большого и оригинально задуманного этимологического

³ «Переписка А. Х. Востокова в повременном порядке с объяснительными примечаниями И. Срезневского». СПб., 1873, стр. XXII.

⁴ О годах, проведенных А. Х. Востоковым в Академии Художеств, дает представление монография А. Кагановича «Ив. Ив. Тербенев» (М., 1956).

⁵ «Заметки А. Х. Востокова о его жизни», стр. 13.

⁶ Дейтельность А. Х. Востокова как поэта и члена Вольного Общества изучена и описана Вл. Орловым. См. его книгу «Русские просветители 1790—1800-х годов», М., ГИХЛ, 1950, гл. II, стр. 177—248, а также написанную им биографию Востокова в книге: А. Востоков. Стихотворения. Л., 1936, стр. 5—39.

⁷ Эти переводы послужили толчком к созданию А. С. Пушкиным цикла «Песен западных славян». См. Б. В. Томашевский. Пушкин и южные славяне. «Ученые записки МГУ им. Потемкина», т. VII, вып. 1, 1946, стр. 47.

⁸ Рукописи акад. А. Х. Востокова хранятся в Ленинграде, в Архиве АН СССР, ф. 108.

словаря славянских языков с широким привлечением и инославянского материала. С перерывами Востоков пополнял их всю жизнь, но так и не опубликовал. В 1807—1810 гг., когда он преимущественно занимался своим «Словорасписанием», ему не хватало научной литературы. Обращаясь с просьбой о книгах к А. Н. Оленину, директору Императорской Публичной библиотеки, он писал (в декабре 1809 г.): «Пособия сии доселе были очень скудны, по малому моему достатку и по неимению случаев, чтобы пользоваться знатными библиотеками»⁹. Востокову прежде всего хотелось иметь «Mithridates oder allgemeine Sprachenkunde», «Wörterbuch der Hochdeutschen Mundart» Адельунга и «Słownik języka polskiego» Линде.

Целью своих этимологических разысканий Востоков ставил: «Утвердив, если можно, историческими и логическими доказательствами словопроизводство российского языка, пояснить сию историческую часть грамматики для будущих наших лексикографов и пресечь чрез то единожды навсегда всякие произвольные и неосновательные словопроизведения, каких у нас немало выкидывали в свет самоумная неученость и всеугадающая полуученость»¹⁰. Материалы для словаря остались неопубликованными, но занятия этимологией нашли свое отражение в последующих его трудах, сказались в целом ряде рецензий и писем ученого содержания, в журнальных статьях на различные темы¹¹, не говоря уже о его последующих собственно лексикографических работах¹².

Из отдельных замечаний Востокова в его напечатанных трудах, из фрагментов «Этимологического словорасписания», опубликованных И. И. Срезневским и С. К. Буличем¹³, видно, что ряд этимологических этюдов Востокова подкреплен последующими исследованиями, открытыми позднее фонетическими законами, а многие из них представляют и по сей день интерес для языковеда.

Продолжая выписывать время от времени отдельные интересные слова, Востоков в 1810-е годы перекладывает основное внимание на грамматику. Так, Востоков писал (20 мая 1818 г.) председателю Московского Общества любителей российской словесности А. А. Прокоповичу-Антонскому в связи с избранием в члены Общества: «Пока источники мои ограничивались печатными книгами и наслышкою живого языка, ревностно занялся я своею лексикографией... но когда случай привел меня увидеть старинные рукописи славянские, а также и некоторые старопечатные книги, и в них правописание, словооконча-

⁹ А. Х. Востоков. Филологические наблюдения. СПб., 1865, стр. V.

¹⁰ А. Х. Востоков. Филологические наблюдения, стр. VI (черновик адресованного А. Н. Оленину «Изложения об этимологическом словаре»).

¹¹ См. хотя бы отзывы Востокова на первые русские этимологические словари Ф. Рейфа и Ф. Шимкевича. («Отчет имп. СПб. АН о втором присуждении премий, учрежденных П. Н. Демидовым, за 1832 г.»). СПб., 1833; «Одинадцатое присуждение учрежденных П. Н. Демидовым наград». СПб., 1842); «Заметку любителям этимологии» («СПб. Вестник», 1812, № 2, стр. 204—205); отзыв на грамматику Н. И. Греча, опубликованный А. А. Кочубинским в книге «Начальные годы русского славяноведения», Приложение III (Н. И. Греч П. И. Кеплену о своих грамматиках русского языка, 1827 г.). Одесса, 1887—1888, стр. CIV—CXV; статью «Грамматическое замечание на одно место в песне о походе Игоря» («Цветник», ч. VI. СПб., 1810) и мн. др.

¹² Востоков был одним из крупнейших лексикографов своего времени. Он составил двухтомный словарь церковнославянского языка, редактировал русские академические словари — второй том Словаря 1847 г. и областные словари 1852 и 1858 гг.

¹³ А. Х. Востоков. Филологические наблюдения, стр. IV и след.; С. К. Булич. Очерк истории языкознания в России, т. I. СПб., 1904, стр. 654—656.

ния и обороты, во многом отличные от употребительных в позднейшем языке; я тогда убедился в необходимости заняться сперва грамматикой, т. е. исследованием и показанием свойств языка и различных его форм, с изменениями, каким подвергались формы сии в продолжение столетий в России и в других землях славенских»¹⁴.

Бумаги из архива Востокова (описанные Срезневским) свидетельствуют, что уже в 1810 г. Востоков был эрудированным специалистом в области древнеславянской письменности. Так, например, в 1810 г. Востоков читал в «Вольном обществе любителей словесности, наук и художеств» свой перевод статьи И. Добровского (из «Славина», 1808 г.) под названием: «Иосифа Добровского примечания на Шлецеровы рассуждения о старославенском (или церковнославянском) языке» со своими комментариями. Последние показывают, что он к этому времени изучил Русскую Правду, Поучение Владимира Мономаха, Слово о Полку Игореве, Изборник Святослава 1076 г. и другие памятники. Ряд примечаний говорит о том, что Востоков уже в эти годы пошел в своих исследованиях дальше Добровского. Так, например, единственной функцией ѣ Добровский считал показание окончаний слов: «Даже *безгласная* (курсив мой. — Р. Ц.) ѣ, ставшая теперь совершенно бесполезною, не была тогда таковою, ибо показывала окончание слов». Заметив, что этим функции ѣ не ограничивались, Востоков сказал: «О первоначальном же употреблении сей буквы осмелюсь я здесь предложить свою догадку: буква ѣ писалась (или по крайней мере должна была писаться) только в месте краткой гласной или, лучше сказать, полугласной, соответствующей, может быть, еврейскому шева и французскому *e muet*. . . которую едва слышно было в произношении. . .»¹⁵.

Первым печатным сводом наблюдений Востокова над старославянским языком явилось «Рассуждение о славянском языке, служащее введением к грамматике сего языка, составляемой по древнейшим онаго письменным памятникам». Востокову было 40 лет, когда он послал этот свой труд в Москву в Общество любителей российской словесности. Чтение «Рассуждения» И. И. Давыдовым на одном из заседаний Общества (в январе 1820 г.) произвело глубокое впечатление на собравшихся, почти каждое положение автора было научным открытием. В этом же году «Рассуждение» было опубликовано в «Трудах общества» (в XVII ч.).

«Рассуждение» было написано с учетом всех последних точек зрения на происхождение старославянского языка. Востоков писал: «Сочинитель Рассуждения, помещенного в VII-й части Трудов нашего Общества, «О славянском и в особенности церковном языке» (имеется в виду ст. М. Каченовского. — Р. Ц.), заключает весьма основательно, что язык, на который преложены священные книги, не мог быть коренным или первобытным языком всего народа славянского, разделенного тогда на многие племена и на великом пространстве Европы рассеянного: он был наречием одного какого-нибудь племени. Но какого именно? — Сербского — думает ученый Добровский, а с ним и сочинитель помянутого Рассуждения»¹⁶.

Анализируя правописание Остромирова евангелия сравнительно с другими древними славянскими памятниками, Востоков убедился, что орфография Остромирова евангелия отличается «правильнейшим

¹⁴ «Труды общества любителей российской словесности», ч. XII. М., 1818, стр. 72.

¹⁵ А. Х. Востоков. Филологические наблюдения, стр. XIX—XX.

¹⁶ Там же, стр. 2.

или определительнейшим употреблением букв ѡу и ж, ю и ѡж, ѡ и ѡ или ѡА», а потому правописание это «принадлежит не XI веку и не русским славянам, а что оно есть правописание того же самого языка, на который предложены были лет за 200 перед тем в Моравии, или по мнению других в Болгарии, церковные книги»¹⁷.

Сравнивая употребление юсов в Остромировом евангелии и их соответствий в памятниках других изводов — в Часослове Краковского изд. 1491 г., в Судебнике Казимира IV, короля Польского (собр. Румянцева); в Евангелиях Публичной библиотеки и др., Востоков, с одной стороны, убеждается, что «неправильное употребление ж вместо ѡу и вместо ю, встречающееся в самых древних рукописях... доказывает, что писцы оных были русские или сербы, ибо сии последние равномерно не имели в языке своем вышеозначенных носовых звуков»¹⁸. С другой стороны, Востоков приходит к выводу, что, возможно, «славянская азбука изобретена первоначально для болгар, кои имели в языке своем носовые звуки ж и ѡ»¹⁹, т. е. впервые устанавливает звуковое качество юсов. «В древнейшие времена, — замечал Востоков, — наблюдалась, вероятно, разность в произношении между сими звуками, так как у поляков ѡ и ѡ; ибо в Остромировом евангелии никогда ж и ѡ один вместо другого не употребляются»²⁰.

Открытия Востокова не ограничивались только древнейшим периодом истории славянской письменности. Стремясь хронологически отделить древнейшие памятники от памятников следующей эпохи, древний период от среднего и нового, Востоков сделал ряд ценнейших наблюдений по истории отдельных славянских языков.

Так, он первый указал на мену юсов в болгарских памятниках XIII—XIV вв. как на характерную хронологическую особенность истории болгарского языка этого периода.

Он уточнил черты «русского диалекта» в рукописях (кнѣтънѣ вм. кнѣтънѣ, братѣа вм. братѣа, нѡужа вм. нѡужа, челоуѣкъ вм. челоуѣкъ и др.).

В «Рассуждении» рассеяны также ценные наблюдения по истории польского, сербского и чешского языков.

Для своего времени было чрезвычайно важно следующее утверждение Востокова: «... сей язык, на который переложены Библейские книги, был не только у сербов, как полагает Добровский, но и у русских славян едва ли не в общенародном употреблении! Замечавшие большую разность между древним русским языком, коего остатки находят в Русской Правде, в Слове о Полку Игореве и пр., и между церковнославянским, разумели, конечно, под сим последним языкъ печатных церковных книг. Они бы не сказали того о древнем церковнославянском. Разность диалектов, существовавшая, без сомнения, в самой глубокой уже древности у разных поколений славянских, не касалась в то время еще до склонений, спряжений и других грамматических форм, а состояла большею частию только в различии выговора и в употреблении некоторых особенных слов»²¹.

В «Рассуждении о славянском языке» рассеяно множество впервые сделанных наблюдений по различным вопросам фонетики и морфологии

¹⁷ А. Х. Востоков. Филологические наблюдения, стр. 3 (курсив А. Х. Востокова).

¹⁸ Там же, стр. 11.

¹⁹ Там же, стр. 12.

²⁰ Там же, стр. 12.

²¹ Там же, стр. 7.

старославянского языка: об употреблении «полугласных» ъ и ѣ, о невозможности сочетания «поднебных» с гласными переднего ряда (за исключением иностранных слов), об окончании существительных м. и ср. р. твор. ед. на *-ъмь*, *-ъмь*²², о неправильном употреблении термина «усеченные» относительно кратких прилагательных (он называл их «простыми, несложными с личным местоимением»²³) и мн. др.

Разумеется, были в «Рассуждении» и ошибки (в объяснении природы полногласия, в отнесении супина к категории инфинитива и др.), но они потонули в массе крупных и мелких открытий, сделанных автором.

«Рассуждение» сразу произвело глубокое впечатление на исследователей древней письменности. Об этом писали Востокову М. Т. Каченовский и И. И. Давыдов. Об этом же писал 19 июня 1820 г. Н. П. Румянцев акад. Кругу: «C'est un essai qui lui fait un honneur infini et je ne doute pas de la sensation qu'il ferait en pays étrangers parmi les savants, s'il y était connu. Je me propose d'envoyer ce cahier à Mr. Linde»²⁴.

Общеизвестно, какое впечатление произвело «Рассуждение» на И. Добровского. Это был этапный труд не только в ученой деятельности Востокова, но и в развитии русского и европейского славяноведения в целом.

В 1820 г. Востоков был избран, по предложению А. С. Шишкова, членом Российской академии. «Академия занимается ныне Опытом словаря по корням», — писал президент Академии Востокову в приветственном письме, но Востоков уклонился от занятий пресловутым шишковским «корнесловием». Он бывал на всех заседаниях, писал отзывы по поручению Академии на поступающие сочинения, но непосредственно в трудах Российской Академии не участвовал.

Свое «Рассуждение» Востоков рассматривал как введение к грамматике славянского языка; он продолжал изучать с этой целью рукописи. «Я теперь принялся за отработку начисто собираемых мною давно уже материалов к словенской грамматике», — писал Востоков К. Ф. Калайдовичу 19 июля 1823 г.²⁵

Переписываясь с Евгением Болховитиновым, Востоков вступает в переписку с гр. Румянцевым и с К. Ф. Калайдовичем, в это же время он сближается с П. И. Кеппеном и с 20-х годов становится одним из деятельнейших членов румянцевского кружка²⁶. В 1824 г. он начал описывать богатейшее рукописное собрание гр. Румянцева.

А. Х. Востоков, художник по образованию, мастерски делал снимки со старинных рукописей и снабжал ими всех, кто его просил об этом (Кеппена, Болховитинова, Калайдовича, Добровского, Копитара, Шафарика, Ганку, Погодина и других). Многие из этих снимков утеряны, потеряна и таблица почерков славянского письма разных веков и разных стран, которую он составил²⁷.

Занимаясь рукописями, Востоков умел видеть оттенки письма каждого века, отыскивать следы древнего языка в более новых рукописях, в своих копиях он умел выделить все важное. Востоков был

²² И. Добровский в своих «Institutiones» (1822) считал исконным окончание *-омь*, *-емь*.

²³ А. Х. Востоков. Филологические наблюдения, стр. 20.

²⁴ А. Х. Востоков. Переписка, стр. XXXIV.

²⁵ Там же, стр. 63.

²⁶ См. А. А. Кочубинский. Адмирал Шишков и канцлер гр. Румянцев. Начальные годы русского славяноведения. Одесса, 1887—1888, стр. 157—196.

²⁷ А. Х. Востоков. Переписка (Письмо К. Ф. Калайдовичу от 18 сентября 1822 г.), стр. 38.

и замечательным палеографом-практиком: умел обрабатывать дефектные рукописи, читать стершиеся места. Так, ему удалось восстановить запись о времени написания (1164 г.) Добрилова евангелия.

Громадное научное значение для своего времени имели небольшие статьи Востокова в «Библиографических листах» (1825—1826 гг.), издававшихся его другом П. И. Кеппеном. Здесь находим анализ Рукописи перевода творений Григория Богослова и отрывков Супрасльской рукописи, которые Востоков относит к XI в., Римского Палимпсеста XII—XIII вв.²⁸

Участие его в этом замечательном издании не ограничивалось только статьями. Он был первым помощником и советником Кеппена, а часто и его прямым заместителем. В «Предисловии» к изданию Кеппен писал: «Постоянное и совершенно бескорыстное участие в сем издании А. Х. Востокова побуждает меня принести ему за то искреннюю мою благодарность... В случае смерти, болезни или выезда из С. Петербурга издателя сих листов, продолжение оных до окончания года принимает на себя известный литератор Александр Христофорович Востоков».

Еще более значительным было участие Востокова в издании П. И. Кеппеном «Собрания словенских памятников, находящихся вне России»²⁹. Центральное место в книге занимают статьи Фрейзингенской рукописи, которые Востоков приготовил к печати, дал в русской и старославянской транскрипции (памятник написан латинскими буквами), снабдил словоуказателем и грамматическими комментариями, уточнил время написания рукописи, отнес ее к X в. Превосходное издание древнейшего (из дошедших до нас) словенского текста вызвало всеобщий интерес славистов России и Запада. Особую ценность публикация данного памятника представила для сторонников так называемой паннонской теории происхождения древнеславянского языка. Особенно заинтересовался изданием Кошитар, который, как и Добровский, в свое время не решился издать этот труднейший в палеографическом отношении текст. Только после выхода Фрейзингенских отрывков Кошитар признал заслуги Востокова. С этого времени он все чаще обращается к нему со спорными вопросами. В 1841 г. он писал Востокову: «Verehrter Freund und Colleague! Sie müssen nolens volens mir den Dobrovsky ersetzen»³⁰.

Открытия Востокова были ценны для истории культуры каждого славянского народа. Описания и анализ болгарских, сербских, словенских, чешских памятников следовали одно за другим. Так, например, для чешской науки первостепенное значение имели его исследования житий св. Людмилы и св. Вячеслава.

Десять лет работал Востоков над описанием сокровищ хранилища Румянцева (1824—1834 гг.). В 1832—1834 гг. он собственноручно переписал свой труд. В 1842 г. «Описание русских и словенских рукописей Румянцевского музеума» вышло из печати. Всего было описано 473 рукописи на 804 страницах большого формата. К книге приложен тщательно составленный алфавитный указатель имен и предметов. «Описание» насыщено материалом и немногословно, «не написана напрасно ни одна строка»³¹.

²⁸ Статьи Востокова помещены в № 7, 10, 14, 17, 25, 36 «Библиографических листов» и помечены звездочкой (без подписи).

²⁹ «Памятники, собранные в Германии», СПб., 1827.

³⁰ А. Х. Востоков. Переписка, стр. 348.

³¹ И. И. Срезневский. Обозрение научных трудов А. Х. Востокова; в кн.: А. Х. Востоков. Филологические наблюдения, стр. XXXIX.

Предисловие к этому исполнинскому труду занимает в соответствии с обычной лапидарной манерой автора всего три страницы. «При каждой рукописи, — пишет здесь Востоков, — показывал я формат ее, почерк, век или год, ежели он выставлен, и правописание, а также материал...». Далее следует краткая, но четкая характеристика устава, полуустава и скорописи, описываются характерные особенности русского, болгарского, сербского правописаний. В описании отдельных рукописей изложены ценнейшие наблюдения Востокова как лингвистического, так и палеографического характера, часто по своему значению выходящие за рамки данного памятника.

Этим трудом был создан новый тип палеографического описания рукописи, более совершенный, чем тот, который был установлен трудами Калайдовича и Строева. «Описание рукописей Румянцевского музеума» стало образцом подобного труда. Ему следовал в своих описаниях памятников Срезневский и другие ученые XIX в.

«Описание рукописей Румянцевского музеума» не было единственным трудом Востокова подобного рода, за ним последовали другие палеографические работы. В 1836 г. вышло «Описание рукописных и печатных книг словенских, принадлежащих... А. С. Норову» (ЖМНП, № 9). В 1852 г. Востоков напечатал в ИОРЯС «Записку об Октоихе Сербского письма XIII в.» (ИОРЯС, т. I); в 1853 г. — «Рассмотрение книги Апостольских чтений 1324 г.», представляющее собою отклик на издание Миклошичем Шишатоввацкого апостола (ИОРЯС, т. II); в 1854 г. — «Рассмотрение отрывка из Евангельских Чтений Русского письма XIII в.» (ИОРЯС, т. III); в 1855 г. — «Описание Майской месячной Минеи XI в.», хранившейся в Новгородской Софийской библиотеке («Ученые записки АН», ч. II); в 1855—1856 гг. — «Описание некоторых из рукописей библиотеки Академии наук» («Ученые записки АН», ч. II, III).

Современники ждали от Востокова обобщающего труда по палеографии, но у него не хватало времени на такого рода работу³².

В 1837 г. А. Х. Востоков начал готовить к изданию «Остромирово евангелие», которое вышло из печати в 1843 г. и стало образцом для всех последующих изданий древних памятников письменности. К тексту был приложен словоуказатель и «Грамматические правила славянского языка, извлеченные из Остромирова евангелия», представляющие собой результат многолетнего изучения автором грамматического строя памятника. Основное содержание «Грамматических правил» — парадигмы склонения и спряжения, извлеченные из текста Остромирова евангелия. Важен также раздел «Особенности в словосочинении Остромирова евангелия», где Востоков обратил внимание исследователей на сочетание сказуемого во множественном числе с подлежащим в единственном числе, если подлежащее — имя собирательное, например: **народъ же стоѣа и слышавъ гладыж, молиша и всѣхъ народъ;** на отличное от позднейшего употребление падежей, например: **нмать живота вѣчьнаго; на двѣри гровоу; движеннѣ водѣ; вѣзлюбѣ вгъ мира;** на отличное от позднейшего

³² Сводку палеографических наблюдений А. Х. Востокова, рассеянных в «Описании рукописей Румянцевского музеума», сделал по поручению Академии наук А. Н. Пыпин. См. А. Х. Востоков. Филологические наблюдения, стр. 77—134. Первый же очерк славяно-русской палеографии написал И. И. Срезневский, считавший себя учеником Востокова («Славяно-русская палеография XI—XIV вв. Лекции, читанные в имп. С.-Петербургском университете в 1865—1880 гг.». СПб., 1885).

управление некоторых глаголов, например: **ѦМОУ ЖЕ КОЛИЖДО ХОЩЕТЕ; СЖДИТЕ ѦМОУ** и др.

За всеми своими трудами А. Х. Востоков не оставлял мысли написать большой словарь и полную грамматику церковнославянского языка по материалам памятников. Еще в 1830 г. он писал Копитару: «Когда управлюсь с оными (с грамматиками русского языка³³. — *Р. Ц.*), тогда примусь опять за каталог рукописей Румянцевского Музеума, оставшийся недоконченным, а потом, ежели бог даст, возвращусь к давнишней своей работе, коею всегда занимался соп амоге, — к словенской грамматике и лексикографии»³⁴.

В феврале 1856 г. он кончил переписывать набело свой двухтомный Словарь церковнославянского языка и представил его в Отделение. Этот труд Востокова во многих отношениях лучше известного лексикона Миклошича, даже во втором его издании. В словаре последнего (по данным исследователей) было около 16 тысяч слов, выбранных из 30 рукописей и 22 старопечатных книг, славянские слова сопровождались греческими и латинскими переводами, сочиненными самим автором, а не выписанными из соответствующих рукописей, известных и в славянских переводах (как всегда это делал Востоков). Кроме того, Миклошич редко указывал точно место, откуда приводилось то или иное слово или выражение.

А. Х. Востоков трудился над словарем около сорока лет³⁵. По данным исследователей Словаря церковнославянского языка, его автор самым тщательным образом изучил и расписал около 130 рукописей XI—XVIII вв., им были учтены и все изданные к тому времени памятники старинной славянской письменности. В Словаре около 22 тысяч слов. Значение слов Востоков определял путем сличения нескольких мест из различных текстов, значения слов, переведенных с греческого, семантическим анализом соответствующего слова в греческом подлиннике, при этом ему приходилось иметь дело с громадным количеством контекстов, относящихся к различным эпохам и местным диалектам.

В словаре рассеяны драгоценные сведения по истории отдельных слов у разных славянских народов, приводятся всегда точно обозначенные выдержки из разнообразных рукописей, и вместе с тем словарь составлен очень лаконично, в нем нет ничего лишнего ни в переводах, ни в примечаниях, ни в иллюстративных примерах. В словаре иногда приводятся выдержки из собственно русских памятников, а также из болгарских и сербских. Несмотря на известную неполноту в словаре и особенно во фразеологическом отношении труд Востокова не утратил своей научной ценности и для современного языкознания. По строгости метода, точности, лаконичности и ясности изложения он является образцом лексикографического труда³⁶.

³³ Грамматики русского языка А. Х. Востокова (так называемые «сокращенная» и «пространная») выдержали в течение XIX в. каждая более десяти изданий. Их значение для изучения русского языка было громадным.

³⁴ И. В. Ягич. Источники для истории славянской филологии, т. II. Новые письма Добровского, Копитара и др. юго-западных славян. Сб. ОРЯС, т. LXII, СПб., 1897, стр. 818.

³⁵ По данным И. И. Срезневского.

³⁶ Первоначально Словарь печатался частями в «Материалах для словаря и грамматики» (приложение к ИОРЯС), а затем был выпущен отдельным изданием: «Словарь церковнославянского языка», т. I, СПб., 1858, т. II, 1861.

Словарь был предметом специального обсуждения на заседаниях Отделения русского языка и словесности АН 8 и 13 декабря 1856 г. См. ЖМНП, ч. XIX,

Окончив Словарь, А. Х. Востоков принялся за грамматику. Ему было уже больше 75 лет, он был слаб и плохо видел. В грамматику не вошло очень много материалов, им для нее подготовленных. В результате книга получилась менее подробной, чем предполагалось. Этот труд А. Х. Востокова был закончен осенью 1860 г. и тогда же передан в Отделение на рассмотрение И. И. Срезневскому³⁷. В 1863 г. он вышел из печати под названием «Грамматика церковно-словенского языка, изложенная по древнейшим оного письменным памятникам». Целый ряд сведений в ней не утратил значения и сегодня. Существенным ее недостатком является отсутствие описания фонетических явлений и словопроизводства.

Таковы основные труды А. Х. Востокова по славяноведению.

* * *

Вся деятельность А. Х. Востокова носила характер тщательного служения науке. Скромный и застенчивый человек, он никому не отказывал в совете и помощи, выполнял все поручения Академии, и выполнял тщательно; он редактор всех академических словарей, автор бесчисленного количества рецензий, различных отзывов на рукописные и печатные исследования. Так, например, только для Комиссии по присуждению Демидовских премий он написал отзывы на словари Ф. И. Рейфа, П. И. Соколова, Ф. С. Шимкевича, на сочинения Г. П. Павского, на «Судьбы церковного языка» П. С. Билярского, на «Хронологическую роспись славянских книг» Н. Каратаева.

Помимо ученых трудов, много времени и сил отнимала у него служба. С 1815 по 1844 г. он служил в имп. Публичной библиотеке сперва помощником, а потом хранителем рукописей; с 1824 по 1844 г. — в Румянцевском музее. Как член Археографической комиссии (с 1839 по 1845 г.) Востоков занимался «приготовлением к изданию и наблюдением за печатанием» «Актв исторических, относящихся к России, извлеченных из иностранных архивов и библиотек» А. И. Тургеневым (2 тома, 1841 и 1842 гг.).

Труды А. Х. Востокова оказали громадное влияние на развитие славистики во всех славянских странах, прежде всего в России. Под влиянием работ Востокова И. И. Срезневский в 40-е годы начал заниматься древнейшими памятниками славянской письменности и уже не оставлял этого занятия до конца жизни. Большое влияние оказал Востоков и на своего ученика П. И. Прейса, который один из первых утверждал, что разделы фонетики и грамматики в нашумевшем труде И. Добровского «*Institutiones linguae slavicae*» (1822 г.) несравненно слабее соответствующих работ Востокова. Прейс подчеркивал, что открытия Востокова в этой области дают новое направление научным исследованиям³⁸. Того же мнения придерживался и ближайший товарищ П. И. Прейса и последователь Востокова — П. С. Билярский. В своем труде «Судьбы церковного языка» он подчеркивал недостатки метода Ф. Миклошича сравнительно с «историко-филологической мето-

СПб., 1856; «Ученые записки 2-го отделения АН», 1856, кн. IV, стр. XIX—XLIII. См. также рецензию И. И. Срезневского в «Русской беседе», 1857, кн. 6, критика, стр. 1—22.

³⁷ «Выписка из протоколов Второго Отделения имп. АН за октябрь месяц 1860 г.». ИОРЯС, 1860, т. IX, вып. 3, стр. 181.

³⁸ См. И. В. Ягич. История славянской филологии. СПб., 1910, стр. 331, а также указ. Ягичем «Записку» Прейса, опубликованную В. И. Ламацким в «Живой старине», № 1—2, стр. 117—123.

дой Востокова): «Материал этой грамматики (имеется в виду «Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen». — Р. Ц.), собранный из разнородных источников, слишком мало очищен предварительной филологической критикой от примеси и порчи под влиянием разных времен и мест. Особенно повредило сочинению предубеждение автора в пользу так называемых им «собственно словенских» памятников... Если бы г. Миклошич заранее приучил себя к аналитической методе Востокова, то убедился бы, что и эти памятники, прежде филологического употребления, не менее всех других требуют очистительной критики...»³⁹. И далее Билярский писал: «После Востокова можно, по моему мнению, идти вперед довольно твердо и с прочным успехом»⁴⁰.

А. Х. Востоков был крупнейшим ученым в области изучения древнеславянских памятников, в совершенстве владевшим методом филологической критики текста, впервые внесшим ясность в хронологическую отнесенность основных памятников древнейшей письменности и установившим характерные временные и диалектные черты старинных текстов. Востоков также определил ряд важных отличительных особенностей новых славянских языков относительно древнейшего периода их развития, оказав тем самым большую услугу исследователям этих языков.

За Востоковым (вслед за Добровским) укрепилось название «патриарха славянской филологии»⁴¹, а «имя его сделалось подтверждением истины у первостепенных славянских филологов в самых затруднительных вопросах науки»⁴².

* * *

В 1964 г. исполнится сто лет со дня смерти выдающегося русского слависта, основоположника русского славяноведения; к этому времени необходимо переиздать важнейшие его труды, давно ставшие библиографической редкостью, но не утратившие своего научного значения.

СЕМЬ НЕИЗВЕСТНЫХ ПИСЕМ А. Х. ВОСТОКОВА П. И. КЕППЕНУ

Известный русский ученый и общественный деятель акад. П. И. Кеппен (1793—1864) переписывался со многими выдающимися учеными своего времени. В его архиве хранятся письма от 342 корреспондентов, в числе которых были Е. Болховитинов, В. Ганка, И. Добровский, К. Калайдович, Я. Коллар, Б. Линде, Ф. Миклошич, М. Погодин, Ф. Челаковский, П. Шафарик, И. Юнгманн и многие другие известные слависты XIX в. Большинство писем, адресованных Кеппену, до сих пор не опубликовано. К ним принадлежат семь писем друга и сотрудника П. И. Кеппена — А. Х. Востокова, дополняющие в некоторой степени собрание изданных писем последнего*. Публикуемые письма

³⁹ П. Билярский. Судьбы церковного языка. О средне-болгарском вокализме по патриаршему списку летописи Манассия. Изд. 2. СПб., 1858, стр. 14—15.

⁴⁰ Там же, стр. 16—17.

⁴¹ После одного из выступлений акад. И. И. Давыдова.

⁴² П. А. Плетнев. Отчет имп. АН по Отделению русского языка и словесности за 1854 г. «Ученые записки II-го Отделения имп. АН», кн. II, вып. 1, СПб., 1856, стр. XIII.

* «Переписка А. Х. Востокова в повременном порядке с объяснительными примечаниями И. Срезневского». СПб., 1873. См. также: П. В. Ягич. Новые письма Добровского, Кошитаря и др. юго-западных славян. СПб., 1897 (письмо Востокова Кошитарю); А. А. Кочубинский. Три письма А. Х. Востокова. СПб., 1899.

написаны в бытность Кеппена в Петербурге, где постоянно жил Востоков, и являются, по всей вероятности, лишь немногими из тех деловых записок, которыми оба ученых обменивались между собой по поводу различных текущих дел.

Письма воспроизводятся по подлинникам, хранящимся в Архиве АН СССР в Ленинграде в фонде акад. П. И. Кеппена (ф. 30, оп. 3, № 51).

* * *

№ 1

Милостивый государь Петр Иванович!

Кланяйтесь от меня Копитару и спросите его, подвигается ли вперед издание глаголитической старинной рукописи, им найденной¹, и получил ли он от Бобровского из Вильны список изв. рписи [рукописи] Супрасльской, о котором он просил меня? Я не получил одного, хотя раза три писал о том к Бобровскому². Напишите также Копитару, что я готовлю второе издание Грамматики моей с некоторыми переменами³. Прощайте.

Преданный Вам А. Востоков. 8-го окт. 1834 г.

№ 2

Милостивый государь Петр Иванович!

Сегодня я не могу принять г. Зибольда в Музеуме, потому что должен явиться в Библиотеку на дежурство; но и без меня всегда можно посетить Музеум и получить там от дежурного чиновника для рассмотрения и прочтения все, что там хранится. Впрочем, если он завтра часу в 1^м пожалует в Музеум, то я буду его ожидать¹.

С душевною преданностию остаюсь Ваш покорнейший слуга

А. Востоков. 24 октября 1834 года.

№ 3

Милостивый государь Петр Иванович!

Я хотел послать к Вам Зуева путешественные записки¹ из Румянцевского Музеума, но не отыскал там этой книги, хотя она по каталогу и должна находиться в Музеуме. Верно, кому-нибудь отдана читать! Сегодня я возьму из публ. Библиотеки для Вас эту книгу и пришлю ее.

Ваш покорнейший слуга А. Востоков. 5 мая 1836.

№ 4

В Музеуме только десять томов *Notices et extraits des manuscrits, etc.*¹, а посылаю вам XI том из Публичной Библиотеки, и вместе с тем обещанные мною выписки из Супрасльской рукописи для Шафарика², которые покорнейше прошу Вас при случае отправить к нему с письмом Вашим.

А. Востоков. 30 июня 1836.

№ 5

Милостивый государь Петр Иванович!

Ни Шафариковой Истории словенской литературы, ни Юнгманова Словаря чешского у меня нет, а есть Юнгманова *Historie literatury České*. 1825¹, которое может быть и у Вас находится. Юнгманов словарь можете Вы видеть у Дм. Ив. Языкова. Остаюсь душевно преданный Вам и к услугам готовый²

А. Востоков. 12 января 1836.

№ 6

Meiners Vergleichung des ält. und neuern Russlands кому-то отдано читать, а как скоро будет налицо, то я принесу к Вам эту книгу¹.

А. Востоков. 16 марта 1837.

№ 7

Милостивый государь Петр Иванович!

Посылаю Вам Славина¹ с благодарностью обратно, а медная доска еще в Типографии, и я на днях зайду за нею и сам ее к Вам занесу. Грамматика моя печатается, я разумею пространная, — а сокращенная тоже приготовлена к напечатанию, но это зависит от Департамента Н. Просв.

С совершенным почтением и преданностию имею честь быть Вашим Милостивый государь покорнейшим слугою А. Востоков.

9 декабря 1843

ПРИМЕЧАНИЯ

К письму 1.¹ Речь идет о памятнике, изданном Копитаром в 1836 г. под названием «Glagolita Clozianus». ² В 1825 г. М. К. Бобровский нашел Супрасльскую рукопись. По присланным Бобровским отрывкам Востоков датировал рукопись XI в. Его заметки «Известие о вновь открытых древних словенских рукописях» и «Дополнения и поправки к известию о Супрасльской рукописи» в «Библиографических листах» (№ 14 за 1825 г. и № 36 за 1826 г.), издаваемых Кеппеном, вызвали большой интерес славистов всего мира, в том числе Копитара и Шафарика (см. ниже письмо 4). См. по этому поводу «Переписку А. Х. Востокова», письма № 214, 218 и 219, а также письма № 209—212, 130, 254, 258 и примечания к ним Срезневского. ³ Имеется в виду «Русская грамматика Александра Востокова по начертанию его же Сокращенной грамматики полнее изложенная», вышедшая в 1835 г. вторым изданием. Эта же грамматика называется в письме № 7 (см. ниже).

К письму 2.¹ Востоков занимал должность старшего библиотекаря Румянцевского музея. Кеппен неоднократно обращался к нему с просьбами о книгах (см. письма 3—6), как и многие другие лица.

К письму 3.¹ Речь идет о труде русского естествоиспытателя и путешественника В. Ф. Зуева под названием «Путешественные записки от С.-Петербурга до Херсона в 1781 и 1782 г.» (1787 г.).

К письму 4.¹ Имеется в виду «Notices et extraits des manuscrits de la bibliothèque du roi et autres bibliothèques, publiés par l'institut royal de France», t. XI, Paris, 1827.² См. примечание 2 к письму 1, а также письма 247 и 248 в «Переписке Востокова» и примечание Срезневского к письму 247.

К письму 5.¹ В письме говорится о книге Шафарика «Geschichte der slavischen Sprache und Literatur nach allen Mundarten», 1826. ² Просьбы Кеппена о книгах, видимо, связаны с работой над очерками по истории славянских литератур, опубликованными им в 1836 г. в ЖМНП (№ 2, 7, 8 и 9) под названием «Литература славянских народов».

К письму 6.¹ Речь идет о книге: Ch. Meiners. Vergleichung des ältern und neuern Russlandes, Bd. I—II. Leipzig, 1798.

К письму 7.¹ Вероятно, имеется в виду новое издание «Славина», предпринятое В. Ганкой в 1834 г. в Праге. Первое издание И. Добровского вышло в 1808 г.

Н. А. Ко н д р а ш о в

ЛЮДОВИТ ШТУР И ФОРМИРОВАНИЕ СЛОВАЦКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

(к столетию со дня смерти)

Людовит Штур (1815—1856), выдающийся деятель национально-освободительного движения словацкого народа, был вместе с тем замечательным ученым-языковедом. С его именем связано создание современного словацкого литературного языка, составление словацкой грамматики и словаря. В своей языковедческой деятельности Л. Штур исходил из передовых лингвистических воззрений эпохи, в частности, он явился основоположником словацкой диалектологии.

Развитие литературного языка на народной основе — важнейшее событие в жизни любого народа, укрепляющее единство нации, способствующее материальному и духовному прогрессу народа.

Значение литературного языка особенно возрастает в эпоху национальных движений. Не случайно поэтому, что период превращения славянских народностей в буржуазные нации совпадает с обострением борьбы между различными социальными группами по вопросам литературного языка. Пути его дальнейшего развития, оценка предшествующей традиции, соотношение литературного языка и народно-разговорной речи, роль и удельный вес различных элементов в структуре литературного языка — все это становится предметом оживленного обсуждения. Такое положение было в России во второй половине XVIII—начале XIX в. Аналогичные процессы характеризуют историю польского, сербского, чешского и других славянских литературных языков.

Важнейшей особенностью истории словацкого литературного языка является то, что его возникновение непосредственно связано с периодом становления словацкой нации. Верная оценка деятельности Штура возможна только на фоне исторического развития народа — создателя словацкого общенародного языка — при учете предшествующей письменной традиции, а также степени расхождения литературного языка и живой народной речи.

Известно, что словацкая народность с начала XI в. входила в состав Венгрии. С принятием христианства словаки используют в первых письменных памятниках латинский язык, бывший государственным, дипломатическим, научным и церковным языком средневековой Европы. В дальнейшем, с XV в., в качестве письменного языка в Словакии употреблялся чешский язык. В чешский литературный язык на словацкой почве по различным причинам проникали в большей или меньшей степени местные словацкие фонетические и морфологические элементы

А. Н. Восток.
Карандашный портрет (1850 г.) работы художника
К. А. Трутовского. Публикуется по подлиннику,
хранящемуся в Ленинграде в Архиве АН СССР (ф. 108)

Людвиг Штур

(так называемые словакизмы). Чешский язык остается литературным языком словаков вплоть до середины XIX в.

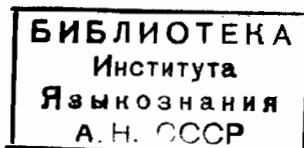
Анализ исторических источников показывает, что до XVIII в. словаки рассматривали чешский язык в качестве литературно-обработанной нормы, близкой к их родному языку. Это не означает, что возникновение различий в словацком и чешском языках следует относить к столь позднему периоду. Важнейшие особенности этих двух языков определились уже к XV в.

Словаки, не имея собственного литературного языка, пользовались чешским языком как литературной формой собственного языка, и, хотя они вносили в него особенности родного диалекта, это, несомненно, был чешский язык. На чешском языке, наряду с религиозной литературой, велись городские книги, деловая переписка, писались научные труды, исторические сочинения, грамматики. В качестве идеальной нормы рассматривалась так называемая «библейская чештина», чешский литературный язык, получивший унификацию в Кралицкой библии (1579—1593 гг.).

С середины XVII в. положение в Чехии меняется: после белогорского разгрома усиливается католическая реакция, начинается преследование протестантов, наступает упадок культуры. Через некоторое время упадок культуры чешского языка сказывается и в Словакии. Здесь возникает стремление приспособить народный язык к литературному употреблению. Католическая партия для усиления своего влияния на народные массы начинает печатать религиозно-популярные сочинения и проповеди, вводя в их язык элементы народной речи. Протестанты продолжают использовать чешский язык. Католики стремятся сблизить религиозный язык с народным еще и потому, что для них «библейская чештина» была не языком культа, а «еретическим» языком последователей мятежного Гуса и реформации.

В таких сложных условиях в католической среде был предпринят первый опыт создания словацкого литературного языка. Эту попытку сделал католический священник Антон Бернолак (1762—1813). В нескольких сочинениях он писал о необходимости для словаков создать свой литературный язык, а в 1790 г. появилась его «Словацкая грамматика» — первая грамматическая обработка словацкого языка. Любопытно, что в предисловии к своей грамматике Бернолак ссылается на «Российскую грамматику» М. В. Ломоносова. «Бернолачина» мало отличалась от чешского литературного языка той поры, так как в основу ее были положены западнословацкие говоры, очень близкие к чешскому языку. Различия заключались главным образом в фонетике и орфографии, поскольку Бернолак ввел фонетическое правописание; меньше было морфологических и лексических отличительных — от чешского языка — особенностей. При отборе лексики Бернолак опирался на язык Кралицкой библии. Он долгие годы собирал материалы для словаря словацкого языка. Словарь (словацко-чешско-немецко-венгерский) Бернолака (в 5 томах) был опубликован через 12 лет после смерти автора. Это важный культурно-исторический памятник словацкого народа.

Бернолак не стремился положить в основу литературного языка какой-либо конкретный словацкий диалект, как это позднее сделал Штур, принявший за такую основу среднесловацкую диалектную группу, а исходил из чешского литературного языка, бытовавшего в Словакии, в который он ввел — в духе тенденций католической литературы того времени — некоторые общесловацкие, а чаще западнословацкие, особенности. О трудностях, которые стояли перед Бернолаком, может свиде-

тельствовать следующий факт: католический писатель Иосиф Байза тоже пытался писать по-словацки, но встретился с рядом затруднений. По его словам, существует столько слов, сколько имеется селений: создается впечатление, что мать всех слов умерла, осталось несколько дочерей, и неизвестно, которой из них следует отдать предпочтение. Не сумев найти выхода из этого затруднения, Байза пересыпает чешский текст словацкими словами и грамматическими формами, взятыми из самых различных диалектов.

Разработанная Бернолаком грамматическая система словацкого языка не была принята протестантами, продолжавшими употреблять чешский язык. Виднейшие представители этого лагеря в лице Богуслава Таблица и Юрия Палковича выступили против «бернолачины». В 1803 г. в противовес католикам при протестантском лицее в Братиславе они основали кафедру чешского языка и литературы, которую занял Палкович. Немалое значение имела позиция поэта Я. Коллара и филолога П. И. Шафарика, словаков по происхождению, историка Ф. Палацкого, прошедшего ученические годы в Словакии, выступивших за единство литературного языка словаков и чехов. Основная причина неудачи бернолаковской реформы литературного языка заключалась в слабости словацкой буржуазии, которая в условиях экономически отсталой Словакии не смогла в то время выработать своей программы, а тем более — порвать с чешским языком.

Наиболее крупным поэтом, писавшим на созданном Бернолаком языке, был Ян Голлый. Однако его героические поэмы и лирические произведения появились уже в XIX в., не оказав существенного влияния на словацкий литературный язык, так как романтически настроенная словацкая молодежь уже стремилась создать литературный язык на чисто словацкой основе.

Создание современного словацкого литературного языка связано с деятельностью Л. Штура и его окружения в обстановке 40-х годов XIX в. — в эпоху подъема национального движения в славянских областях, входивших в состав Австро-Венгерской монархии, непосредственно перед буржуазно-демократической революцией 1848 г., в период ломки феодальных общественных отношений под напором капитализма.

В то время как для немецкой буржуазии в Австрии и Германии основная задача в борьбе с феодальными отношениями заключалась в создании национального единства, буржуазия славянских стран при решении вопроса о своем национальном рынке должна была освободиться от национального гнета. Особенно остро стоял вопрос о национальном освобождении в Словакии, где немцы и венгры, принадлежавшие к господствующему классу, выступали единым фронтом. В Словакии, таким образом, борьба против феодализма была неразрывно связана с борьбой против насильственной мадьяризации, так как земельный вопрос разрешался в ходе национальной борьбы с венграми-помещиками.

Специфические черты словацкого национально-освободительного движения, обусловленные двойным гнетом, слабость словацкой буржуазии и отсутствие у нее политических организаций, шовинистическая политика венгерского правительства привели к тому, что словацкая буржуазная интеллигенция призывала народ к борьбе не с главным врагом — австрийским абсолютизмом, а с революционным в то время венгерским дворянством, что, как известно, вызвало резкое осуждение Маркса. Эти причины обусловили и другую особенность словацкого национального движения — его «языковой» характер. Словацкие деятели во главе со Штуром выдвигают прежде всего требование свободного

развития национальной культуры, беспрепятственного употребления родного языка.

Шовинистические устремления венгерского правительства, направленные на превращение венгерского королевства в страну единой нации с одним языком, вызвали резкий отпор среди словаков, а также среди сербов, хорватов и румын.

Во главе словацкой оппозиции венгерским властям становятся словацкие деятели во главе с Л. Штуром, выходцы из протестантской среды. Стремление привлечь на свою сторону народные массы, обращаясь к ним на их родном языке, было главной причиной штуровской реформы литературного языка. Нельзя не учитывать и того факта, что чешский литературный язык к середине XIX в. стал во многом (особенно в области лексики и синтаксиса) отличаться от языка предшествующих эпох, вследствие чего овладение им для словаков становилось все более затруднительным.

Непосредственным толчком, вызвавшим к жизни реформу словацкого литературного языка, был манифест венгерского правительства 1844 г. о провозглашении венгерского языка единственным и общеобязательным государственным языком Венгрии. Венгерский язык стал обслуживать потребности государственного управления также и в Словакии, он становился единственным языком школы, судопроизводства и всех учреждений.

В том же 1844 г. венгерские власти уволили из Братиславского лицея Л. Штура, обвинив его в панславизме и шовинизме. В знак протеста студенты лицея покинули Братиславу и ушли в Левочу. В связи с этим событием появилось первое стихотворение Яна Римаевского на словацком языке «Моим сверстникам на память» («Svojím vrstovníkom na pamiatku»). В июне 1844 г. второй том альманаха «Nitra», издаваемого Гурбаном, выходит уже не на чешском, а на словацком языке. Издатель заявил, что он «покидает путь, доступный словацкому народу только после многолетней подготовки (т. е. чешский язык. — Н. К.), и вступает отныне на тот путь, на котором он сразу соединится с народом, излагая его печали и упования на его же родном языке». В следующем 1845 г. Л. Штур начал издавать первую словацкую газету — «Словацкая народная газета» («Slovenskje národnje povíni») — с литературным приложением «Татранский орел» («Orol tatránski»).

В 1846 г. Л. Штур издает две книги, содержащие обоснование проводимой им реформы литературного языка. Первая из них — «Словацкое наречие и потребность письма на этом наречии» («Nárečja slovenskuo alebo potreba písania v tomto nárečí») — содержит доказательства жизнеспособности словацкого литературного языка и имеет пропагандистский характер. Вторая — «Наука словацкого языка» («Nauka reči slovenskej») — является по существу описанием грамматического строя нового литературного языка, т. е. первой собственно словацкой грамматикой.

Обосновывая необходимость создания словацкого литературного языка, Штур отмечает, что чешский язык и письменность на нем недостаточны для развития духовной жизни словацкого народа¹. Этот вывод сложился у него после изучения литературы XVIII—XIX вв., в которой ярко проявилось смешение чешских и словацких элементов, в результате чего простому человеку трудно было понять многие книги.

¹ L. Štúr. Nauka reči slovenskej, Prešporok, 1846, стр. VIII.

«Все сказанное доказывает, что книги, написанные словаками, не были по своей форме вполне чешскими, они были по преимуществу чешскими и в меньшей мере словацкими, т. е. ни тем, ни другим, какой-то смесью»². От ознакомления с письменными памятниками Штур перешел к изучению народной речи и убедился, что словацкий язык не беднее других языков и вполне пригоден как для литературных нужд, так и для применения в других сферах общественной жизни.

Перед Штуром встал вопрос, какой диалект положить в основу при создании литературного языка, «ведь в каждой области у нас говорят иначе». После наблюдений над народной речью различных областей страны, как сообщает Штур, он убедился, что «самой чистой и правильной словацкая речь выступает там, где она лучше укрыта от иноязычных влияний, в глубине Татр, и, наоборот, она больше всего изменилась в областях окраинных, подвергшись влиянию соседних славянских языков; однако единство словацкого языка ощущаемо как в грамматических формах, так и в лексическом составе, которые представлены во всех говорах и соединяют словацкий язык в одно целое»³.

Некоторые ученые полагали, что можно было бы встать на путь насыщения чешской литературной нормы словацкими фонетическими и морфологическими элементами. Так поступали Я. Коллар и некоторые другие писатели. По мнению Штура, такая практика не могла дать существенных результатов. В связи с этим он считает, что основой нового литературного языка должно стать среднесловацкое наречие — «язык, на котором говорят в Турце, на Ораве, в Липтове, Зволене, Текове, Гемере, Гонте, Новограде, верхних Тренчине и Нитре, а также во всей верхней Венгрии»⁴. В нижнем Тренчине, Нитранском и Братиславском округах словацкий язык в некоторых явлениях сближается с моравским наречием, однако сами словаки, живущие в этих округах, признают значение среднесловацкого наречия и смогут усвоить литературные формы. Вначале новый язык не будет обладать последовательным единством, однако «все это переварится, и наш литературный язык быстро приобретет устойчивость, которая позволит всем использовать его лучшие качества»⁵.

В своем труде «*Nauka reči slovenskej*» Штур дает описание фонетического строя словацкого языка и устанавливает принципы правописания. Грамматические разделы содержат парадигмы склонения и спряжения, отмечаются синтаксические особенности языка. В разделе лексики приводятся наиболее показательные элементы словацкого словаря, отличающие его от чешского. Во всех разделах Штур подробно сопоставляет словацкие языковые факты с чешскими, анализирует диалектные особенности и обосновывает, в случае необходимости, рекомендуемые для литературного языка формы.

В этих лингвистических заметках чувствуется прекрасное знание Штуром словацких говоров, умение обобщать грамматический материал, отмечать специфические словацкие явления. Здесь подтверждается высказывание самого Штура о том, что его грамматика основана не на механических правилах, а «на изучении и объяснении внутренней структуры и строения нашего языка»⁶.

² L. Štúr. *Nárečja slovenskuo*, Prešporok, 1846, стр. 32.

³ *Nauka reči slovenskej*, стр. IX.

⁴ *Nárečja slovenskuo*, стр. 78.

⁵ Цит. соч., стр. 78—79.

⁶ *Nauka reči slovenskej*, стр. XI.

В области фонетики Штуру принадлежит установление фонематического состава словацкого языка. Он первым отметил долготу слоговых плавных *l* и *r*. Штур хорошо знал границы распространения таких звуков, как *ä* и *ŕ*; вследствие узкого распространения в говорах этих звуков Штур не включил их в фонетическую систему литературного языка. Только позднее эти звуки были введены в литературный язык. Отмечая отсутствие в словацком языке звука *y*, Штур вместе с тем указывает, что на границе с Польшей (Верхняя Орава) встречается произношение *y*. Штуру принадлежит формулировка закона слоговой гармонии, который регулирует ритмическую структуру словацких слов; он отметил слабость динамического ударения в словацком языке, связывая это явление с наличием долготы гласных; Штур выявил словацкие дифтонги и установил условия чередования в различных грамматических категориях. Анализ структуры современного языка Штур заключает выводом, что древнечешский язык в области фонетики был ближе к современному словацкому языку. Этот вывод сохраняет свою силу и в настоящее время.

Морфологические нормы, выдвинутые и обоснованные Штуром, сохраняются, за немногими исключениями, в современном языке. И здесь проявилось лингвистическое чутье Штура: он выделил категорию мужских личных имен, отметил многие явления, характеризующие словацкую флексию. Штур неоднократно отмечает в своих филологических трудах, что скоро будет готов и словарь словацкого языка. Действительно, в 1848 г. Шт. Янчович издал Словацко-венгерский словарь⁷, отразивший взгляды Штура на лексический состав словацкого языка. Основной чертой взглядов Штура на лексику нового литературного языка было стремление опереться на достижения чешского литературного языка. Анализ словаря Янчовича убедительно свидетельствует о том, что лексика, особенно терминологическая, которая отсутствовала в словацком языке, заимствовалась из более развитого чешского, но приобретала словацкие фонетические и морфологические особенности.

Таким образом, Штур умело и проникательно, на основе научных языковедческих методов, которые он изучал в Галле и по трудам чешских филологов, отобрал наиболее важные особенности среднесловацких говоров и ввел их — с учетом показаний восточного и западного диалектов — в литературный язык. Именно поэтому с полным правом мы можем назвать Людвиг Штура создателем словацкого литературного языка.

И католики и протестанты приняли разработанную Штуром систему нового литературного языка. Вместе с тем это начинание штуровцев вызвало резкий протест со стороны деятелей чешского национального движения, опасавшихся, что развитие литературного словацкого языка приведет к взаимному национальному ослаблению словаков и чехов.

В 1846 г. «Литературное общество при Чешском музее» издало книгу «Голоса о необходимости единства литературного языка для чехов, моравян и словаков», в которой были помещены статьи Коллара, Шафарика, Палацкого и других, осуждавших начинание штуровцев. Коллар, ранее восхищавшийся словацкими песнями и бывший идейным вдохновителем штуровского движения, называет теперь родное наречие жаргоном извозчиков и завсегдаево корчмы. Шафарик

⁷ *Noví slovensko-maďarskí a maďarsko-slovenskí slovník, I—II. Na Sarvaši, 1848.* Словарь, который готовили Ц. Зох и М. Годжа, так и не появился.

оценивает отказ словаков от чешского языка как «переход от «Илиады» к азбуке».

Необходимо признать, что эти выводы были основаны на недостаточной осведомленности их авторов и поэтому ошибочны. Они оказываются особенно несправедливыми, если обратиться к взглядам самого Штура и его соратников, к их отношению к чешской культуре и чешскому языку. Штур писал: покидая чешский литературный язык, «не будем забывать эту нашу наиболее близкую сестру!.. Чешский язык имеет много хорошего, что требуется и для нашей жизни. Мы благодарны чешскому народу, который нас поддерживал в трудные годы, подготавливая нас своими духовными плодами к более высокой жизни. И мы думаем, что чешские братья от нас не отвернутся, что они и в дальнейшем будут нам близкими и останутся с нами в духовном союзе»⁸. Сама жизнь показала основательность и справедливость этих суждений. Чехи и словаки в совместном государстве, помогая друг другу, строят новое общество. Только в наше время получили истинный смысл слова Штура, которыми он закончил свою книгу о необходимости создания словацкого литературного языка: «Кто порывает со своими братьями, тот несет тяжкую ответственность перед нашим народом. Мы как были, так и останемся в союзе с чехами; что они замечательного создадут, будем перенимать; что хорошего сами сможем сделать — будем делать; того же и от них, как от братьев, ожидаем»⁹.

На протяжении XIX и в начале XX в. продолжалась борьба словацкого народа за независимость и равноправие словацкого языка. На первых порах словацкий литературный язык, играя значительную роль в национальной борьбе, применялся только в художественной литературе и не получил широкого доступа в другие сферы общественной жизни. В условиях буржуазной республики словацкий литературный язык также не получил возможности всестороннего развития вследствие фактического неравенства между чешскими и словацкими областями и великодержавной политики чешской буржуазии. Только после революции 1945 г. словацкий литературный язык стал достоянием широких народных масс. За истекшие годы словацкий литературный язык получил доступ во все области общественной жизни; проводится огромная работа по выработке общественно-политической, научной и технической терминологии, литературным языком овладевает сельское население, созданы выдающиеся произведения художественной литературы.

Мечты Л. Штура о свободном развитии родного языка осуществились только в условиях народно-демократической Чехословакии. Его языковедческая работа позволила словацкому народу создать орудие, с помощью которого он победоносно завершил борьбу за национальное и социальное освобождение.

⁸ Nauka reči slovenskej, стр. XI.

⁹ Nárečja slovenského, стр. 86.

А. Б. Правдин

АБЛАТИВНЫЕ ЗНАЧЕНИЯ РОДИТЕЛЬНОГО ПАДЕЖА В СТАРОСЛАВЯНСКОМ ЯЗЫКЕ

В употреблении славянского родительного падежа, особенно с предлогами, до сих пор весьма четко выделяется комплекс отложительных значений, которые могут быть противопоставлены собственно генетивным значениям падежной формы.

Отложительным падежом некогда обозначался косвенный объект удаления в широком смысле слова. В древнеиндийском языке, сравнительно хорошо сохранившем отложительный падеж, вокруг этого исходного значения группируются многочисленные производные значения: отложительный падеж обозначает предмет, от которого направлено движение, а также предмет, от которого нечто отделяют, освобождают, спасают, скрывают, воспринимают, которого боятся или стыдятся; эта же форма служила для обозначения причины, материала или источника и, наконец, предмета, с которым нечто сравнивается¹.

Рано совпавший в различных индоевропейских языках с другими падежами (родительным, дательным, орудийным), отложительный падеж, по-видимому, уже с праязыкового периода в некоторых случаях сочетался с предлогами или предложными наречиями, уточнявшими его крайне широкое значение. Все предлоги, употребляющиеся в старославянском языке с родительным-отложительным падежом, имеют этимологические соответствия за пределами славянской языковой группы; обычно сохраняется также элемент отделительного значения (исключение — предлог *съ*, употребление которого с родительным-отложительным падежом представляет собой особенность славянских языков).

Задача настоящей статьи — рассмотреть способы выражения отложительных (аблативных) значений в старославянском языке, т. е. тех значений, которые были некогда свойственны особой форме отложительного падежа. При этом в центре внимания будет находиться употребление беспредложного родительного-отложительного падежа (иначе *genetivus separationis*); непосредственно продолжающего традиции индоевропейского аблатива.

В литературе уже неоднократно приводились примеры использования родительного-отложительного падежа в старославянском языке. Обильный материал был собран Ф. Миклошичем в IV томе его «Сравнительной грамматики»². Однако материал Ф. Миклошича дает пред-

¹ J. S. Speyer. *Vedische und Sanskrit-Syntax*. Strassburg, 1896, § 50—61.

² F. Miklosich. *Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen*, IV. Wien, 1883, стр. 451 и след.

ставление главным образом об употреблении родительного-отложительного падежа в более позднем, церковнославянском языке сербского и болгарского изводов. Немногочисленные примеры с выделением собственно старославянского языкового материала приводит в своих работах В. Вондрак³. В исследовании С. Слоńskiego, посвященном особенностям приставочных глаголов в старославянском языке⁴, также содержится относящийся к нашей теме материал. Вопрос о взаимоотношениях беспредложного родительного падежа и предложных сочетаний, служащих для выражения отложительных значений, упомянутыми авторами почти не затрагивается и нуждается в разрешении. Одной из задач нашей статьи является также определение грамматических и лексико-грамматических свойств глаголов, управляющих в старославянском языке беспредложным родительным-отложительным падежом.

Фактический материал извлечен нами из важнейших памятников старославянского языка (Зографский, отчасти Мариинский кодексы, Саввина книга, Киевские листки, Синайская псалтырь и Синайский требник, Клоцов сборник, Супрасльская рукопись) и нескольких памятников русской редакции старославянского языка, не использованных Ф. Миклошичем, но хорошо отражающих собственно старославянские синтаксические нормы (Изборник Святослава 1073 г., XIII слов Григория Богослова, Чудовская псалтырь XI в., Пандект Антиоха XI в.)⁵.

Собра́нный материал сгруппирован по значениям, выражаемым беспредложным родительным-отложительным падежом и предложными сочетаниями в соответствии со значениями управляющих слов.

1. В родительном падеже стоит название предмета, от которого нечто удаляется. Имя, стоящее в родительном падеже, может выступать в синтаксической функции обстоятельства места («откуда?»), если это допускает его лексическое значение. В качестве управляющего слова выступают глаголы пространственного передвижения. Беспредложный родительный-отложительный падеж встречается главным образом при приставочных глаголах; исключение — случаи при глаголе **вѣгати** (**вѣжати**).

вѣгати (**вѣжати**). «Бежать»; в переносном значении 'избегать' (последнее чаще). Случаи родительного-отложительного падежа многочисленны: **дажди емоу ... вѣгати къѣвою зъловы** Тр. 816; **вѣжашта въспрѣштениа исавкова** Супр. 77, 15—17; **мира и съѣтъкоупькениа вѣгакши** Супр. 200, 10—12; **вѣжимъ кычениа и славы** Супр. 340, 12; **вѣган сласти** Супр. 351, 13; русск. извод: **вѣган оубо зълыныхъ дѣлъ** Изб. 37в; **вѣжи содомы** Гр. Б. 113а; **вѣжан же егупта и егуптскыхъ** Гр. Б. 345в и т. п.

извѣжати (и прочие приставочные образования). 'Убежать', 'избегать'. Некоторые примеры: **да съподовите сѧ оубѣжати въсѣхъ сихъ**

³ W. Vondrák. Vergleichende slavische Grammatik, II. Göttingen, 1928, стр. 245 и след. его же. Altkirchenslavische Grammatik. Berlin, 1912.

⁴ S. Słoński. Funkcje prefiksów werbalnych w języku starosłowiańskim (starobułgarskim). «Travaux de la Société des Sciences et des Lettres de Varsovie», Classe 1, № 14. Warszawa, 1937.

⁵ Используемые издания указаны в конце статьи; там же поясняются употребляемые сокращения.

хоташихъ быти Зогр. Лк. XXI, 36; извѣгъ смъркѣти Клоц. I, 314—315; егоже отъвѣгж оученици свои Тр. 48а; не надѣита са извѣжати ржкоу мою Супр. 7, 6—7; оувѣжати ... мьсти Супр. 49, 16—17; димофилоу же отъвѣгъшоу цѣсара повелѣнниа. Супр. 200, 7—8; оувѣжнѣ звѣри Супр. 472, 2; русск. извод: отъвѣгъше нечистотъ мирьскихъ Изб. 376; оувѣжати врачевныа пользы Изб. 114а—б; тжжести оувѣгаа Гр. Б. 576; оувѣжиши огня Гр. Б. 106в; оувѣжахомъ егупта и фарауса горкааго влкъ Гр. Б. 373г; оувѣжавъ саоула стын дѣдъ Чуд. 546.

Соответствующие глаголы нередко управляют и предложными сочетаниями, причем обычно используется предлог **отъ**: нагъ вѣжа отъ нихъ Зогр. Мр. XIV, 52; вѣжаша отъ гроба Зогр. Мр. XVI, 8; вѣжати отъ градштаго гнѣва Зогр. Лк. III, 7; отъвѣгни отъ него Тр. 46а; вѣжатъ отъ лица кмоу Супр. 22, 19; лъвъ ... отъвѣже отъ наю Супр. 297, 5—6; отъ ірода вѣжавъша Супр. 455, 2. Иногда встречается предлог **из**: извѣгни і сего рава гнѣ Тр. 46а; при отглагольном существительном: по извѣжанни изъ егупта Гр. Б. 25а.

В Чудовской псалтыри приставочные глаголы **оувѣжати**, **отъвѣжати** иногда управляют беспредложным винительным падежом, по-видимому, под влиянием греческого синтаксиса: отъвѣжахъ въселничьскыа съвѣты ратьныхъ 57а; овъштеникъ зъловы отъвѣжавъ 112б; оувѣжати наносимоуж отъ тебе моукоу 1286⁶.

Из приставочных глаголов беспредложным родительным-отложительным падежом управляют глаголы с приставками **из-**, **отъ-**, **съ-**, **оу-**. В бесприставочном виде эти глаголы управляют предложными сочетаниями, так как сами по себе не содержат указания на удалительный характер действия.

1) Глаголы с приставкой **из-**.

изверѣшти са. В переносном значении 'быть изгнанным'. Единичный случай беспредложного родительного-отложительного падежа: аще ли естъ еписпъ то да изверѣжетъ сана Тр. 102б; предложное управление ср. при невозвратном глаголе: изверѣж и конъ из винограда Мар. Мр. XII, 8.

изгънати. С беспредложным родительным встречается в Словах Григория Богослова: дрѣва жизнѣнааго изгънавъше ны 5б; обычно предложное управление: изгнаша і вѣнъ из града Зогр. Лк. IV, 29; изгъна изъ града и отъ странъ тѣхъ ... самараны Супр. 517, 27—29.

изити—исходити. В переносном значении 'покинуть, оставить'. Единичный случай беспредложного управления в памятнике русского извода: стена изидеть житиа Изб. 120об. Обычно используются предложные сочетания (предлоги **из**, **отъ**): о всемъ глѣ исходаштнѣмъ из

⁶ Об управлении глагола $\varphi\epsilon\beta\upsilon\gamma\epsilon\tau\upsilon$ и производных от него в среднегреческом языке см. F. Blass, A. Debrunner. Grammatik des neutestamentlichen Griechisch. Göttingen, 1931, § 149.

оустъ вѣжн Зогр. Мф. IV, 4; исхѣдаште из домоу ли из града того Зогр. Мф. X, 14; изидоша изъ егупта Супр. 417, 5 и т. п.; нечисты дхъ изидетъ отъ чка Зогр. Мф. XII, 43; исхѣдаштю емоу отъ цркъкѣе Зогр. Мр. XIII, 1; отъ дѣвы изиде ис Супр. 428, 12 и т. п.

излазити — излѣсти. В переносном значении 'покинуть, оставить'. Беспредложный родительный падеж встречается в Супрасльской рукописи: аште и на р нхъ раздѣлиши своког чисмене не излазатъ 94—95. Предложные сочетания: излѣзъ ис кораблѣ петръ Зогр. Мф. XIV, 29; аште излѣзешн из огни везъ врѣда Супр. 540, 20—21; русск. извод: из града излазаште Изб. 260а; предлог отъ: выша но не излѣзан отъ закона Супр. 401, 19—20.

испасти. 'Выпасть'; в переносном значении 'липиться'. Примеры: слыша аама отча домѣ испадъша Супр. 429, 22—23; русский извод: ижда не тчыж лика англѣска испадѣ... Панд. Ант. 366; еда когда испадж лѣпадо Гр. Б. 94а. Предложное управление: звѣзды испаджтъ съ небсе Пс. XXIV, 29; отъ колнка мѣста испадѣ Супр. 410, 8; испадѣ не породы Супр. 429, 15—16.

и-стжпнѣти. 'Выйти'; в переносном значении близко к 'покинуть': апостольска истж(пн)къ радоу Супр. 426, 13—14 (случаи предложного управления не встретились).

При целом ряде глаголов с приставкой **из-** в обследованных памятниках встретился лишь родительный падеж с предлогами: **извести, изводити,⁷ извлачити, искочити, изнести, износити, истешти, истрасти, истръгнѣти** и др.

2) Глаголы с приставкой **отъ-**.

отъдалити, отъдалити сѧ. Случаи беспредложного родительного падежа встретились лишь в текстах русской редакции: **отъдаленъ стынхъ съворъ** Изб. 33в; **отъдаликъ сѧ ба** Гр. Б. 300 г.; предложное управление не отмечено.

отити — отъхѣдити. В переносном употреблении близко к 'покидать, оставлять'. Примеры: **отцоу нашему не сжштоу тоу савѣ нъ мана-стыра отъшѣдъша** Супр. 290, 9—10; **житна сего отъхѣдаште** Супр. 98, 26—27; русск. извод: **стын во дхъ... льстни отъидетъ** Изб. 200в; **житна отъидѣ** Изб. 94а. Обычным является предложное управление: **отидѣте отъ мене** Зогр. Мф. VII, 23; **ошѣдъши скоро отъ гроба** Зогр. Мф. XXVIII, 4; **отидѣ проказа отъ него** Зогр. Мр. I, 42; **отидѣ отъ понтьскаго моря** Гр. Б. 50—51.

отъпасти — отъпадати. В переносном употреблении близко к 'липиться'. Случаи беспредложного родительного падежа сравнительно многочисленны: **сѧминан сѧ нынѣ на ма штъпадъша стыхъ теонхъ повелѣнен** Тр. 786; **аште сиротж мѣниши то и того отъпадѣ** Супр.

⁷ Ф. Миклошич (цит. соч., стр. 454) приводит пример на употребление беспредложного родительного падежа при глаголе **изводити сѧ**: «*вътънисе изводитъ се*» (bulg.).

241, 9—10; **вожиа мѣдрости по истинѣ отъпадоша** Супр. 333, 11—12; **да не... отъпадетъ прошения** Супр. 454, 7—8; **отъпаде чина небесныхъ силъ** Супр. 545, 15 и т. п.; из памятников русского извода: **богочьстни отъпадактъ** Изб. 47а; **сѣвршениа отъпаде** Изб. 133б; **жииа славы отъпасти** Гр. Б. 4г; **стола не ѡпасти** Гр. Б. 83а; **тоа благодѣти отъпадеша** Гр. Б. 110а и т. п. Встречаются и случаи предложного управления: **да отъпаджтъ от мыслен своіхъ** Пс. V, 11; **отъпадѣмъ оубо отъ врагъ моіхъ** Пс. VII, 5; **отъ своа вѣры отъпаджтъ** Супр. 58, 9—10; **отъпадоша веригы отъ телесе юю** Супр. 182, 7—8; **тъ кдинъ отъпадактъ отъ жрѣвни** Супр. 509, 19—20; **отъ дрѣва животнааго отъпасти** Гр. Б. 318а.

отъселити са. 'Поселиться в стороне, в отдалении от чего-либо'. Единичный случай с беспредложным родительным падежом в Словах Григория Богослова: **отъселихъ са касъ** 162г; предложное управление не отмечено.

отъстоати. 'Быть отдаленным от чего-либо'. Единичный случай беспредложного родительного падежа в Клоцовом сборнике: **срдцемъ далече отъстоитъ на** I, 148—149; обычно предложное управление, например Зогр. Мф. XV, 8: **срдьце ихъ далече отъстоитъ отъ мене**; русск. извод: **многѡж мѣрож кавулон отъ палестины отъстоитъ** Чуд. 48г.

отъстѣпити — отъстѣпати. 'Отойти', в переносном употреблении 'покинуть, оставить'. Беспредложное управление встречается сравнительно часто: **отъстѣпаль зѣла** Тр. 70а; **дондеже не отъстѣпитъ мѣдрѣствованиа** Супр. 289, 27—28; сюда же, по-видимому, относятся и случаи в Синайской псалтыри: **не остѣпимъ тебе** IX, 22 и LXXIX, 19; русск. извод: **любитъ во не скоро отъстѣпати красныхъ позоръ** Гр. Б. 34в; **благодьстниа отъстѣпивъшо** Гр. Б. 55б; **житниа отъстѣпивъшо** Гр. Б. 69в; **ико же оудовниа ради всьего отъстѣпати** Гр. Б. 250б и нек. подобн. Обычное предложное управление: **отъстѣпите отъ мене** Зогр. Лк. XIII, 27; **отъстѣпи отъ нихъ** Зогр. Лк. XXII, 41; **не отъстѣпи отъ мене** Пс. XXI, 12; **отъ такого безоумниа отъстѣпити** Супр. 29, 25—26; **отъстѣпите отъ вѣсованиа** Супр. 34, 13; **отъстѣпиша отъ вѣры** Супр. 175, 6—7; **не отъстѣпи отъ него нечистѣи вѣсъ** Супр. 523, 15—16.

При ряде глаголов с приставкой **отъ-** встретился лишь предложный родительный падеж: **отъвести, отъводити, отъгнати, отъгонити, отътрасти**⁸.

3) Глаголы с приставкой **сѣ-**.

сѣвалѣшти (са). 'Стащить', в переносном употреблении 'раздеть, отделить'; возвратный глагол: 'раздеться; отделиться; лишиться'. Беспредложный родительный падеж: **сѣвалѣкѣше са ветѣхааго чѣа** Тр. 94а, ср. 98б;

⁸ Случаи беспредложного родительного падежа при **отъвести, отъгнати** приводит из церковнославянских памятников Ф. Миклошич (цит. соч., стр. 454).

ЛШТЕ И СВѢТЧЕ МА ОТЪ ОДЕЖДА НЪ ОУВО ^ѣѤ ВЪ НЕГОЖЕ КСМЪ
 ОБЛЪЧЕНЪ НЕ ИМАШИ МОШТИ СВѢЛШТИ Супр. 50, 13—15; ВЕТЪХААГО
 ЧЛОВѢКА НЕ СВѢЛѢЖ СѦ Супр. 355, 22; СВѢНЦЕ СВѢТА СВѢЛѢКЪ СѦ
 ОБЛѢЧЕ СѦ ВЪ ТЪМЪ Супр. 475, 13—14. Конструкции с предлогом:
 СВѢЛША СЪ НЕГО УЛАМІДЖ Зогр. Мф. XXVII, 31 (в отличие от бес-
 предложной конструкции в родительном падеже стоит не название
 предмета, который снимают или отделяют, но название лица, с кото-
 рого нечто снимают); СВѢЛѢЖ ТИ СѦ ЛЦЕ ВЕЛИШИ И СЪ РИЗЪ
 Гр. Б. 70г.

СЪСТЪПНИ. Единичный случай беспредложного родительного падежа
 в памятнике русского извода: ПРАВААГО ПОУТИ СЪСТОУПШЕ Панд. Ант.
 36а. Предложное управление отмечено у глагола СЪСТЪПАТИ: ОТЪ СТА-
 РѢШИШЬСТВА СЪСТОУПАЮЩЕ Изб. 57б.

При прочих глаголах с приставкой СЪ для обозначения предмета,
 от которого направлено движение, используются предложные сочетания
 (предлоги ОТЪ, СЪ): СЪНИТИ, СЪХОДИТИ, СВѢСТИ, СЪПАСТИ.

4) Глаголы с приставкой ОУ-

ОУДАЛИТИ СѦ — ОУДАЛИТИ СѦ. Беспредложный родительный падеж
 встречается в Словах Григория Богослова: ОУДАЛИТИ СѦ ИДЕНИИ 200в;
 КОЛИ ОУДАЛИТЬ СѦ СТРАСТИ 78б. Предложное управление: ОУДАЛИ СѦ
 ОТЪ НЕГО Пс. XXI, 20; при невозвратном глаголе: НЕ ОУДАЛІ ПОМОШТИ
 ТВОЕЯ ОТЪ МЕНЕ Пс. CVIII, 27.

Таковы основные случаи использования беспредложного родитель-
 ного-отложительного падежа при глаголах с исходным значением пере-
 мещения в пространстве. При анализе конструкций с беспредложным
 родительным падежом обращает на себя внимание прежде всего то
 обстоятельство, что стоящее в этом падеже имя почти никогда не несет
 синтаксической функции обстоятельства места («откуда?»), несмотря на
 благоприятные для этого условия (зависимость от глаголов движения).
 Обстоятельственная функция родительного-отложительного падежа
 представлена совершенно единичными случаями (МОНАСТЫРА ОТЪШЪДЪША;
 ОУЧЪЖАХОМЪ ЕГУПТА). В функции обстоятельства места как при рас-
 смотренных приставочных глаголах, так и при глаголах движения,
 не снабженных специальными «отложительными» приставками, постоянно
 используется родительный падеж с предлогами ОТЪ, ИЗ, СЪ. Вторым
 характерным признаком конструкций с беспредложным родительным-
 отложительным падежом является отвлеченность значения имен суще-
 ствительных, принимающих эту форму (этот признак, естественно,
 связан с первым). Ср. при глаголах ОТЪПАСТИ — ОТЪПАДАТИ: ПОКЕЛѢНИИ.
 ЛЖДРОСТИ, ПРОШЕНИИ. ЧИНА, ВОГОЧЪСТИИ, ОУЧЕНИИ, СЛАВЫ и т. п.; такая же
 картина наблюдается и при других глаголах удаляющегося движения.
 Имена существительные с невещественным значением принимают и пред-
 ложную форму родительного падежа (см. ОТЪПАДЪТЪ ОТЪ МЫСЛЕН),
 однако одним из условий применения беспредложной формы является
 именно отвлеченность и невещественность значения существительного.
 Существительные с вещественным значением в беспредложном родитель-
 ном падеже встречаются очень редко. Весьма редко форму родительного
 падежа без предлога принимают местоимения в применении к лицам

(единичные случаи при глаголах **отъвѣшти**, **отъстѣжити**, **отъселити са**).

Вследствие отвлеченности имен, принимающих беспредложную форму родительного падежа, изменяется значение соответствующих глагольных конструкций. Родительный-отложительный падеж рассмотренного типа обозначает не только предмет, от которого нечто удаляется (конкретное исходное значение конструкций из глаголов движения и родительного-отложительного падежа), но и предмет, которого лишаются, который оставляют или покидают (**изити**, **истѣжити**, **испасти**, **отити**, **отъпасти**, **отъстѣжити**).

По своим грамматическим свойствам глаголы, управляющие беспредложным родительным-отложительным падежом, чаще всего являются непереходными. Из переходных глаголов с беспредложным родительным падежом встретились лишь **изгнати**, **отдалити**, **сѣвлѣшти** (по одному случаю при каждом из этих глаголов); однако винительный падеж прямого дополнения употреблен наряду с родительным-отложительным лишь в конструкции с глаголом **изгнати**. В конструкции с глаголом **сѣвлѣшти** и беспредложным родительным падежом прямое дополнение пропущено; глагол **отъдалити** употреблен в форме страдательного причастия. Из глаголов с возвратной частицей беспредложным родительным падежом управляют **отъдалити са** (1 случай), **отъселити са** (1 случай), **сѣвлѣшти са** (3 случая), **изверѣшти са** (1 случай), **оудалити са** (1 случай); по поводу двух последних можно заметить, что соотносительные с ними переходные глаголы имеют при себе лишь предложные сочетания (**отъ**, **из** + род. п.).

Помимо беспредложного родительного падежа при глаголах движения, для обозначения предмета, от которого движение удаляется, в обследованных памятниках старославянского языка применяется главным образом сочетание этого падежа с предлогом **отъ**, реже — с предлогами **из** и **съ**. Употребляясь исключительно часто, первый из этих предлогов заметно вытесняет остальные, применяясь для характеристики движения, направленного изнутри предмета (значение, свойственное первоначально родительному падежу с предлогом **из**), и движения, направленного с поверхности предмета (значение предлога **съ** с родительным падежом). Помимо случаев при бесприставочных глаголах движения и глаголах с приставкой **отъ-**, он находит весьма широкое применение также при глаголах с приставками **из-**, **съ-**, ср. **изиди от чка** Зогр. Лк. VIII, 29, **озлѣзъ отъ сивожня кока** Супр. 36, 19, **сѣлѣзе отъ кона** Супр. 146, 12—13. Предлог **отъ** с родительным падежом выдвигается, таким образом, на позиции основного средства обозначения предмета, от которого нечто удаляется. Обращает на себя внимание исключительное употребление этого предлога в тех случаях, когда конструкция с глаголом движения имеет отвлеченное значение (**не излѣзли отъ закона**, **отъ старѣшинѣства сѣстоупающе**). Поскольку конструкции с беспредложным родительным-отложительным обыкновенно имеют отвлеченное значение, можно рассматривать предложное сочетание «**отъ** + род. п.» в качестве грамматического средства, значение которого полностью включает в себя значение, выражаемое беспредложным родительным-отложительным падежом при глаголах движения в старославянском языке. Прочие предложные сочетания,

употребляющиеся при глаголах движения, выражают значения, более тесно связанные с конкретно-пространственными представлениями, и в силу этого неспособны заменять собой беспредложный родительный падеж.

Возможно, что в преимущественном употреблении предлога *отъ* при глаголах движения в старославянском языке в известной мере сказывается влияние среднегреческого синтаксиса, для которого характерно такое же расширенное употребление предлога *ἀπό* с родительным падежом⁹.

2. В родительном падеже стоит название предмета, от которого нечто отделяется; сюда же примыкает родительный падеж предмета, от которого устраняются или отказываются. Родительным падежом этого типа управляют различные приставочные глаголы, особенно с приставками *отъ-* и *оу-*; соответствующие бесприставочные глаголы с родительным беспредложным падежом отложительного характера и с отложительными предложными конструкциями в памятниках старославянского языка не употребляются.

1) Глаголы с приставкой *отъ-*.

отъвратити сѧ — *отъвращати сѧ*. 'Устраниться, отказываться, уклоняться'. Примеры: *истины отъвращаѡштинѡхъ сѧ* Супр. 514, 24—25; *отъвращаатъ сѧ съвора отъмештѡштинѡхъ сѧ* Супр. 510, 4; русский извод: *вѣси насъ отъвращаѡтъ сѧ* Изб. 68в; *хотѡштаго заѡти оу тебе не отъврати сѧ* Изб. 93г; *казани же вседръжитѡла не отъвращати сѧ* Изб. 142в—г; *ни акы врагъ сѧ отъврати хомъ* Гр. Б. 241б. Предложное управление отмечено при соответствующих переходных глаголах: *доколѣ отъвращаѡши лице твое от мене* Пс. XI, 2; *ни отъврати́лъ еси тѣ лица своего от мене* Пс. XXI, 25; *отъвращаѡла отъ жрътѣвъ вожьскыѡхъ* Супр. 155, 5—6; *не отъврати лица своего от стоуда пльканыѡ* Супр. 481, 4—5 и т. п.

отъврѣшти (сѧ). 'отбросить'; с возвратной частицей 'отказаться, отречься'. Примеры многочисленны: *ѡже отъврѣжетъ сѧ мене прѣдѣчкы отъврѣж сѧ і азъ его...* Зогр. Мф. X, 33; *не отъврѣж сѧ тебе* Зогр. Мф. XXVI, 35; ср. также Мр. XIV, 30, 71, Лк. XXII, 34, Ио. XIII, 38 и др.; *исходѡштинѡхъ отъ оустъ моѡхъ не отъврѣж сѧ* Пс. LXXXVIII, 35; *честънаго ти знамениѣ отъврѣжѡше ма* Тр. 78б; *отъврѣшти сѧ христосова имени* Супр. 46, 19—20; *чесо ради отъврѣжѡша сѧ зарѡка кмоу вѣси* Супр. 53, 11—12; *отъврѣже сѧ потрѣбъ мирьскыѡхъ* Супр. 279, 13—14; *отъврѣгосте сѧ своего цѣсара* Супр. 435, 25. Предложное управление встречается лишь при соответствующем переходном глаголе: *отъврѣзи отъ себе* Зогр. Мф. V, 29; *отъврѣзѣмъ отъ насъ нго іхъ* Пс. II, 3; *отъврѣженъ есмъ отъ лица очю твоею* Пс. XXX, 23.

⁹ См. F. Blass, A. Debrunner. Цит. соч., § 209. В евангельском тексте предлогом *отъ* переводится обычно греч. *ἀπό*, предлогом *из* — греч. *ἐξ*; однако греч. *ἀπό* может соответствовать и *сѧ*, напр. *сѧниди сѧ вѣста*. Мр. XV, 30 (*ἀπό τοῦ σταυροῦ*), *из*, напр. *излѣкъ іс кораблѣ* Мф. XIV, 29 (*ἀπό...*), см. греч. тексты в издании: C. Tischendorf. *Novum Testamentum graece*. Lipsiae, 1849.

отъвѣштати сѧ. Единичный случай: повели ми прѣжде отъвѣрати сѧ тѣхъ иже сѣтъ въ домоу моему Сав. Лк. IX, 61. Предложное управление не наблюдается¹⁰.

отъкланяти сѧ. 'Сторониться, избегать'. Случай с беспредложным родительным-отложительным падежом лишь в Изборнике 1073 г.: **отъкланяти сѧ тацѣхъ зълыхъ врачейъ и чародѣиць** 130б; **окланни сѧ оубо плѣтныхъ и мирьскыхъ похотни** 93г. Управление предложным сочетанием с отложительным значением не отмечено.

отължчити (сѧ) — отължчати сѧ. 'Отделить, отстранить'; с возвратной частицей 'отделиться, уклониться'. Примеры: **да аште кѣто исповѣсть хѧ отължченъ сънъмишта вѣдетъ** Зогр. Ио. IX, 22; **оца отължчити сѧ и вратриѧ слоужащаѧ боу** Тр. 91а; **не отължчатъ сѧ подражениѧ** Супр. 82, 8; **не отължчи сѧ лика** Супр. 96, 14; русск. извод: **грѣха же всего съпроста отълоучена** Изб. 8а; **отълоученъ свѣтъ цркве** Изб. 33в; **црквныхъ съворъ не отължчате сѧ** Изб. 93б; **отълоучена ваше земля невесе** Изб. 166в; **великаго отължченъ вытъ съпржга** Гр. Б. 94а. Предложное управление: **отължчатъ злыѧ отъ срѣды праведныхъ** Зогр. Мф. XIII, 49; **да не отължченъ вѣдѣж отъ стыхъ мжжъ** Супр. 15, 27—28; **отъ любве хрстовы отължчити** Супр. 49, 4—6; **да сѧ отължчитъ отъ насъ** Супр. 63, 5—6.

отъмешти сѧ — отъметати сѧ (-мѣт-). 'Отказаться'. Примеры с беспредложным родительным падежом многочисленны: **отъмѣтаѧи сѧ васъ мене сѧ отъмѣтаеть а отъмѣтаѧи сѧ мене отъмѣтаеть сѧ посплавѣшааго ма** Зогр. Лк. X, 16; ...**рава твоего сего отъмѣтаѧцааго сѧ всѣхъ сихъ** Тр. 80б; **отъмѣташи во сѧ родитель вратриѧ жены и дѣтен** Тр. 89б; **не отъмештѣ сѧ скатааго доуха** Супр. 115, 17—18; **въскрѣсенни не отъмешти сѧ** Супр. 317, 28—29; **отъмѣтааше сѧ крѣста** Супр. 379, 14; русск. извод: **отъмѣци сѧ макъкыныхъ** Изб. 39в; **ни отъметати сѧ даѧмааго** Гр. Б. 228в; **отъмѣтаѧште сѧ зълѣвѣриѧ** Чуд. 66в, — и т. п. Случаи предложного управления не встретились.

отърешти сѧ — отърицати сѧ. 'Отказаться'. Примеры: **отъречетъ сѧ всего своего имѣнѣ** Зогр. Лк. XIV, 33; **всего того отърицаѧ сѧ** Тр. 68б. Предложное управление не отмечено.

остати (сѧ). Выступает в значении 'оставить, покинуть; отказаться' (образовался, судя по значениям, из **otr-stati* 'отделиться'). Случаи употребления с беспредложным родительным падежом многочисленны: **останѣте ихъ** Зогр. Мф. XV, 14; **останѣте ѡна** Зогр. Мр. XIV, 6; **ѣко останетъ его (болезнь. — А. П.) да съжежетъ. в. сѣциѧ** Тр. 44б; **повелѣ въсомъ остати сѧ ихъ и оставѧ сѧ** Супр. 39, 8—10; **оставѣ сѧ крѣстиныства** Супр. 60, 25—26; **остани сѧ въсокани своего**

¹⁰ В греч. дательный падеж: ...*ἀποτάξωμαι τοῖς εἰς τὸν οἶκόν μου* (дательный адресата словесного общения).

Супр. 115, 1—2; **не останѣхъ сѧ стыдѣсти** Супр. 413, 18—19; в памятниках русской редакции: **тоже и тако зѣла не останемъ сѧ** Изб. 96б; **ни любезнаго трѹда въчина остати** Гр. Б. 32в; **остани сѧ не съдравоумѣшта страха** Гр. Б. 109в. и т. п.; предложное управление наблюдается реже: **останѣте сѧ отъ сихъ** Супр. 28, 3—4; **остани сѧ оубо поне нынѣ отъ боуксти** Супр. 49, 17—18; **да сѧ останетъ... отъ таковыа боговоръныа хоулы** Супр. 188, 17—19 и нек. др.

2) Глаголы с приставкой **оу-**.

оуврашати сѧ. В значении 'уклоняться' выступает в одном случае с родительным-отложительным падежом в Супрасльской рукописи: **не зѣлаго смрада твоюго лобызания оувраштал сѧ** 426, 9—10. Предложное управление не наблюдается.

оуклонити сѧ—оукланити сѧ. 'Уклониться, избежать'. Примеры: **сѧмръти не оуклонимъ сѧ** Супр. 91, 13—14; **оукланиаше сѧ ка** Супр. 365, 28—29; **родивъшинухъ ѿ оуклонити сѧ хотѧ** Супр. 521, 28—29; **оуклонити сѧ гнѣва и възѣшениа юныча** Супр. 566, 9—10; русск. извод: **въсѣхъ оубо штжжихъ и дивольскихъ оукланиа сѧ** Изб. 204б; **жныхъ же въдоуъ оукланиа сѧ** Изб. 171в; предложные сочетания с отложительным значением: **оуклоні сѧ отъ зѣла** Пс. XXXIII, 15; **не оуклони сѧ гнѣвомъ отъ раба твоего** Тр. 77—78; **оуклонити сѧ отъ коумирѣслабженна** Супр. 6, 7—8; **оуклоннеѣ сѧ отъ сего пжти** Супр. 472, 11 и нек. др.

оутоуждити сѧ. 'Избежать, уклониться'. Единичный случай в Словах Григория Богослова: **ѣда** (т. е. **ѣда**. — А. П.) **зѣловнаго оутжждж сѧ** 207г.

3) Глаголы с различными приставками.

въздържати сѧ. С беспредложным родительным-отложительным встречается в памятниках русского извода: **вѣда сѧ въздържите** Изб. 93б; **въздържати сѧ вѣдъныхъ вращнѣ** Изб. 145г.; **подобаеѣ же въздържацоумж сѧ всею въздържати сѧ** Панд. Ант. 35б; случай предложного управления встречается в Синайском требнике: **ѡце кто твердо въздържитъ сѧ етъ** (т. е. **отъ**) **всею** 69б.

покаити сѧ. В конструкции с родительным падежом приближается по значению к 'отказаться'. Примеры: **покаеѣ сѧ своихъ грѣхъ** Тр. 38б; **моухъ грѣхъ покаж сѧ** Тр. 72а—б; предложное управление: **покажѣшта сѧ отъ прѣльсти** Супр. 157, 6; **покан сѧ отъ зѣлоби** Супр. 363, 10—11, и подобн¹¹.

разажчити—разажчати. 'Отделить'. Примеры: **разажчаа доухомъ стынмъ пѣвы пшеница** Супр. 143, 20—21; русск. извод: **не разяученъ ѡдетъ съпасъшаго ва** Чуд. 115а—б; предложное управление: **разажчитъ ѿ другъ отъ друга** Зогр. Мф. XXV, 32; **иже отъ отца**

¹¹ В. Вондрак (Vergleichende slavische Grammatik, II, стр. 249) рассматривает родительный падеж при **покаити сѧ** как родительный основания или причины.

неразжченъ кстѣ Супр. 28, 20—21; при соответствующем возвратном глаголе: **не хоташте сѧ отъ нихъ разжчити** Супр. 66, 27—28; **сжхуж отъ мокротъныа разлouchи** Изб. 43а.

сѣвратити сѧ. 'Уклониться'. С родительным-отложительным встречается в Супрасльской рукописи и в памятниках русского извода: **свогго цѣлениа сѣвратиша сѧ** Супр. 333, 29—30; **ни първыа вола сѣвратихомъ сѧ** Чуд. 21а; **азъ во мала не сѣвратихъ сѧ свогго поути** Чуд. 110в. Предложное управление не отмечено.

К рассматриваемой группе случаев примыкает родительный-отложительный падеж при имени прилагательном **штоуждѣ (стоуждѣ)** 'чуждый чего-либо': **цѣсарьства небесънаго кгоже ты штоуждѣ кси** Супр. 1—2; **всѣа милости богъ стоуждѣ** Супр. 22, 25; предложное управление: **штоуждѣ ксмъ отъ нихъ** Супр. 261, 1; управление дательным падежом: **штоуждѣ истинѣ** Супр. 74, 28.

Беспредложным родительным падежом рассматриваемого типа в огромном большинстве случаев управляют глаголы с возвратной частью. Из невозвратных глаголов с родительным падежом употребляется непереходный глагол **остати**; беспредложный родительный падеж встречается также при страдательном причастии глаголов **отължчити** (5 случаев), **разжчити** (1 случай). В обследованных памятниках старославянского языка встретились лишь две конструкции с переходным глаголом, от которого зависит одновременно и родительный-отложительный падеж и винительный падеж прямого дополнения (по одному случаю при глаголах **разжчати** и **отъврѣшти**). Невозвратные глаголы, встречающиеся с беспредложным родительным-отложительным падежом, могут иметь при себе и родительный падеж с предлогом **отъ**; в этом отношении к ним присоединяется глагол **отъвратити (отъвраштати)**, который с беспредложным родительным падежом не отмечен.

При целом ряде глаголов, соотносительных с возвратными глаголами, управляющими беспредложным родительным падежом, не встречаются и предложные сочетания отложительного характера. При этом невозвратные глаголы часто отличаются большей конкретностью или, во всяком случае, выражают иное значение сравнительно с возвратными глаголами (ср.: **отъврѣшти, отъвратити, отъврѣштати, отърешти: мѧсь... ихъже въкоушениа отърекаъ кси** Тр. 22а; **сѣвратити: блюди да ти не сѣвратитъ оустъ печальною мжчению** Супр. 382, 27—29).

В ряде случаев может быть отмечено исключительное управление возвратных глаголов беспредложным родительным падежом (и отсутствие при них предложных сочетаний с отложительным значением); эти глаголы объединяются общим значением отказа (**отъвратити сѧ, отъврѣшти сѧ, отъврѣштати сѧ, отъмешти сѧ, отърешти сѧ**). Что касается глаголов, при которых встретилось и предложное сочетание, то наличие или отсутствие при них предлога в общем, по-видимому, не связано с большей или меньшей конкретностью значений конструкции или стоящего в родительном падеже имени (ср., например, случаи при глаголе **остати—остати сѧ**).

Для обозначения предмета, от которого нечто отделяют, от которого отказываются или уклоняются, в старославянском языке используются лишь два синтаксических средства — беспредложный родитель-

ный падеж и родительный падеж с предлогом **отъ**. В отличие от предшествующей группы случаев (родительный при глаголах удаляющегося движения) намечается оттенок значения, для выражения которого используется почти исключительно беспредложная форма родительного падежа — значение предмета, от которого отказываются.

3. В родительном падеже стоит название предмета, от которого нечто освобождают, избавляют, которого нечто лишается и т. п. Родительным падежом этого типа управляют как бесприставочные, так и приставочные глаголы, причем постановка родительного-отложительного падежа обычно связана не столько с лексическим значением приставки, сколько со значением корневой части управляющего глагола; некоторые глаголы без приставки не употребительны.

1) Бесприставочные глаголы.

ГОНОЗИТИ—ГОНЕЗАТИ—ГОНЕЗЖТИ. Первоначально 'вылечить, вылечить'¹², в памятниках старославянского языка обычно в значении, близком к 'избавить, избавиться, избежать'. С беспредложным родительным-отложительным в Супрасльской рукописи и в Изборнике 1073 г.: **грѣхъ не гонезнж** Супр. 354, 28—29; **ивсифа гонезнжти хотѣаше** Супр. 240, 1; **никтоже того мрѣжь гонезнж** Супр. 238, 15—16; **стыдѣнниа гонезнжти** Изб. 516; **повелѣ.. люди злаго оучениа гонозити** Изб. 129в; **вси гонезакмъ прѣвыи тѣла и соуда** Изб. 176б и нек. др.; предложное управление наблюдается при родственном глаголе **оугонезнжти**: **сице же отъ градуу сеиж оугонезнеть вѣдѣнни** Гр. Б. 261в.

лишити (са): **чесого еце лишж са** Сав. Мф. XIX, 20; **чесо лишж са азъ** Пс. XXXVIII, 5; **хотѣнѣ оустъ его нѣси его лишилъ** Пс. XX, 3; **лишити ма хота славы** Супр. 1—2; **просты ма котыгы лишисте** Супр. 368, 10—11; русск. извод: **христоса лишень вждеш** Изб. 37в; **данааго спсениа лишити** Чуд. 84г. Единичный случай предложного управления: **не лишша са отъ похоті своеа** Пс. LXXVII, 30.

простити са—праштати. 'Избавиться; освободить'. Беспредложный родительный падеж: **сиухъ грѣхъ праштаа** Супр. 394, 5—6; в памятниках русск. извода: **ѣдинъ во въ можетъ праштати грѣховеъ** Изб. 45а;

простити са грѣха Гр. Б. 129в. Предложное управление: **прости ма отъ вѣхъ зѣлъ** Тр. 79а; **доушж отъ жзъ смрътъныхъ прости** Супр. 311, 16; **не тѣмы тѣмничныа прости ко** Супр. 365, 11—12.

свободити (са)—свобаждати. 'Освободить, избавить; избавиться'. Примеры: **народа свободнухъ твоа пакости** Супр. 512, 18—19; **вѣдъ свобождени выша** Супр. 531, 7—8; русск. извод: **горькыа свобаждевъшоу рабты** Изб. 37б; **аште нѣсте свободили са зловини** Изб. 49в; **зѣлааго мочителя рабты свободить** Чуд. 103г; **свобаждаемъ во земьныхъ на небесьская тѣштиса** Панд. Ант. 30а—б. Встречаются и случаи предложного управления: **мы отъ жзъ свободимъ са** Супр. 468, 8—9; **отъ днаколіа протнѣства свободивъ** Супр. 490, 6—7; **свободитъ са отъ вѣса** Супр. 520, 15.

¹² E. Bernecker. Slavisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, 1913.

трьбовати. В памятниках старославянского языка выступает в значении 'нуждаться', поэтому управляемый глаголом **трьбовати** родительный падеж обычно рассматривается как родительный-отложительный. Некоторые примеры: **вѣсть во оць вашъ іхъже трьбовуєте прѣжде прошеніѣ вашего** Зогр. Мф. VI, 8; **азъ сего житія не трьбовуѣхъ христосова житія ради** Супр. 259, 6—7. Предложное управление не наблюдается.

2) Глаголы с приставками.

избавити. Примеры употребления с родительным-отложительным: **да избавленъ вѣдетъ отъселѣ всего нечиста въкоушениѣ и дѣѣниѣ** Тр. 22а; **избавилъ мѧ есі... рѣсоты** Пс. XXX, 5; **работы избавитъ** Супр. 342, 11; **запада избавьж твоѧ пакости** Супр. 512, 21—22. Предложное управление наблюдается значительно чаще; некоторые примеры: **отъ грѣхъ нашихъ избави ны** Киев. 81; **избави ны отъ неприѣзни** Зогр. Мф. VI, 13; **избавитъ мѧ отъ сѣти ловча** Супр. 70, 23; **избавиѣхъ отъ вѣлка** Супр. 144, 4—5; встречается и родительный падеж с предлогом **из**: **избави данила из оустъ львовъ** Тр. 85а; **из-работы избавитъ** Чуд. 16в.

изыти. Очень часто выступает с родительным-отложительным падежом в значении 'избавиться'. Некоторые примеры: **избжди насъ** Супр. 21, 22—23; **овъ да избждетъ печали** Супр. 95, 20; **да избждѣхъ грѣхъ моухъ** Супр. 235, 11; русск. извод: **како изыти вѣды** Гр. Б. 69г; **изыкъше изъ неправды** Чуд. 75а; **изыкъшихъ напасти** Чуд. 169в—г. Предложное управление: **изыти отъ него** Зогр. Лк. XII, 58; **изыкъше отъ... изы** Супр. 531, 4—5; **люди изыкъшаѧ прѣславьно из-д-работы егуптскихы** Чуд. 141б.

омывати сѧ. Управляет родительным падежом в Супрасльской рукописи, в значении 'очищаться': **страстии своихъ омывати сѧ** 333, 28. Родительный падеж с предлогом при переходном глаголе **омыти**: **омы мѧ отъ незаконеньѣ моего** Пс. L, 4.

обнажити(сѧ) — обнажати. Выступает в значении 'лишить(ся)' с родительным беспредложным в памятниках русского извода: **бжиѧ обнаживъше сѧ навѣдѣннѧ** Изб. 93а; **обнажити сѧ чѣсти** Изб. 168а; **обнажаѣтъ тѧ дара** Гр. Б. 110в; **обнажени выша пророчьскыя благодѣѣти** Чуд. 42а; **не обнаженъ быти твоего милования** Чуд. 98а и нек. др; предложное управление: **по что обнажилъ кси отъ своки помощи** Чуд. 150г, подобн. 151а, 156г.

очистити(сѧ) — очистѣти. 'Избавить; очиститься'. Беспредложное управление: **да помилованъ бывъ і кѣткою зълобы очищенъ** Тр. 56а, **първаго очиститъ сѧ рождения** Гр. Б. 369б; **отъръ ногы своихъ оученикъ да скерны ветъхааго кваса очистѣвъше...вждутъ ногы ихъ красны** Панд. Ант. 15б. Предложное управление: **отъ всѣхъ зъли нашихъ очисті ны** Киев. 81; **очистите сѧ отъ грѣхъ** Супр. 108, 20 и подобн.; при глаголе **очиштати**: **очиштаѧ многы отъ вѣсъ** Супр. 236, 1—2.

отрѣшити са. В значении 'освободиться' управляет беспредложным родительным падежом в Словах Григория Богослова: **гровьнѣихъ жъзъ отрѣши са** 1316; при переходном глаголе **отрѣшити** обычно предложное управление: **отрѣшиша кого отъ жъзъ** Супр. 18, 19; **доушж отъ жъзъ смъртънѣихъ отрѣшъ** Супр. 311.

погрѣшити(са) — погрѣшати. Значения: 'избежать; не достигнуть; лишиться'. С беспредложным родительным падежом в Супрасльской рукописи и в памятниках русского извода: **смърти не погрѣши вкаиане** Супр. 66; 16—17; **невесныа жизни погрѣши са** Супр. 93, 13—14; **црства погрѣшиша** Изб. 336; **разоума погрѣшиша** Изб. 204в; **бжиа дълготрѣпѣниа погрѣшажрж** Изб. 96г; **не погрѣшихъ са надежда** Чуд. 49а и т. п.; предложное управление встретилось у глагола **грѣшити са: отъ истины не грѣшитъ са** Чуд. 126г.

спасти. Беспредложное управление встретилось лишь в одном случае: **спаसे насъ скръваштнихъ насъ** Супр. 185, 4. Обычно родительный падеж с предлогом **отъ: отъ врагъ моихъ спсж са** Пс. XVII, 4; **спасыи ѡекаж отъ огнѣ** Супр. 179, 8—10; **спасъшни... отъ потопа** Супр. 460, 17—18.

Беспредложный родительный-отложительный падеж может зависеть также от некоторых имен прилагательных, обозначающих лишенность чего-либо или свободу от чего-либо.

лихъ: цѣсарство намъ обѣштаванши коже ты лихъ кси Супр. 2, 13—15; **не бжди никтоже лихъ радости** Супр. 319, 12—13.

нагъ: нъ вѣаше нагъ моусни ризы тоа Изб. 1216.

поустъ. С беспредложным родительным падежом встречается несколько раз в Чудовской псалтыри: **прилежаниа црѣска поусти выеъше** 42а; **поусти бжиа милости выша** 118а.

тъшть: видѣша гробъ тъгда тъшть тѣла Супр. 444, 29—30.

чистъ: да чистъ бждетъ гнѣва Супр. 407, 3; **к грѣха чистъ** Изб. 536; предложное управление: **отъ всего того зла чистъ сы** Клоц. II, 91; **отъ прѣльсти кого чистъ** Изб. 28г.

При близком по значению прилагательном **свободе** встретилось лишь предложное сочетание: **свободъ отъ грѣха** Супр. 244, 20—21. Беспредложное управление не свойственно в обследованных памятниках также некоторым глаголам с общим лексическим значением избавления, очищения, освобождения: **иштитити са, ицѣлѣти, празнити (въздръжаник празнить оума Ѡ мирьскыхъ сластни** Панд. Ант. 26—27).

С точки зрения значения, выражаемого формой родительного-отложительного падежа, к рассматриваемой группе случаев примыкает и родительный падеж с предлогом **без**. Отличие заключается главным образом в том, что конструкции с этим предлогом для обозначения лишенности или отсутствия чего-либо не нуждаются в помощи знаменательных слов с соответствующим лексическим значением (лишение, освобождение). Ср.: **подовьнъ естъ чкоу съзъдавъшю храминж без основаньѣ** Зогр. Лк. VI, 49; **иже васъ без грѣха естъ** Зогр. Ио. VIII,

7; **вс тжгы отъпусти** **ж** Супр. 39, 19. Близкое значение нередко выражает в памятниках старославянского языка и сочетание родительного падежа с предложным наречием **кромѣ**: **ты во единѣ всего грѣха кромѣ еси** Тр. 57а; **кромѣ быти въсеи скотьныи сласти** Панд. Ант. 26а; однако такое сближение значений наблюдается лишь в том случае, если в родительном падеже с предлогом **кромѣ** стоит имя существительное с невещественным значением, в противном случае родительный падеж при **кромѣ** выражает пространственное значение, которого не имеет его сочетание с предлогом **вѣз**.¹³ Ср. **да не послетъ ихъ кромѣ страны** Зогр. Мр. V, 10. Родительный падеж при **кромѣ** по происхождению является присубстантивным родительным принадлежности.

В рассмотренной группе случаев родительного-отложительного падежа при глаголах и именах со значением лишения (лишенности), освобождения обращает на себя внимание закрепление беспредложной формы в качестве обычного дополнения при ряде глаголов: **гонозити** и подобн., **лишити(са)**, **трѣбовати**, **погрѣшити(са)**. Предложные сочетания отложительного характера при этих глаголах не встречаются (**трѣбовати**) или представлены в совершенно единичных случаях. При некоторых переходных глаголах употребляются предложные конструкции, не встречающиеся при соответствующих глаголах с возвратной частицей (**обнажити**, **омыти**, **простити**, **отрѣшити**). Из предложных сочетаний, выступающих при глаголах освобождения и подобных ряду с беспредложным родительным падежом, наиболее распространено сочетание родительного падежа с предлогом **отъ**. По выражаемому значению это предложное сочетание не отличается сколько-нибудь заметно от беспредложного родительного падежа, хотя в некоторых случаях может быть отмечена большая конкретность имен, принимающих форму родительного падежа с предлогом **отъ**; ср. при глаголе **изъавити**: беспредложный родительный падеж — **въкоушениѣ**, **рѣсноты**, **работы**, **пакости**; предложное сочетание — **отъ грѣхъ**, **отъ неприѣзни**, **отъ сѣти**, — **отъ вьлка**; ср. также: **отъ врагъ** Пс. XVI, 14, **отъ чьла** Чуд. 15в. Имена существительные с вещественным значением в общем чаще принимают форму родительного падежа с предлогом **отъ**.

Что касается родительного падежа с предлогом **из**, то он применяется лишь при глаголах, снабженных соответствующей приставкой; сочетание родительного падежа с предлогом **из** выражает при этом более конкретный оттенок значения, связанный с пространственными представлениями (предмет, из которого нечто извлекается: **изъави... из оустъ львовъ**).

4. Родительный падеж предмета, от которого нечто скрывают. Встречается при нескольких глаголах с лексическим значением сокрытия:

¹³ Предлог **вѣз** также имел некогда конкретно-пространственное значение; ср. В. Delbrück. Vergleichende Syntax der indogermanischen Sprachen, I. Strassburg, 1893, стр. 753.

потанти. В значении 'скрыть' с родительным-отложительным встречается в Супрасльской рукописи: **что се выстѣ не потан мене** 240, 28—29¹⁴. Предложное управление не отмечено.

оукрыти(са). С родительным-отложительным падежом встречается в Синайской псалтыри и в Супрасльской рукописи: **нѣстѣ іже оукрыетѣ сѧ топлоты его** Пс. XVIII, 7; однотипный случай в Супр. 348, 27—28: **нѣстѣ еже оукрыетѣ топлоты его**. Предложное управление: **оукры сѧ отъ очю твою** Зогр. Лк. XIX, 42; **оукрыль сѧ вимъ оубо отъ него** Пс. LIV, 13.

оутанти(са). 'Скрыть, скрыться'. Беспредложный родительный падеж: **нѣстѣ оутанло сѧ насѣ нечѣстивое заповѣданіе** Супр. 147, 26—27; **да льстѣца оутантѣ сѧ** Супр. 246, 1—2; **оутанти сѧ ѡштѣ силѣ небесѣскихъ** Супр. 247, 25—26; **оутанѣ сѧ въстѣхъ** Супр. 282, 12—13; **въстѣхъ васѣ оутанѣ** Супр. 439, 7—8; русский извод: **лице и члвкъ оутанмъ сѧ** Гр. Б. 175а; **оца оутантѣ сѧ** Гр. Б. 2г; **великаго оутанца сѧ ока ѡжиа и сѣда (оутанти сѧ?)** Гр. Б. 175а; и нек. др.; предложное управление: **оутан сѧ отъ старца** Супр. 283, 17; **оутаіаь еси си отъ прѣмждръихъ** Зогр. Мф. XI, 26.

Лишь предложным сочетанием управляет близкий по значению глагол **съкрыти(са)**, ср. **дарѣ съкры отъ мене** Супр. 283, 27 и нек. др.

Беспредложный родительный падеж и родительный с предлогом **отъ** при глаголах сокрытия употребляются, в общем, в одних и тех же условиях. Можно отметить лишь преимущественное употребление беспредложного родительного падежа при глаголе с возвратной частицей **оутанти сѧ**. В Чудовской псалтыри этот глагол встретился с дательным падежом косвенного дополнения: **ничесо (т. е. ничто?) же ти сѧ оутантѣ выважштинухъ** 87б, подобн. случай 90г.

5. Родительный падеж объекта некоторых психических движений (страх, стыд). По мнению Б. Дельбрюка¹⁵, этот родительный падеж восходит к отложительному падежу со значением предмета, от которого скрываются. В. Вондрак¹⁶ связывает его с родительным-отложительным при глаголах удаления. В старославянском языке родительный падеж при глаголах страха и стыда, вероятно, уже не ассоциировался с родительным-отложительным падежом при глаголах удаления, сокрытия и т. п., и его значение сблизилось с собственно генитивными значениями падежной формы в приглагольном употреблении.

воити сѧ—оубоити сѧ. Некоторые примеры: **іродѣ во воѣше сѧ іодна** Зогр. Мр. VI, 20; **не оубоиж сѧ зѣла** Пс. XXII, 4; **оубоиеѣ сѧ народа** Супр. 14, 2—3;—и мн. др. Значительно реже наблюдается предложное управление: **не оубоите сѧ отъ оубиважштинухъ тѣло** Зогр. Лк. XII, 4; **не оубоиж сѧ отъ тѣмы людеі** Пс. III, 7; **не вон сѧ отъ мжкѣ** Супр. 16, 7; **не имамъ оубоити сѧ отъ бога вашего** Супр. 264, 9—10 и нек. подобн.

¹⁴ С. Слонский (цит. соч., стр. 145) рассматривает этот случай, по-видимому, как случай родительного при отрицании, в соответствии с винительным падежом в греческом тексте (μη κρύψης με).

¹⁵ В. Delbrück. Цит. соч., стр. 212—213.

¹⁶ W. Vondrák. Vergleichende slavische Grammatik, II, стр. 248.

гнжшати сѧ. 'Чувствовать отвращение'. Некоторые примеры: гнжшати сѧ которьнааго гласа нхъ Супр. 510, 4—5; величаньн гноушати сѧ Супр. 545, 12; русск. извод: *иже сѧ неправдъныху гноушати* Изб. 83г. Предложное управление не наблюдается.

срамляти сѧ — посрамляти сѧ — посрамляти сѧ — оусрамляти сѧ. Примеры: посрамляти сѧ сна моего Зогр. Мр. XII, 6; посрами сѧ образа самого приношеньн Клоц. II, 463—464; ни дѣвѣства срамляти сѧ Тр. 88а; оусрамляти сѧ сѣдинъ своихъ Супр. 227, 8—9. Предложное управление не наблюдается.

стыдяти сѧ — постыдяти сѧ — оустыдяти сѧ. Примеры: постыдяти сѧ мене Зогр. Мр. VIII, 38; не оустыди сѧ лица члца Тр. 68а; стыждѧ во сѧ хса Супр. 13, 19—20. Предложное управление не отмечено.

трепетати. 'Бояться'. Примеры: тебе трепещѧтъ вѣси Тр. 266; трепещѧтъ кѡ крѣпости Супр. 115, 18; трепещѧтъааго моухъ словесъ Супр. 545, 7. Родительный падеж с предлогами не встречается.

оужасати сѧ. Примеры: гласа же слышима оужасахъ сѧ вѣси Супр. 162, 22; кѡже вѣси оужасахъ сѧ Супр. 354, 8; предложное управление отмечено у глагола оужаснѧти сѧ: оужаснѧше сѧ отъ вывѣшааго крича и вѣлаѣ Супр. 108, 29.

оустрашати сѧ. Пример: оустрашахъ сѧ оноаго огнѣ Супр. 88, 6—7; предложное управление отмечено у глагола оустрашити сѧ: отъ гласа грома твоеаго оустрашатъ сѧ Пс. СIII, 7.

В постановке предлога *отъ* при глаголах боязни можно видеть влияние греческого синтаксиса¹⁷: предлогом *отъ* переводится греческий предлог *ἀπό*, ср. Пс. СXVIII, 120: *отъ повелѣнѣи во твоихъ воѣхъ сѧ* — *ἀπό γαρ τῶν χρισάτων σου ἐφοβήθη*¹⁸ и подобные случаи. Однако в некоторых конструкциях с предлогом *отъ* и родительным падежом при глаголах боязни может быть усмотрен и причинный оттенок значения предложного сочетания (ср. в особенности случаи при глаголах *оужаснѧти сѧ*, *оустрашити сѧ*).

Несомненный грецизм представляет собой постановка винительного падежа при глаголе *воати сѧ* в Чудовской псалтыри: *воудоуштек сждиште вои сѧ* 72а.

6. Родительный падеж предмета, от которого нечто получают, берут или воспринимают. Беспредложный родительный-отложительный падеж в этом значении вытеснен предложными сочетаниями; в памятниках старославянского языка может быть отмечено лишь два случая беспредложного родительного падежа рассматриваемого типа — при глаголе *отати* и при глаголе *оуати сѧ*: *неприказнина противѣства отати* Супр. 479—480; *ничътоже оуиметь сѧ влсъ* Сав. Мф. XVII, 20. Родительный падеж при глаголе *отати* Супр. 297, 3—4 (*оузърѣ-*

¹⁷ Это отмечает, касаясь управления глагола *оукоати сѧ*, С. Слоцкий (цит. соч., стр. 256).

¹⁸ См. Синайская псалтырь. Глаголический памятник XI века. Приготовил к печати С. Северьянов. Пг., 1922 (Словарь).

хотѣ старьца посрѣдѣ наю страхъ наю отънемъжштѣ) может быть понят и как родительный принадлежности.

Употребление предложных конструкций для обозначения предмета, у которого или от которого нечто берут, просят и т. п., находится в зависимости от лексического значения слова, стоящего в родительном падеже. Для обозначения лица, у которого нечто берут и т. п., в старославянском языке используется родительный падеж с предлогами *отъ* и *оу*. Первый из них встречается чаще, применяясь при всех глаголах с соответствующим значением (*възати, изати, отати, прияти, просити, пытати, навькижти, слышати, оучити са* и т. п.). Сравнительно редко применяется родительный падеж с предлогом *оу*. С элементом отложительного значения это предложное сочетание встречается почти исключительно при глаголах *възати* и *просити*: *надѣаша са възати оу тѣхъ* Супр. 373, 1; *ты ви просила оу него* Зогр. Ио. IV, 10 и т. п. Наряду с этими предложными сочетаниями, для обозначения лица, у которого нечто отнимают, используется беспредложный дательный падеж, главным образом при глаголе *отати—отимати*. Некоторые примеры: *нѣстъ добро отати хлѣба чадомъ* Зогр. Мф. XV, 27; *отемажштюмоу тевѣ ризж* Зогр. Лк. VI, 29; *отъкмакте ми мьздоу и оутѣшеник* Изб. 786; *не отимаи оубогоу* Панд. Ант. 40а; *да искрънюмоу оучиметь чьто* Гр. Б. 321а. Дательный падеж этого типа, как обычно полагают, развился под влиянием управления глаголов вручения, даяния и т. п. (дать кому → отнять кому); ср. аналогичные случаи в других индоевропейских языках¹⁹. Употребление родительного падежа с предлогами *из* и *съ* при глаголах со значением 'брать' и т. д. наблюдается в общем редко, причем условием такого употребления является обычно наличие у глагола соответствующей приставки. Ср. *изати... из вѣтшиста* Супр. 112, 6; *ис твоухъ иземьа оустъ* Супр. 426, 11—12; *сынъмъше и съ дрѣва* Супр. 183, 17—18; ср. при бесприставочном глаголе *слышати*: *съ не-весе вожни гласъ слышатъ* Супр. 181, 5. В родительном падеже обычно стоит существительное конкретного и неличного значения, вследствие чего к объектному значению предложного сочетания примешивается обстоятельственный оттенок (обстоятельства места).

Таким образом, в рассматриваемой группе случаев выражения отложительного значения основным господствующим средством является родительный падеж с предлогом *отъ*.

7. Родительный падеж причины. Родительный падеж материала и происхождения.

Рассмотренные выше значения, выражаемые в старославянском языке беспредложным родительным падежом и сочетаниями этого падежа с предлогами, являются собственно аблативными значениями, свойственными некогда одной определенной падежной форме. Что касается значений причины и материала, то они, по-видимому, еще в индоевропейском праязыке могли выражаться различными средствами падежного синтаксиса, в том числе орудийным падежом и генитивом²⁰.

¹⁹ В. Delbrück. Цит. соч., стр. 281.

²⁰ О соотношениях между аблативом и генитивом при выражении этих значений см. А. Heinz. Genetivus w indoeuropaiskim systemie przypadkowym. Warszawa, 1955.

1) Причинное значение.

В качестве родительного-отложительного падежа с элементом причинного значения обычно рассматривают родительный падеж при некоторых глаголах душевного движения.

отъчати(са): оуже во вѣѣхъ отъчали своего живота Супр. 152, 13—14; отъчавъ са своего спасенья Супр. 526, 5—6; русск. извод: отъчавъшию са своего гонения Гр. Б. 263г и нек. др.; предложная конструкция: отъ обычныхъ врачевъ отъчавъши са Супр. 559, 11.

плакати(са): рахнилъ плачущи чадъ своихъ Супр. 386, 13; плача са ожесточения сердца нхъ Супр. 333, 12—13; твораштааго зъло того плакати въждоу подобно Супр. 406, 6—7.

Сюда же примыкает и родительный падеж при глаголе **мъстити**: да мѣщъ еа Сав. Лк. XVIII, 5.

В старославянском языке в причинном значении очень широко используется родительный падеж с предлогом **отъ**, восходящий, несомненно, к родительному-отложительному падежу. Некоторые примеры: **отъ страха възъпиша** Зогр. Мф. XIV, 26; **отъ многа висѣния не можааше о себѣ ржкоу въздѣти** Супр. 142—143. Причинные конструкции с предлогом **отъ** занимают вполне определенное место среди других падежно-предложных средств, обозначая состояние субъекта, являющееся причиной его действий. В близком значении в старославянском языке употребляется сочетание родительного падежа с послесловом **ради**. ср.: **добрѣ рече вѣдо** (лицо —А. П.) **немошти ради пльтьскыа** Супр. 159, 23—24.

2) Значение материала и происхождения.

Родительный падеж материала, из которого что-либо выделяется, встречается без предлога лишь в одном случае, в Супрасльской рукописи: **сътвориъ съжеженааго мѣла из негоже самъ без вѣда съхраненъ въ кпѣль** 541, 12—14 (случайный пропуск предлога?). Обычно используется родительный падеж с предлогом **отъ**. Некоторые примеры: **съплетъше вѣньць отъ тръниѣ** Зогр. Мф. XXVII, 29; **отъ каменѣ сего въздвижти чада авраамоу** Зогр. Лк. III, 8; **сътвори отъ воды вино** Зогр. Ио. IV, 46. Ср. также: **вѣньць отъ каменна Драааго ношж** Супр. 368, 16—17. В Клоцовом сборнике встретился случай использования предлога **из** с родительным падежом для обозначения материала: **врътъпъ ис камене** II, 886. Беспредложный родительный падеж, обозначающий происхождение, употребляется от ограниченного круга имен существительных; чаще всего встречаются конструкции типа **велика рода кстъ** Супр. 101, 4; ср. также: **иваннъ отъ арменъскааго никопала вѣ родителю вывѣ екратна и еуфимиа** Супр. 278, 16—18; **иноа языка кси** Супр. 475, 22. В том же значении используется сочетание родительного падежа с предлогом **отъ**: **отъ рода цѣсарьска сжшти** Супр. 10, 22—23. При глаголе **родити са** встречается лишь предложное сочетание. Ср.: **отъ ба родиша са** Зогр. Ио. I, 13.

Как родительный падеж материала, так и родительный падеж происхождения в большинстве случаев соприкасаются не только абла-

тивным, но и с генитивным кругом значений (родительный части целого, родительный принадлежности).

8. Родительный падеж сравнения.

При сравнительной степени имен прилагательных в родительном падеже стоит название предмета, исходя из которого определяют степень качества другого предмета. В старославянском языке единственным средством предложно-падежного синтаксиса для выражения этого значения является беспредложный родительный падеж. Ср.: *кольми оубо лучни естъ чкъ овчате* Зогр. Мф. XII, 12; *градеть крѣплеі мене* Зогр. Мр. I, 7. Отсутствие при сравнительной степени предложных сочетаний отложительного характера свидетельствует о разрыве смысловых связей с основными аблативными значениями удаления, отделения и т. д.

* * *

Изложенный материал позволяет сделать некоторые общие выводы относительно выражения аблативных значений в старославянском языке.

1. Аблативные значения выражаются в старославянском языке: а) беспредложной формой родительного падежа; б) родительным падежом с предлогами. Прочие падежные формы по выражаемым ими значениям сравнительно редко соприкасаются с беспредложным родительным-отложительным и соответствующими предложными сочетаниями. Из них следует отметить в первую очередь дательный падеж при глаголах отнимания, а затем различные средства выражения причинных значений; впрочем, причинное значение, выражаемое родительным падежом с предлогом *отъ*, имеет свою специфику и не совпадает со значением, выражаемым, например, дательным падежом с предлогом *по* (ср. *по множьствоу нечѣстї-и-уъ вырїні ѿ* Пс. V, 11).

2. Между беспредложным родительным-отложительным падежом и предложными сочетаниями наблюдается известное разграничение синтаксических функций. Беспредложный родительный-отложительный падеж в старославянском языке почти никогда не выступает в синтаксической функции обстоятельства (исключения: единичные случаи выражения местного значения при глаголах движения и немногочисленные случаи с оттенком причинного значения); он выражает значения объектного порядка. В то же время соответствующие предложные сочетания широко используются и в обстоятельственных значениях (место, причина; значение момента времени как начального момента действия, развившееся на основе пространственного значения; ср.: *отъ днѣшняго днѣ да мльчитъ* Супр. 287, 1).

3. В некоторых случаях употребления беспредложного родительного падежа связь его значения с основным аблативным значением (косвенный объект удаления и отделения) представляется совершенно нарушенной; это нарушение связи может быть отмечено прежде всего у родительного падежа сравнения. Там, где эта связь сохраняется, беспредложный родительный-отложительный падеж обозначает не столько предмет, от которого что-либо удаляется (так как в функции обстоятельства места беспредложный родительный-отложительный в сущности не выступает), сколько предмет, от которого что-либо так или иначе отделяется; это определение охватывает все случаи употребления родительного-отложительного падежа, не утратившего связи с основным аблативным значением.

4. Беспредложным родительным-отложительным падежом управляют в большинстве случаев непереходные или возвратные глаголы. Переходные по своему значению глаголы часто имеют при себе родительный-отложительный падеж лишь в форме страдательного причастия; случаи одновременного управления и винительным, и родительным-отложительным падежом со стороны переходного глагола наблюдаются весьма редко (при глаголах **изгнати**, **отъврѣшти**, **разжчати**, **избавити**, **овнажати**, **съпасти** — и при глаголах **гонозити**, **лишити**, при которых предложные сочетания с отложительным значением не употребляются). С другой стороны, ряд переходных глаголов, соотносительных с возвратными, управляющими беспредложным родительным-отложительным падежом, не имеют при себе не только беспредложного родительного падежа, но и предложных сочетаний с отложительным значением. Присоединение возвратной частицы, лишая глагол прямой переходности, усиливает его косвенную переходность, вызывает потребность в дальнейшем раскрытии глагольного действия при помощи косвенного дополнения с отложительным значением. Для некоторых возвратных глаголов управление беспредложным родительным-отложительным падежом является исключительно характерным в отличие от соответствующих переходных глаголов; предложными конструкциями с отложительным значением не управляют обычно глаголы со значением отказа (**отъмѣшти сѧ**, **отърѣшти сѧ**, **отъврѣшти сѧ**, **отъвертити сѧ** и др.) и некоторые глаголы со значением освобождения (**простити сѧ**, **овнажити сѧ**).

5. Управляющие беспредложным родительным падежом глаголы часто снабжены приставками, придающими глагольному действию специальный «отделительный» оттенок значения. Чаще всего беспредложным родительным падежом управляют глаголы с приставкой **отъ-**. Глаголы, управляющие беспредложным родительным падежом и не имеющие «отложительной» приставки, обладают основным лексическим значением, связанным с представлением об отделении (**лишити**, **овнажити**, **простити сѧ**, **вѣгати** и т. п.).

6. Беспредложному родительному-отложительному старославянских памятников нередко соответствует такая же форма в среднегреческом языке, особенно при глаголах лишения, избавления, очищения. Однако в ряде случаев, в соответствии с обычным для старославянского языка родительным падежом, в греческом языке используются иные формы. Так, старославянские конструкции с родительным падежом и глаголами **вѣгати**, **воити сѧ** соответствуют греческим конструкциям с винительным падежом; старославянский родительный падеж при глаголах отказа обычно также соответствует греческому винительному падежу (в евангельском тексте: **отъврѣшти сѧ**, напр. Мф. X, 33; **отъмѣтати сѧ**, напр. Мр. VII, 9), иногда дательному падежу (**отърѣшти сѧ**, Зогр. Лк. XIV, 33; **отъвѣштати сѧ**, Сав. Лк. IX, 64). Это говорит в пользу независимости старославянского родительного-отложительного падежа от соответствующих явлений греческого синтаксиса.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ В УКАЗАНИИ ИСТОЧНИКОВ

- Гр. Б. — XIII слов Григория Богослова. Критико-палеографический труд А. Будиловича. СПб., 1875.
 Зогр. — Зографское евангелие. Quattuor evangeliorum codex glagoliticus. Edidit V. Jagić. Berolini, 1879.

- Изб. — Изборник великого князя Святослава Ярославича 1073 г. СПб., 1880.
Киев. — Киевские листки. — По книге: Н. Карянский. Хрестоматия по древне-церковно-славянскому и русскому языкам, I. СПб., 1904 (указываются страницы хрестоматии).
Клоц. — *Glagolita Cločův*. Vydal dr. Václav Vondrák. V Praze, 1893.
Панд. Ант. — Пандект монаха Антиоха. По рукописи XI в. Под наблюдением О. Бодянского. М., 1913.
Пс. — Синайская псалтырь. Приготовил к печати С. Северьянов. Пг., 1922.
Сав. — Саввина книга. Труд В. Шепкина. СПб., 1903.
Супр. — Супрасльская рукопись. Труд С. Северьянова. СПб., 1904.
Тр. — *Euchologium Sinaiticum*. Izdajo priredil R. Nachtigal, II. Ljubljana, 1942.
Чуд. — Чудовская псалтырь XI в. Издал В. Погорелов. СПб., 1910.
-

А. С. Львов

СТАРΟΣЛАВЯНСКОЕ ГОДИНА—ЧАСТЬ

А. Х. Востоков в своем знаменитом «Рассуждении о славянском языке» (1820 г.), кажется, впервые высказал мнение, что переписчики памятников старославянской письменности «имели свои причины переменять, или, по их мнению, поправлять язык уже мертвый, в книгах только сохранявшийся. Одни почитали нужным заменить невразумительные для них слова или окончания употребительными в их время и на их диалекте, чтоб быть понятными для народа, среди коего писали...»¹. Одновременно с Востоковым и независимо от него мысль о замене первичных, или древних, слов, употребленных первыми переводчиками, на другие высказал И. Добровский, указав, например, что в одной рукописи евангелия, хранящегося в Праге, находятся слова древнейших кодексов: *година* вм. *час*, *ютер* вм. *нѣкыи*, *книгы* вм. *писа-ние* и т. д.².

Догадки Востокова и Добровского были приняты как соответствующие истине. Так возникла проблема первичных и вторичных слов, или лексических вариантов, в памятниках старославянской письменности, передающих одно и то же греческое слово. Самым значительным исследованием по этой проблеме являются труды И. В. Ягича, особенно его «*Entstehungsgeschichte der altkirchenslavischen Sprache*» (1913 г.); половина названной книги посвящена восстановлению первых слов и вторичных вариантов к ним в евангелиях, псалтыри, апостоле и апокалипсисе. В отдельных местах упомянутого труда Ягич на основании фактов приходит к мысли, что первые переводчики порою передавали одно и то же греческое слово двумя или несколькими славянскими словами, что, по его мнению, свидетельствует о замечательно тонком языковом чутье переводчиков. Однако, подметив эту характерную черту славянского перевода, Ягич в своих трудах ограничился иллюстрацией ее только немногими примерами, невольно бросающимися в глаза, не стараясь выяснить, насколько широко применялся этот прием перевода.

Изучение текстов памятников старославянской письменности убеждает, что этот прием перевода одного греческого слова не одним и тем же словом, а различными славянскими словами в зависимости от лексико-семантической системы языка, на который переводились церковные книги, наблюдается также в ряде других случаев, не отмеченных Ягичем. Этот факт требует проверки того, насколько прав Ягич, рас-

¹ А. Х. Востоков. Филологические наблюдения. СПб., 1865, стр. 5.

² См. Josephi Dobrowsky. Institutiones linguae slavicae dialecti veteris... Vindobonae, 1822, стр. XVII и след. Русский перевод: И. Добровский. Грамматика языка славянского по древнему наречию... СПб., 1833.

пределяя почти все лексические варианты на группы первичных и вторичных слов.

В настоящей статье с этой целью рассматриваются слова **ГОДИНА**, **ЧАСЪ**.

В 1865 г. Ягич писал: «**ГОДИНА** — обычный перевод греч. *ώρα* вместо кирилловского **ЧАСЪ**, например, в Ассем. 15,27 (Ио. IV, 52) **ГОДИНЫ** — **вѣ кжж ГОДИНѢ**, в Остр. **ГОДИНѢ**, **вѣ кѣи ЧАСЪ**; 66,29 (Мф. XXIV, 36) **о ГОДИНѢ** (Ник. ев.), в Остр. **о ЧАСѢ**; 113,3. 14 (Мф. XXIV, 36,42), 119,24 (Мф. XXVI, 1, 45), 151, 17 и т. д. — в глаголических рукописях хорватского типа, постарше из которых употребляют исключительно **ГОДИНА**, в новых встречается и **ЧАСЪ**. У нас (то есть в хорватском языке. — А. Л.) изредка еще встречается слово *godina* в значении *tempus* или *tempestas* (время), на основании чего можно с правом допустить, что наподобие греч. *ώρα* оно (година) только позже стало означать *annus* (год) и *hora* (час)»³.

В приведенной цитате, кроме случайных сопоставлений, не находим анализа употребления интересующих автора слов в большинстве памятников собственно старославянской письменности. Явно ошибочно при этом мнение Ягича о том, что в глаголических рукописях старших списков употребляется исключительно **ГОДИНА**, потому что, как увидим ниже, в этих памятниках не мало примеров, когда наряду с **ГОДИНА** встречается и слово **ЧАСЪ**.

Позже, в 1883 г., в словоуказателе к Мариинскому евангелию Ягич писал: «В евангелии от Иоанна, если исключить один пример 395,9 (то есть Ио. XIX, 27 — А. Л.), греческое *ώρα* передается только славянским **ГОДИНА** или **ГОДЪ**, о чем я считаю нужным напомнить»⁴. Иначе говоря, спустя 18 лет Ягичу пришлось отказаться от мнения, что в глаголических памятниках употребляется исключительно **ГОДИНА**, но все же он находит нужным отметить, что это слово преобладает в евангелии от Иоанна, желая, видимо, подчеркнуть, что евангелие от Иоанна переводилось раньше других.

В 1913 г. он все же считает необходимым заявить: «**ГОДИНА** (*ώρα*) заметно предпочитается в старых текстах перед **ЧАСЪ**. Однако количество примеров с **ЧАСЪ** довольно велико в фразе **вѣ тѣ ЧАСЪ**. Слово **ГОДИНА** господствует почти исключительно в евангелии от Иоанна. Иное замечается в Мф. XXVI, 45 в Мар. и Зогр. **ГОДИНА**; в Остр., Трнов. **ЧАСЪ**; Лук. XII, 45 **вѣ ГОДИНѢ** в Мар. и Ник.; **ЧАСЪ** в Зогр.»⁵.

Во всех приведенных цитатах говорится о том, что в старых текстах господствовало слово **ГОДИНА** для передачи греч. *ώρα*, а отсюда логически вытекает положение: слово **ЧАСЪ** в передаче упомянутого греческого термина могло быть поздним. Обратимся к данным памятников.

В Мариинском, Зографском, Ассеманиевом и Остромировом евангелиях и Саввиной книге слова **ГОДИНА** и **ЧАСЪ** встречаются в евангелии от Матфея: первое 8 раз, второе 12 раз, соответственно от Марка —

³ Assemanov ili vaticanski evangelistar. Zagreb, 1865, стр. LXIX—LXX.

⁴ И. В. Ягич. Мариинское четвероевангелие. СПб., 1883, стр. 602.

⁵ V. Jagić. Entstehungsgeschichte der altkirchenslavischen Sprache. Berlin, 1913, стр. 336.

8 и 8, от Луки — 6 и 9, от Иоанна — 20 и 1, итого: **ГОДИНА** — 42 раза, **ЧАСЪ** — 30 раз.

Наблюдаются случаи, когда в отдельных списках вместо **ГОДИНА** читается **ЧАСЪ**: Мф. XXIV, 36 в Мар., Зогр. и Ассем. **о ГОДИНѢ**; в Сав. это место повторяется дважды, причем на л. 47 об. написано **о ЧАСѢ**, а на л. 88 — **о ГОДИНѢ**; в Остр. на л. 83 **о ГОДИНѢ**, а на л. 146 об. **о ЧАСѢ**; Мф. XXIV, 42 в Остр. **ЧАСЪ**, в остальных — **ГОДИНА**; Мф. XXVI, 45 в Остр. **ЧАСЪ**; в остальных — **ГОДИНА**; Лук. XII, 46 в Мар., Сав. и Остр. **въ ГОДИНѢ**; в Зогр. — **въ ЧАСЪ** (в Ассем. нет этого места); Ио. IV, 6 в Мар., Ассем. и Остр. **ГОДИНА**; в Зогр. — **ЧАСЪ** (в Сав. нет этого места); там же IV, 21, 23 в Мар., Ассем. и Остр. **в ГОДИНѢ**; в Зогр. — **въ ЧАСЪ**; там же IV, 52 в Мар., Ассем. и Остр. **ГОДИНЪ**; в Зогр. **ЧАСА**; там же IV, 53 в Мар., Ассем. и Остр. **ГОДИНА**; в Зогр. **ЧАСЪ**; там же XI, 9 в Мар., Ассем., Сав. и Остр. **ГОДИНѢ**; в Зогр. — **ЧАСА**; там же XII, 27 в Мар., Ассем., Сав. и Остр. **отъ ГОДИНЪ**; в Зогр. **отъ ЧАСА**; там же XII, 23 в Мар., Ассем. и Остр.; **ГОДИНА**; в Зогр. **ЧАСЪ**; там же XVII, 1 в Мар., Ассем., Сав. (л. 107) и Остр. (л. 173 об.) **ГОДИНА**; в Зогр., Сав. (л. 25 об.) **ЧАСЪ**.

Таким образом, в отдельных списках евангелий отдается предпочтение слову **ЧАСЪ**, причем явление это, по-видимому, отражает диалектные особенности языка редактора или писца. По крайней мере, редактор или писцы Зографского евангелия, по всем данным, не чувствовали разницы в значениях между **ГОДИНА** и **ЧАСЪ**.

Мф. XIV, 15 в Сав. употреблено слово **ГОДЪ** вместо **ГОДИНА** других списков. Впрочем, слово **ГОДЪ** находим Лук. I, 10 во всех списках. Кроме того: Лук. XIV, 17 в Мар. Ассем., Сав. и Остр. читается **въ ГОДЪ**, а в Зогр. — **въ ГОДИНѢ**; Ио. VII, 30 в Мар. и Зогр. **ГОДЪ**, а в Ассем. и Остр. — **ГОДИНА** (в Сав. нет этого места); Ио. XVI, 21 в Мар. и Зогр. **ГОДЪ**, а в Сав. и Остр. **ГОДИНА** (в Ассем. нет этого места).

Это следует объяснить тем, что в отдельных случаях писцы не чувствовали разницы в значениях между словами **ГОДЪ** и **ГОДИНА**.

Таковы внешние данные евангельских текстов старшего списка, на основании которых нельзя еще сделать заключения о том, какое из разбираемых слов употребляли первые переводчики. Закономерно предположение, что в языке отдельных редакторов оба слова были идентичны в значениях, поэтому они могли употребляться одно вместо другого. Правда, при этом создается впечатление, что отдельные писцы отдавали предпочтение слову **ЧАСЪ**, заменяя им **ГОДИНА**.

Година, образованное от **годъ** с помощью суффикса **-ина** с уменьшительным значением⁶, своим корнем восходит к общеиндоевропейскому **ghedh-* / **ghodh-* в значении 'объединить', 'соединить' или 'тесно соединить', и также 'подходить друг к другу' или 'вместе держать'⁷. Таким образом, первоначально приведенный корень был известен в простран-

⁶ См. А. М. Селищев. Старославянский язык, ч. II, М., 1952, стр. 66.

⁷ J. Pokorny. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bern, 1951., стр. 423 и след.

ственном значении, употребление его во временном значении, должно быть, вторичное, и им выражали понятие 'известный круг времени'.

В упомянутых списках евангелий **ГОДИНА** употребляется преимущественно в значении 'точно определяемый небольшой отрезок времени', ср.:

И ишедъ въ третнѣхъ годинѣхъ видѣ ны на тръжици стоашта праздъны (Мф. XX, 3, Мар., в других так же).

въ же година трѣтиѣа. і пропаса и (Мрк. XV, 25, Мар.; в других так же).

въвѣши же годинѣ шестѣи. тѣма въистъ по всен земли до девятна годины (Мрк. XV, 33, так во всех списках).

И мимо шедъши ѣко годинѣ единой. инъ етеръ крѣплѣаше са... (Лук. XXII, 59, Мар.; в других списках так же, кроме Ассем., в котором нет этого места).

въчера въ годинѣ седмѣхъ остави и огнь (Ио. IV, 52, Мар.; в остальных так же, кроме Зогр., где — **въ часть**).

не двѣ ли на десате годинѣ есте въ дни (Ио. XI, 9, в Зогр. — **часѣ**).

Имеются примеры, в которых **година** употребляется не в сочетании с числительными, например:

поусто естъ мѣсто. і година минѣ юже отпусти народы (Мф. XIV, 15, в Сав. здесь — **годъ**). Здесь отмечена определенная пора, которая миновала.

приближи са година і снѣ чскын прѣдаатъ са въ ржкы грѣшникомъ (Мф. XXVI, 45, Зогр.; в остальных также, кроме Остр., где — **часъ**). **і оуготовасте пасха. і егда въистъ година възлеже** (Лук. XXII, 13, 14). В приведенных примерах речь идет о наступлении определенной поры.

да егда придетъ година. поминаете си (Ио. XVI, 4). **придетъ година да въскъ иже оувнетъ въ. мьнитъ са слоужьвѣ приноси бви** (Ио. XVI, 2, Зогр.; в Сав. л. 27 читается: **приде врѣмѣ**, л. 104 об. — **придетъ година**).

Из приведенных примеров ясно, что **година** в евангелиях употребляется для обозначения точно измеряемого отрезка времени или назначенной поры. С этой точки зрения правильным будет чтение: **и посла рабъ свои въ годъ вечера решти зъванымъ градете** (Лук. XIV, 17, Мар., Ассем., Сав. и Остр.), так как здесь говорится вообще о времени, когда следует приступить к вечеру, а не о конкретно назначенном часе. В этом месте чтение в Зогр. **въ годинѣ** вместо **въ годъ** следует считать вторичным. Ср. также:

і все мнѣжъство людинъ въ молитѣхъ дѣахъ вънѣ въ годъ темѣна (Лук. I, 10; так во всех списках, только в Зогр. **тъмиѣна**, в Ассем. **тимѣна**, в Остр. **ѳумиана**).

В данном примере речь идет о наступлении времени каждения, или жертвоприношения, которое точно сроком не ограничивалось.

Итак, **годъ** — 'время', или 'достаточно широкий круг времени', а **година** — 'определенный час', или 'короткое время, ограничиваемое известным моментом'.

Слово **часъ** восходит к общеиндоевропейскому корню* *h²e(i)* — в значении 'на что обращать внимание, замечать' и т. п.: **часъ** <**h²e(i)*-so⁸. Первоначально корень разбираемого слова обозначал 'точное восприятие'.

Лук. IV, 5 читается: **і въведе и дѣволъ на горѣ въсокъ показа емоу въсѣка црствѣ въселенкѣ въ часѣ вѣременкѣ**. Словами **въ часѣ вѣременкѣ** передано греч. *στιγμή χρόνου* 'миг, мгновение', то есть: «показал ему всякие государства на земле в один миг (в одно мгновение)».

Кроме этого, слово **часъ**, как было отмечено Ягичем, часто употребляется в сочетании слов: **въ тѣ часъ**, ср.:

і исцѣлѣ отрокъ въ тѣ часъ. і въвращѣ са сотыникъ въ домъ свои въ тѣ часъ обрѣте и съдравъ (Мф. VIII, 13).

жена... прикоснѣ са ризы его... і спсѣна въистъ жена отъ часа того (т. е. женщина исцелилась в тот самый момент, когда прикоснулась к поле одежды; Мф. IX, 20—22).

обаче о семь не радуѣте са. ꙗко вѣси валъ повинужѣ са. радуѣте же са. ꙗко имена ваша написана на нсѣхъ. въ тѣ часъ въздрадова са дхомъ ис (т. е. обрадовался в тот же момент, когда говорил; Лук. X, 20—21).

въ тѣ часъ пристѣпиша оученици къ исѣ гашѣ. кто оубо бо волен въ црствѣ неискѣмъ (Мф. XVIII, 1).

ис же видѣвъ матеръ. і оученика стояшта его же любѣлѣше. гла матери. жено. се снѣ твои. потомъ же оученикоу. се мати твоѣ і отъ того часа поятъ ѿ оученикъ въ своѣ си (т. е. взял женщину к себе в тот момент, как услышал слова Иисуса, обращенные к нему; Ио. XIX, 26—27).

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что слово **часъ** имело иное, отличное от **година** значение. Первое употреблялось не для обозначения точного времени, а для того, чтобы обозначить момент действия, события, мгновенность того или иного явления. Вполне понятно поэтому употребление слова **часъ** в следующих примерах:

ви вѣдѣлъ гнѣ храмники. въ кѣи часъ татъ придетъ вѣдѣлъ оубо ви (Лук. XII, 39). Здесь речь не об определенном часе, а о том, в какой момент может прийти вор. Ср. также:

придетъ гнѣ раба того. въ день въ нѣже не чаѣтъ. і въ часъ въ нѣже не вѣстъ (Мф. XXIV, 50).

сего ради и кѣи вѣдѣте готови. ꙗко въ нѣже не мѣните часъ. сн чскѣи придетъ (Мф. XXIV, 44).

присѣ коньчина приде часъ. се прѣдаатъ са снѣ члвчскъ въ ржцѣ грѣшникомъ (т. е. наступил момент, когда предается... Мрк. XIV, 41).

⁸ См. J. Роконгу. Указ. словарь, стр. 635 и след.

Все это дает законное основание для заключения, что **ГОДИНА** и **ЧАСЪ** хотя и употреблялись для перевода одного и того же греч. слова *ώρα* но они отличались друг от друга по значению. Словом **ГОДИНА** обозначался точно определяемый небольшой отрезок времени, и оно по значению равнялось современному русск. *час*, укр. *година*. Словом **ЧАСЪ** обозначался момент, когда произошло то или иное действие, большей частью быстро или мгновенно. Отсюда вполне понятно то, что **ЧАСЪ** употреблялось преимущественно в сочетании с указательным или определительно-относительным местоимениями **ТЪ**, **СЪ** и т. п.

В других памятниках старославянской письменности — в Киевских листках, Клоцовом сборнике и Синайской псалтыри — **ГОДИНА** и **ЧАСЪ** не встречаются. В Синайском требнике один раз употреблено **ГОДЪ**:
и да вждете очи твои отеръстѣ. і оуши твои вьнемѣжци гла мѡтвѣгы его. ѣко да въ всѣхъ годъ лицу (1016, 11—14)⁹, в греч. — *ώρα*. Значение разбираемого слова здесь не совсем ясно. Можно понять только то, что речь идет о времени вообще.

В том же значении в указанном памятнике употреблено и **ГОДИНА**:
и съ вѣременемъ етеромъ. прѣвращаѣа сѧ. или на оутрънѣж. или на полоудне. или полоудноци. или безъ годинѣгы етерѣ. ли за оутра (54а, 23—26), в греч. — *ἡσπέριας τινός* 'не во время случившееся'.

Встречается **ГОДИНА** и в другом значении, совпадающем со значением слова **ГОДЪ**:

съхрани і ма... въ годинѣ стѣни твои. на спѣхъ спеню дши тѣлесн моемоу (37а, 13—17).

Правда, в этом памятнике сохранились следы употребления слова **ГОДИНА** в том же его значении, что в евангельских списках, примеры из которых приведены выше. Ср.:... творѣжъ клѣчетъ зжѣгы его. притѣжжѣци дши его. въ волѣзни сѧ. всѣхъ часъ въ тѣноемныхъ. всѣхъ же годинѣ. і всѣхъ вѣременъ възврани еи (4а, 2—7).

Подобный текст с таким же употреблением слов **ЧАСЪ** — **ГОДИНА** — **ВРѢМА** встречается еще на стр. 45а, 3—7, 46а, 7—11.

В приведенном примере, как это вытекает из текста, **ЧАСЪ** меньше, чем **ГОДИНА**, а последнее — чем **ВРѢМА**, что дает право на заключение, что **ЧАСЪ** здесь употреблено в том же значении, что и в евангелиях анализируемых списков или, в крайнем случае, в значении **ГОДИНА** (в смысле современного русск. *час*).

ЧАСЪ же здесь употребляется в значении **ГОДИНА**. Ср.: и да въкоуѣи брашъ въ третъ ки ча мало (47б, 9—11). мѡ нѣа трасомо въ в часъ (49б, 13). і пригвоздиша и на распонѣ. въ девѣтѣи часъ. і раздѣлиша сѣвѣ ризѣгы его (50а, 17—19). распенѣ сѧ на распонѣ въ третѣи часъ (50а, 24—25). вьетъ тѣ трисавице гѣ. часънаа емѣжциѣ въ в часъ (49б, 14—16).

⁹ Цитируем по изданию: Euchologium sinaiticum starocerkvenoslovanski glagolski spomenik. Izdajo priredil Dr. Rajko Nahtigal, II del. Ljubljana, 1942, XX.

Вместе с тем здесь встречаются и такие примеры: *і речѣ въ тѣ часъ мо снѣ* (37а, 3—4). *не вѣсте дѣни і часа. въ нѣже придетъ коньчина* (70б, 23—25). В последних примерах, как видно, *часъ* употреблено в старом его значении.

В следующем примере *часъ* по значению уже близко к *годъ* или *врѣмя*: *избави ны и се. отъ насильѣ иноплемениникъ. і отъ всего часа. смъртънаго. съблуди е.* (15а, 15—17).

Таким образом, в Синайском требнике слова *часъ* и *година* употреблены в основном в иных значениях сравнительно с теми же словами в евангелиях. По-видимому, здесь отражается другая диалектная среда, а также более поздний перевод этого памятника сравнительно с евангелиями.

В Супрасльской рукописи всего один раз встречается такое употребление: *сѣмотрите же како ксть люто. сѣмотривъ во кстьство томъ земля. яко стоудень велика ксть въ неи. и година врѣмене яко зимна* (89. 2—5)¹⁰.

В данном примере *година* употреблено в значении 'время года', по-видимому, дословный перевод греческого термина. Здесь словом *годъ* переданы греч. *χρόνος; καιρός, εἰκαιρος*. В евангелиях последние греческие слова передаются обычно словом *врѣмя*. Ср.: *нѣниа же въ годъ крѣста. прѣваа сѣпасають са жена* (428, 16—17), в греч. — *χρόνος*. *подобак сѣбрати масло да оноуде потрѣбно вждеть. кгда годъ насъ зоветь* (373, 25—27), в греч. — *καιρός*. *годъ же се и блаженаго паула...* (350, 5—6), в греч. — *εἰκαιρος*.

В рассматриваемом памятнике *часъ* употреблено 49 раз, причем в основном в том значении, в котором употребляется слово *година* в евангелиях. Ср.: *да ако часъ третини приде* (62, 17—18), *въ часъ же прѣвѣни ношти* (76, 20), *къ шестоуоумоу часоу ношти. и гласъ въистъ к' нимъ* (75, 22—23), *часома же дѣма минжѣшема. расхождааше сѣ по малоу тѣма* (110, 25—27), *мѣсаца марта вѣ. дѣнь свѣота часъ і* (142, 14—15) и т. п.

Правда, *часъ* здесь встречается и в старом значении, ср.: *и вѣставъ въ тѣ часъ иде* (296, 12), *како ли раздрѣши азъ отъ рода хромоуоумоу томъ часѣ нозѣ кмоу оутвердивъ* (358, 10—12) *обличи о мѣнѣ силж...* *трекго въ сѣ часъ* (22, 9—10), *невидимо съ нами вѣѣти. въ сѣ часъ* (95б, 8—9) и т. д.

Посмотрим, какую судьбу имели разбираемые слова в отдельных славянских языках.

В русском языке слово *год* утвердилось в основном значении 'промежуток времени, соответствующий периоду обращения земли вокруг солнца'. В этом значении слово *годъ* известно уже в XIV—XV вв. Что же касается слова *година*, то оно ныне находится за пределами наиболее употребительного словаря и встречается в ограниченном кругу устойчивых словосочетаний типа «лихая година», «година бедствий» и т. п.

Слово же *час* известно в различных значениях: 1) 'время', 'пора', 'момент', 2) «срок времени в 60 мин.» — «С восьми часов утра», «в два

¹⁰ Цитируем по изданию: Супрасльская рукопись, т. 1. СПб., 1904.

часа ночи» и т. п., 3) 'часы' (механизм для измерения времени) и т. д.¹¹. В диалектах слово *час* фиксируется в древнем значении 'теперь', 'сию минуту'¹².

Из древних *въ ть часъ*, *въ съ часъ* в русском остались наречия: *тотчас* 'сразу', 'без промедления', *сейчас* 'очень скоро', 'сразу'.

В украинском языке *год*, видимо, употребляется редко, как книжное слово (без перехода *о* в *і* в закрытом слоге). В значении русского *год* в укр. употребляется *рік*, *року*. Укр. *година* известно в значениях: 1) 'час'; о другой *годині*, о першої *годині* и т. д.; 2) 'время, пора'; 3) 'хорошая погода' ('ведро')¹³. *Годинник* 'часы'. *Час* 'время, пора'¹⁴.

В белорусском языке: *гадзіна* 'час, короткое время, время вообще'. Однако это слово употребляется в значении 'час'; ср.: «у дзве *гадзіны*», «а першай *гадзіне?*» и т. д. *Час* 'время вообще'¹⁵.

В польском языке *god* 'время, пора'¹⁶, однако это слово ныне употребляется редко; *godzina* 'час', не говоря о различных переносных значениях 'время, момент' и т. п.¹⁷. *Godzina* в значении 'час' известно в польском с XIV в.¹⁸ Современное *czas* 'время, пора' и другие¹⁹.

В чешском языке *hod* 'время (старое)'²⁰; ныне оно известно в значениях: 'церковный праздник', 'пиршество'; *hodina* 'час', 'короткое время', *hodiny* 'часы'²¹, *čas* 'время'²².

В словенском языке *god* 'определенное время', 'зрелость', *godina* 1) 'год'; 2) 'праздник', 'торжество'; 3) 'дождь'²³. *Čas* 'время'; 'определенное время', 'момент'²⁴.

В сербском и хорватском языках *god* 'время' (ныне не употребительно); *godina* 1) 'год'; 2) 'время' (только в диалектах, например в Дубровнике); 3) 'дождь'. *Čas* 'мгновение'²⁵.

В болгарском языке *год* (областное) 'год'; *година* 'год'²⁶. *Час* 'час', 'время'.

Эти данные позволяют констатировать, что общеславянское *godina* сохранилось в своем древнем значении в западнославянских языках; видимо, не без влияния последних оно в том же значении употреб-

¹¹ См. Толковый словарь русского языка, под ред. Д. Н. Ушакова, т. IV, стр. 1234 и след.

¹² См. Опыт областного великорусского словаря. СПб., 1852, стр. 254.

¹³ См. Українсько-російський словник, т. 1. Київ, 1953, стр. 340 и след.

¹⁴ Б. Д. Гринченко. Словарь украинского языка, т. IV. Киев, 1909, стр. 445.

¹⁵ И. И. Носович. Словарь белорусского наречия. СПб., 1870, стр. 115 и 696.

¹⁶ См. А. Врүckнер. Słownik etymologiczny języka polskiego. Kraków, 1927, стр. 147.

¹⁷ J. Karłowicz, A. Круński, W. Niedźwiedzki. Słownik języka polskiego, t. 1. Warszawa, 1952, стр. 864.

¹⁸ F. Sławski. Słownik etymologiczny języka polskiego, 3. Kraków, 1954, стр. 308.

¹⁹ J. Karłowicz, A. Круński, W. Niedźwiedzki. Указ. словарь, т. I, стр. 375 и след.

²⁰ J. Gebauer. Slovník staročeský, t. I. Praha, 1903, стр. 443.

²¹ F. Travníček. Slovník jazyka českého. Praha, 1952, стр. 435 и след.

²² Там же, стр. 170.

²³ M. Pleteršnik. Slovensko-nemški slovar. I del. Ljubljana, 1894, стр. 224, 225.

²⁴ Там же, стр. 93 и след.

²⁵ В. Караџић. Српски рјечник. Београд, 1898, стр. 95, 847. «Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika», dio III. Zagreb, 1887—1891, стр. 233, 235; dio I, стр. 897. F. Iveković i J. Broz. Rječnik hrvatskoga jezika, Svez. I. Zagreb, 1901, стр. 148—149, 319—320.

²⁶ Български тълковен речник, т. I. София, 1951, стр. 444 и след.

ляется в украинском и белорусском языках. Можно считать, что в русском языке это слово вышло из употребления. Во всех южнославянских языках данное слово получило расширенное значение 'год'. Такое значение слово *godina* приобрело в южнославянских языках рано, о чем можно догадаться по данным Синайского требника, в котором оно известно уже в значении 'время вообще'.

Слово же *god* ныне употребительно только в русском языке. В западнославянских языках оно перестало употребляться в значении 'время' в связи с тем, что в них сохранились слова *hodina*, *godzina* в древнем его значении; а в значении 'год' в них стало употребляться *rok*.

Общеславянское *čas*, первоначально обозначавшее 'весьма короткое время', 'момент', сохранилось в том же значении в сербском и хорватском языках, частично еще в русском языке. В западнославянских языках, а также в восточнославянских (в украинском и белорусском языках) оно расширило свое значение и стало обозначать в основном 'время вообще'. В болгарском и русском языках разбираемое слово стало обозначать в основном 24-ую часть суток.

Как показывают Супрасльская рукопись и Синайский требник, а также частично Остромирово евангелие и Саввина книга, слово *čas* в Болгарии, точнее — в восточной Болгарии, уже в XI в. употреблялось в современном значении, поэтому-то им заменялось старинное **година**. Эта тенденция отражена, как было показано, и в Зографском евангелии.

Обобщая сказанное выше, мы считаем теперь возможным фиксировать следующее:

1. Ягич был безусловно не прав, склоняясь к мысли, что **година** могло быть первоначальным словом, а **часъ** — вторичным в текстах памятников старославянской письменности. Свое предположение он высказал сначала в 1865 г. под влиянием взглядов П. Шафарика, как известно, считавшего, что глаголические памятники, как отражающие первичный перевод, характерны одним словарным составом, а кирилловские — другим²⁷. Ягич, не производя анализа церковных книг, на основании одних внешних данных (подсчетом слов и их сопоставлений в разных памятниках) повторил ошибочное мнение Шафарика.

2. Анализ текстов церковных книг показывает, что в евангелиях слова **година** и **часъ** употребляются в разных значениях, близких к исходным значениям общиндоевропейских корней разбираемых слов. Этот факт является убедительным в том отношении, что именно первые переводчики могли различать **година** и **часъ** и оба эти слова употреблять для перевода греч. *ώρα*, оттеняя различные нюансы в значениях последнего при передаче его на славянский язык.

3. В ходе исторического развития в различных славянских языках анализируемые слова изменяли значения по-разному. В южнославянских языках слово *godina* приобрело современное значение 'год', а *časъ* — современное 'час' (последнее особенно в болгарском языке). В связи с этим вместо **година** в отдельных памятниках, без сомнения болгарского списка, стали употреблять **часъ**, заменяя им первое слово. Этот

²⁷ См. П. И. Шафарик. О происхождении и родине глаголитизма. «Чтения в имп. Обществе истории и древностей российских при Московском университете». М., 1860. кн. 4.

процесс отражен уже в Зографском, Остромировом евангелиях и Саввиной книге. Такой памятник, как Супрасльская рукопись, вместо **ГОДИНА** выдержанно употребляет слово **часть**, что является убедительным свидетельством того, что в восточной Болгарии уже в XI в. **ГОДИНА** перестало употребляться в своем древнем значении.

4. Таким образом, в отношении слов **ГОДИНА** и **часть** не возникает проблемы первичности и вторичности. Суть вопроса здесь заключается в том, чтобы выяснить, как шло замещение одного слова другим в поздних памятниках.

Стойко Стойков

ФОНЕТИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ В ЯЗЫКЕ

(на материале болгарских диалектов)

I

Одной из основных закономерностей исторического развития языка являются постоянные фонетические изменения. В зависимости от конкретных условий, в которых развивается язык, эти изменения могут быть различными по степени распространения и скорости процесса: в одни периоды они более значительны, а в другие — менее, в одни периоды они протекают быстрее, а в другие — медленнее; но эти изменения никогда не прекращаются. Фонетические изменения в языке очень разнообразны как по характеру, так и по своему проявлению. Одни из них охватывают известный звук во всех фонетических положениях, другие затрагивают звук только в определенных, ограниченных фонетических положениях, а третьи происходят в отдельных единичных случаях. При этом одни изменения являются следствием самостоятельного внутреннего развития и происходят путем изменений в артикуляции, а другие возникают благодаря внешним (нефонетическим) причинам — сверхстарательности, аналогии, контаминации и пр. Наконец, одни изменения происходят внутри самого языка, а другие обусловлены внешним посторонним влиянием, заимствованием звуков и пр.

При изучении истории языка путем сравнения его состояния в отдельные более или менее отдаленные друг от друга периоды обычно устанавливают наличие известных изменений в его звуковой системе, т. е. определяют результаты отдельных уже завершенных процессов. Сами эти процессы остаются, однако, скрытыми, недоступными для наблюдения. И объяснения, которые даются различным изменениям в фонетической системе, обычно являются гипотетическими, иногда даже неправильными и искусственными, потому что опираются не на твердо установленные факты, а основываются лишь на теоретических положениях.

Для определения характера и особенностей фонетических изменений существенное значение имеет изучение живых, протекающих на наших глазах фонетических процессов. Такое изучение позволяет раскрыть конкретные пути фонетических изменений и дает возможность правильно объяснить ряд фонетических явлений в историческом развитии языка.

Национальный литературный язык, который отличается устойчивостью нормативностью, поддерживаемыми постоянным контролем его письменной формы и особыми функциями его как средства общения всей нации, не может дать необходимого материала для изучения фонети-

ческих изменений, так как в нем происходит очень мало фонетических изменений и протекают они чрезвычайно медленно. Народные же говоры (территориальные диалекты), ограниченные территориально и функционально, имеющие только устную форму и не сдерживаемые в своем развитии нормативным контролем письменного языка, дают богатый материал, потому что в них постоянно происходят фонетические изменения. Вообще диалекты, по сравнению с литературными языками, находятся в более «нормальных» условиях и сравнительно быстро изменяются в фонетическом отношении. Особый интерес для языкознания представляют такие диалектные фонетические изменения, которые можно наблюдать в процессе их протекания, так как они дают ценные сведения о способах совершения в языке фонетических изменений вообще.

II

В течение последних нескольких лет, изучая различные болгарские диалекты, я имел возможность наблюдать в процессе протекания следующие фонетические изменения, обусловленные самостоятельным внутренним развитием системы.

1. Переход палатального *л'* в *й* в любом положении в некоторых северо-западных болгарских говорах, в частности в селе Челинци Софийской околии, т. е. произношение *йут* вм. *л'ут*, *зёйе* вм. *зёл'е*, *йййак* вм. *л'йл'ак*, *кййуч* вм. *кл'уч* и т. п. Это явление сравнительно новое и в последнее время оно все больше и больше распространяется¹.

2. Переход согласного *ф* в *х* в любом положении в говоре села Козичено (Еркеч) Поморийской околии, т. е. произношение *хес* вм. *фес*, *хлэзе* вм. *флэзе*, *кѡза* вм. *кѡфа*, *сохрѡ* вм. *софрѡ*, *гн'ах* вм. *гн'аф*, *сурѡх* вм. *сурѡф* и т. п.²

3. Переход палатальных *к'*, *х'* в палатальные *ч'*, *ш'* после гласного переднего ряда в абсолютном конце слова в говоре города Банско Разложской околии: *зеч'* вм. *зек'* (зет), *йезич'* вм. *йезик'*, *смеш'* вм. *смех*, *у ниш'* вм. *у них'* (у тях), *одйш'* вм. *одих'* (ходих'), *спеш'* вм. *спех'* (спях) и т. п.

4. Переход твердого (велярного) *л* в *й* и *в* в говоре села Корово Велинградской околии — в *й* в конце слова и перед согласным, а в *в* перед гласным заднего ряда: *воу* вм. *вол*, *ѡдиу* вм. *ѡдил*, *учйтейу* вм. *учйтел*, *воук* вм. *волк* (вълк), *пѡйна* вм. *пѡлна*, *бѡто* вм. *блѡто*, *вѡзе* вм. *лѡзе*, *гвух* вм. *глух* и т. п.³

Подробное изучение этих явлений дает возможность сделать следующие более общие выводы:

1. Основной причиной появления указанных фонетических изменений являются артикуляционно-акустические особенности звуков.

Так, переход палатальных *л'* в *й* связан с сильной палатальностью согласного *л'*, который в западных говорах произносится очень мягко. Вследствие сильной смычки средней части языка с боковыми стенками твердого нёба — явление, характерное для палатальных согласных, — передняя смычка ослабевает, и кончик языка опускается к нижним передним зубам. Так возникают артикуляционные и слуховые особен-

¹ Ст. Стойков. Одно ново фонетично явление в западните български говори. «Известия на Института за български език», 1952, кн. 1, стр. 147—168.

² Ст. Стойков. Днешно състояние на еркечкия говор. «Известия на Института за български език», 1956, кн. 4, стр. 345—351.

³ Ст. Стойков. Една нова промяна на съгласната *л* в български език. «Български език», 1956, кн. 3, стр. 239—244.

ности, которые сближают сильно палатальное $л'$ ($л''$) с сильно палатальным $й$ и делают возможным его переход в $й$.

Причина перехода согласного $ф$ в $х$ заключается в ослаблении артикуляции $ф$, которая переходит в выдох, т. е. в $х$.

Причина перехода $к'$ в $ч'$ и $х'$ в $ш'$ заключается в усилении артикуляции. А причина перехода твердого $л$ в $й$ и $в$ заключается в особенно ярко выраженном велярном характере согласного $л$, вследствие чего язычная артикуляция ослабевает и усиливается губная артикуляция. Все рассмотренные фонетические изменения, следовательно, обусловлены изменениями в артикуляции, усилением или ослаблением артикуляции.

2. Стимул рассмотренных фонетических изменений кроется в артикуляционной стороне звуков; прежде всего изменяется артикуляция, и притом обычно под воздействием ассимиляции. Изменения в артикуляции со своей стороны ведут к акустическим изменениям, которые и по слуховому восприятию сближают один звук с другим. Это сближение с точки зрения слухового восприятия в свою очередь является причиной перехода одной фонемы в другую. При этом если артикуляционное и слуховое сближение происходит постепенно, то фонемное выравнивание происходит сразу — для него не является необходимым полное артикуляционное и слуховое тождество звуков. В процессе совершения рассматриваемых фонетических изменений очень часто можно наблюдать, как в одной и той же среде, даже в одной и той же семье, одни произносят один звук, другие — другой, но воспринимают их как один и тот же звук, не замечая и не осознавая реальных различий между ними, т. е. произносят два разных, хотя и близких звука, не различая их, потому что они являются одной фонемой. В селе Чепинци Софийской околии, например, я мог наблюдать, как одни и те же слова вроде *неделя*, *зеле*, *лото* одними членами семьи (старшее поколение) произносятся с мягким $л'$ (*недел'а*, *зел'е*, *л'уто*), а другими (младшее поколение) — с $й$ (*недейа*, *зейе*, *йуто*). При этом говорящие не осознавали различий в произношении. Подобное явление я наблюдал и в селе Козичено (Еркеч) Поморийской околии, где в одной семье одни произносят *дил'аф*, *ф р'аката*, а другие — *дил'ах*, *х р'аката*, и в городе Банско, где одни произносят *зек'*, *од'их'*, *пит'ах'*, а другие — *зеч'*, *од'иш'*, *пит'аиш'*, и в селе Корово Велиградской околии, где одни произносят *вол*, *волна* (вълна), *селу*, *слднце* (слънце), а другие — *воу*, *вдуна*, *севу*, *свднце*.

Вообще наблюдаемый мною процесс фонетических изменений ясно показывает тесную связь и зависимость между материальной (артикуляционно-акустической) и служебной (функциональной) сторонами фонемы. Изменения материальной стороны, вызванные внешними техническими причинами, например ассимиляцией, ведут к изменению самой фонемы. Но эти наблюдения показывают также, что между материальной и служебной сторонами не может ставиться знак полного равенства, т. е. эти две стороны тесно связаны и взаимно обусловлены, образуют неразрывное единство, но они не являются тождественными и равноправными, а имеют известную самостоятельность. Так изучение живых звуковых процессов помогает осветить сложный вопрос о фонеме, которую ни в коем случае нельзя отрывать от ее материальной сущности, т. е. от ее звуковой стороны.

3. В указанных фонетических изменениях переход $л' > й$, $ф > х$, $к' > ч'$, $х' > ш'$ и $л > й$, $в$ не происходит непосредственно, а проходит через промежуточную стадию, которую можно наблюдать только во время протекания процесса. Так, например, в процессе изменения $л'$

в *й* возникает сильно палатальное *л'*, которое условно может быть обозначено как *л''*; при его артикуляции проход образуется в передней части полости рта при сильном ффрикативном элементе. Изменение *ф* в *х* происходит через билабиальное *ф*, а изменение *х'* в *ш'*, *к'* в *ч'* — через сильно палатальные *х'* и *к'*. В двух последних изменениях промежуточными звуками можно считать и согласные *к'*, *х'*, так как в общем фонетическом развитии диалекта происходит изменение: *к > ч', х > ш'* (*йезик > йезик' > йезич', одих > одих' > одиш'*). Можно было бы также допустить, что промежуточными звуками являются и согласные *ч', ш'*, так как не исключена возможность их перехода в твердые *ч, ш*, какими вообще являются согласные *ч, ш* в говоре города Банско. Тогда общий вид изменения будет следующим: *к > к' > ч' > ч, х > х' > ш' > ш*. Таким же промежуточным звуком является и *й*, который встречается вместо твердого *л* в конце слова и перед твердой согласной (*беј* вм. *бел, майко* вм. *малко*).

Указанные промежуточные, переходные звуки *л'', ф, х', к', й* имеют большое значение, потому что они наглядно демонстрируют постепенный переход одного звука в другой и артикуляционно-акустическую, т. е. материальную сущность явления.

4. Фонетические изменения рассмотренного типа происходят постепенно, и эта постепенность проявляется не только в возникновении новых, переходных звуков, но и в постепенном расширении сферы действия фонетического процесса, которая, с одной стороны, охватывает все большее число случаев, а с другой — большее число носителей говора.

Все изученные мною фонетические изменения вначале являются частичными (комбинаторными, ограниченными) звуковыми изменениями, т. е. они начинаются с определенных, ограниченных позиций. Например, переход *л'* в *й* первоначально возникает в начале слова перед гласным или в середине слова в интервокальном положении, а затем этот процесс распространяется и на другие позиции. Переход *ф* в *х* первоначально появляется в конце слова, а затем и в других положениях. А изменения *к'* в *ч', х'* в *ш'* на сегодняшний день ограничиваются только концом слова, поэтому наряду со случаями изменения *к'* в *ч'* и *х'* в *ш'* встречаются случаи с сохранившимися *к', х'* (*век'е, йа к'е фала, на дук'ане, днск'а*).

Вообще с течением времени фонетические изменения расширяют свою сферу и охватывают большинство или все случаи, т. е. из частичных (комбинаторных) они превращаются в полные.

Постепенное расширение сферы звуковых изменений проявляется и в постепенности охвата всех носителей говора. Поэтому, учитывая процесс фонетических изменений, в общем, можно различать три диалектных разновидности.

Первая диалектная разновидность отличается тем, что фонетическое изменение в ней не отмечается. Она охватывает старшее поколение. Во второй диалектной разновидности фиксируются известные фонетические изменения в большей или меньшей степени, в основном в качестве комбинаторных явлений. Она охватывает среднее поколение. В третьей разновидности диалекта фонетические изменения отражены последовательно и полно. Для носителей этой разновидности диалекта характерно, что они «не слышат» исчезнувший звук как отдельный, самостоятельный звук, т. е. они его слышат и воспринимают как новый звук. Я производил интересные опыты с детьми, изучая переход *л'* в *й*. Я произносил литературные, незнакомые им, слова с мягким *л* и застав-

лял их повторять. Они всегда произносили их с йотом, т. е. такие слова, как *пал'ачо*, *пл'ачка*, *мил'џн*, они слышали и произносили, как *пайџчо*, *пџачка*, *миџн*.носителем этой разновидности диалекта выступает младшее поколение.

Эти три разновидности диалекта нужно рассматривать как относительные, а не как абсолютные величины. Они не имеют четкого разграничения в отношении возраста или пола своих носителей. Бывают случаи, когда то или иное фонетическое изменение наблюдается в речи пожилых людей, а в речи младшего поколения не фиксируется. При этом нужно учитывать, что в зависимости от стадии, в которой находится фонетический процесс, в говоре могут быть представлены только две диалектные разновидности: или начальная и средняя, или средняя и последняя. Изменчив и численный состав носителей отдельных разновидностей диалекта.

5. Рассматриваемые фонетические изменения ясно показывают, что дети не усваивают механически речь родителей и семейной среды, а находятся под влиянием речи своих сверстников. Поэтому и возможно, что в одной и той же семье имеется различие между стариками и молодежью.

6. Рассматриваемые фонетические изменения показывают также, что фонетические изменения протекают относительно быстро — за одно-два или два-три поколения, т. е. за период, не больший чем сто лет, фонетический процесс может быть полностью завершен.

7. Изученные нами звуковые изменения с точки зрения охвата бывают двух видов. Одни затрагивают данный звук во всех положениях и ведут к его полному выпадению из фонемного состава говора. Таковы изменения *л'* в *й* и *ѳ* в *х*, при которых фонемы *л'* и *ѳ* исчезают в соответствующих говорах. Другие изменения более или менее ограничены и затрагивают данный звук только в известных положениях. Они ведут к частичным изменениям в употреблении фонем, проявляющимся в ограничении употребления одной фонемы и в расширении — другой. Таковы изменения *л* > *й*, *л* в *в*, *к'* в *ч'* и *х'* в *ш'*. Изменение *л* в *й* встречается только в конце слова и перед твердой согласной, изменение *л* в *в* — только перед гласным заднего ряда, а изменение *к'* в *ч'* и *х'* в *ш'* — только в конце слова.

8. Изученные нами звуковые изменения бывают двух видов и по своему конечному результату. В одних случаях фонетическое изменение приводит к появлению нового звука в фонемном составе. Такими являются звуки *й*, *ч'* и *ш'*. В других случаях фонетическое изменение приводит лишь к переходу одного звука в другой, уже существующий. Таким путем происходят изменения в фонемной системе, т. е. увеличивается употребление одной фонемы и ограничивается употребление другой. Такими являются изменения *л'* в *й*, *ѳ* в *х*, *л* в *в*. При изменении *л'* в *й* увеличиваются случаи с *й*, при изменении *ѳ* в *х* — случаи с *х*, а при изменении *л* в *в* — случаи с *в*.

9. Фонетические изменения, затрагивающие данный звук только в определенных, ограниченных положениях, ведут к появлению новых чередований в языке, к изменениям в его фонемной структуре. Так, в говоре села Корово Велинградской околии вследствие изменений *й* в *у* и *л* в *в* появляются новые чередования *й* — *в* — *л*, *у* — *в*: *беџ* — *бџва* — *бџву* — *бџли* (бял — бяла — бяло — бели), *џаџ* — *џава* — *џаву* — *џали* (цял — цяла — цяло — цели), *чуваџ* — *чувават* — *чувавали* (чувал — чувал — чувалът — чували), *стоџ* — *стџвџт* (стол — столът) и пр.

10. Изученные нами живые фонетические процессы дают также воз-

возможность уяснить в известной мере вопрос о первоисточнике фонетических изменений.

Фонетические изменения становятся языковым явлением, когда они встречаются в речи значительного числа лиц. Наблюдаемые нами фонетические изменения во время их изучения были широко распространены в соответствующих говорах, и не было возможности установить, как они возникли: были ли они первоначально индивидуальной чертой отдельных лиц, получившей затем распространение путем подражания окружающих, или они возникли одновременно у более широкого круга лиц в связи с общим развитием звуковой системы. Я склонен принять положение, что фонетические изменения появляются одновременно у более или менее значительного числа носителей говора.

Изучение перехода палатального *л'* в *й* в северо-западных болгарских говорах, однако, убедительно показывает, что отдельное фонетическое явление может возникнуть одновременно и независимо от постороннего влияния в различных населенных пунктах на территории данного говора или группы говоров. Следовательно, нельзя говорить всегда о радиальном или волнообразном распространении отдельных фонетических изменений. Отдельные фонетические процессы могут возникнуть одновременно в разных местах, без какой бы то ни было связи между ними, так как они обусловлены общим состоянием звуковой системы говора или языка. Это подтверждается и тем фактом, что рассмотренные нами фонетические изменения *л' > й*, *л > ѱ*, *л > в*, *ф > х*, *к' > ч'*, *х' > ш'* встречаются в других славянских и неславянских языках.

III

Изучая болгарские говоры, я мог наблюдать в процессе протекания пока только одно фонетическое явление как следствие внешнего влияния.

Это замена широкого *е(ѣ)* обыкновенным *е* и *ѣ* в говоре села Козичено (Еркеч) Поморийской околии, происходящая под влиянием соседних говоров, т. е. произношение *гулѣм* вм. *гулѣм*, *бѣше* вм. *бѣше*, *излѣзе* вм. *излѣзе*, *мѣш* вм. *мѣш*, *кѣшта* вм. *кѣшта*, *ѣн* вм. *ѣн* и т. п.⁴

Говор села Козичено (Еркеч) отличается от говоров соседних сел главным образом особенным широким *ѣ* из староболгарских *ѣ, ж* и *ѣ*. Жители соседних сел смеются над еркечанами из-за их *ѣ*. Последние, чтобы избежать насмешек, сознательно заменяют *ѣ* на *е* и *ѣ* и таким образом перестают отличаться в этом отношении от жителей других сел. Замена *ѣ* на *е*, *ѣ* чаще всего встречается в речи мужчин и главным образом тогда, когда они говорят с людьми незнакомыми, не из их села. Но и внутри говора ясно замечается колебание в употреблении *ѣ*. В этом вытеснении гласной *ѣ* известную роль играет и болгарской литературный язык, оказывающий влияние через общественную жизнь, школу, печать, казарму и т. п.

Заемствование чужих диалектных форм я мог наблюдать в селе Крушево Первомайской околии. Это новое село, заселенное в 80—90-е годы прошлого века переселенцами из Первомайской, Асеновградской, Хасковской, Чирпанской и других околий, находится на территории чирпанского говора с экономическим и культурным центром — городом Чирпан. В нем старое поколение в целом сохраняет свой родной говор, но среднее и особенно молодое поколение сравнялось в отношении говора с соседними селами, сознательно восприняв чирпанский говор. «Идешь на базар, тебя не понимают, смеются над тобой, и ты начинаешь

⁴ Ст. Стойков. Днешно състояние на еркечкия говор, стр. 345.

говорить, как они», — объяснял мне местный житель Пею Цанев Тонев, 47 лет, родом из села Плодовитово Первомайской околии⁵.

Внимательное изучение этого вида изменений дает возможность сделать следующие более общие выводы:

1. Находясь в своей среде, носители говора не замечают своих диалектных черт и не осознают их как что-то особенное. Однако входя в контакт с представителями других диалектов, они начинают замечать, осознавать особенности своего говора. Обычно они считают свой говор правильным, а чужой — неправильным и смеются над носителями чужого говора.

2. При продолжительном тесном общении между носителями разных говоров появляются более сложные взаимоотношения. В зависимости от языковых причин, главным образом от своего общественно-экономического и культурного положения, носители одного говора гордятся своим диалектом или стесняются его. Те носители говора, которые чувствуют себя более отсталыми в экономическом, культурном и общественном отношении, обыкновенно стыдятся своего диалекта и начинают сознательно избегать диалектных особенностей, являющихся предметом насмешки, а это ведет к исчезновению этих особенностей. Вместо них они начинают употреблять черты того говора, который слывет более «хорошим», более «правильным». А все это приводит к изменениям в говоре.

3. Сознательная замена одних фонетических особенностей другими часто ведет к сверхстарательности. Например, в западнософийском подговоре сознательная замена частицы будущего времени *че* более «правильной» *ше* ведет к замене союза *че* на *ше* (*знае, ше нѐма* вм. *знае, че нема; не вѐди, ше е тѐмно* вм. *не вѐди, че е тѐмно* и т. п.).

4. Фонетические изменения, являющиеся следствием внешнего влияния, сравнительно ограничены и встречаются при междиалектном общении. Они ясно показывают, что при фонетических изменениях возможно сознательное вмешательство, сознательное восприятие или устранение известных диалектных фонетических особенностей. Это сознательное отношение к языковым особенностям имеет подражательный характер и является следствием языковых причин.

5. Сознательное заимствование фонетических особенностей наиболее характерно для развития диалектов на современном этапе, когда они постепенно сближаются с литературным языком.

IV

Изложенные общие выводы о характере фонетических изменений нельзя считать окончательными и абсолютными. Сделанные на основании ограниченного материала одного языка, они выдвигают только некоторые общие положения. Для полного раскрытия характера фонетических изменений необходимы еще многочисленные данные различных языков, касающиеся более широкого круга различных диалектных явлений. Поэтому одной из задач диалектологии является собирание и изучение этих данных, которые могут помочь разрешению исключительно важного вопроса о фонетических изменениях в развитии языка.

⁵ Ст. Стойков. Отчет за опитните диалектоложки поучвания в Първомайско през 1950 год. «Известия на Института за български език», 1952, кн. 1, стр. 249.

Т. И. Степанова

УПОТРЕБЛЕНИЕ *RÁD*, *RÁDI* В СОВРЕМЕННОМ ЧЕШСКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ

В сложном процессе развития частей речи в языке всегда существуют переходные формы. В современном чешском языке с этой точки зрения представляют интерес формы *rád*, *ráda*, *rádo* (*nerad...*); *rádi*, *rády*, *ráda* (*neradi...*). Являясь по происхождению формами им. п. ед. и мн. ч. именных прилагательных, они проявляют в современном языке различные тенденции в своем развитии, часто уводящие их за пределы категории именных прилагательных.

Наряду с синтаксической функцией именной части составного сказуемого они выступают также в функции обстоятельства, могут выступать в качестве модального слова и входить в состав лексикализованных фразеологических единиц.

В данной статье мы попытаемся на материале современного литературного чешского языка охарактеризовать эту форму не столько с точки зрения ее морфологических особенностей, сколько с точки зрения ее синтаксической функции в предложении.

Акад. Фр. Травничек в «Грамматике чешского литературного языка» определяет эти формы как именные прилагательные, выступающие в предложении только в функции сказуемого или именной части составного сказуемого, тогда как неизменяемую сравнительную степень от них — *raději* — относит к наречию¹. Т. е. в предложениях типа: *udělán to rád; jím to rád; máme ho rádi* — *rád, rádi* выступает в качестве именной части сказуемого², а в предложениях типа: *jím to raději, jíme to raději* — *raději* выступает как наречие. Ход рассуждения Фр. Травничека можно представить следующим образом.

В составе сказуемого именные прилагательные выражают переменный признак, присущий подлежащему только во время действия, выражаемого глаголом: *Žák čte rád* (*žák čte, jsa rád, za takových okolností, že je rád*). Фр. Травничек отмечает, что именная часть сказуемого очень близка в нашем сознании к обстоятельству, так как оба они

¹ Akad. Fr. Trávníček. Mluvnice spisovné češtiny, č. II. Praha, 1951, стр. 1096.

² Следует при этом оговориться, что в чешской лингвистике именная часть составного сказуемого (*doplňek*) выделяется в качестве самостоятельного члена предложения, выражающего свойство, которое имеет существительное во время действия и которое только сопровождает действие, не будучи от него зависимым. Например: *Chlapec chodí bos* 'Мальчик ходит [будучи] бос'.

Вл. Шмилауэр считает, например, что дееспричастие всегда выступает только в качестве такого члена предложения (см. V. Šmilauer. Novočeská skladba, Praha, 1947, стр. 425).

характеризуют действие (обстоятельство — непосредственно, именная часть сказуемого — косвенно, путем характеристики имени в момент действия).

Поэтому в результате возобладания наречного восприятия на месте именного прилагательного в качестве именной части сказуемого бывает представлено наречие: *jím to rád || raději*.

По своему вещественному значению *raději* — то же самое, что и *rád*, поэтому — с точки зрения психологической — эти формы можно считать именной частью сказуемого. Грамматически же между ними имеется различие. Именная часть сказуемого относится к имени, ее функция — выражать свойство имени. обстоятельство само по себе не указывает на отношение к имени, поэтому мы воспринимаем его как ближайшее определение глагола, а не имени.

Упомянув, что формы *rád, rádi* могут также употребляться в значении, по содержанию наречном (*v platnosti obsahově příslovečné*), Фр. Травничек не объясняет, чем определяется возможность их различного синтаксического употребления. отождествляя функцию и значение этих форм, Фр. Травничек рассматривает их функцию в отрыве от лексического значения глаголов, с которыми они сочетаются в группе сказуемого. Поэтому он не видит различий в синтаксической функции формы *rád* в выражениях *udělám to rád* и *mám to rád*.

В действительности же синтаксические отношения, в которые формы вступают с глаголом в составе синтаксической группы сказуемого, отличаются разнообразием. Вне зависимости от того, были ли раньше формы *rád, rádi* непосредственным определением подлежащего или входили в состав сказуемого в качестве обстоятельства, теперь они относятся к глаголу, но связь их с глаголом различна в каждом отдельном случае. Формы *rád, rádi* могут быть связаны с лексическим содержанием глагола то в большей, то в меньшей степени.

Синтаксическая функция части речи определяется не только ее лексическим значением, но и лексическим значением и синтаксической функцией частей речи, с которыми данная часть речи сочетается в предложении. Так, различное лексическое значение глаголов *býti, míti, jísti, udělati* определяет различные синтаксические функции сочетающихся с ними форм *rád, rádi*.

В сочетании с глаголом *býti* формы *rád, rádi* выступают в предикативной функции, выражая состояние.

Глагол *býti* может быть в изъявительном наклонении:

Vždyt' jsem ráda, že se sama udržuji na nohou! (М. Мајеровá. *Náměstí republiky*. Praha, 1947, стр. 149). 'Ведь я рада, что сама держусь на ногах!'

Kulatá panička... je ráda že, sedí (I. Olbracht. *Golet v údolí*. Praha, 1947, стр. 32) 'Кругленькая госпожа рада, что сидит'.

...*Byl tomu chlapecky rád* (V. Řezáč. *Slepá ulička*. Praha, 1938, стр. 377). '...он был по-мальчишески этому рад'.

...*Ale oni se tomu jen usmívali a byli rádi, že mají střechu nad hlavou* (М. Мајеровá. *Siréna*. Praha, 1947, стр. 41). '...но они только улыбались на это и были рады, что у них есть крыша над головой'.

В повелительном наклонении: ... — *Bud'te rádi — na slunci je možno se již vyhřát*. (Т. Svatopluk. *Botostroj*, Москва, 1951, стр. 12) '... — будьте рады — на солнышке можно уже погреться'.

В условном наклонении:

Byl bych rád, kdyby přijel (I. Olbracht. *Anna proletářka*. Praha, 1952, стр. 119). 'Я был бы рад, если бы он приехал'.

Byl bych býval rád, kdyby ji mohl nechat stát (I. Olbracht. Anna proletařka, стр. 251). 'Он был бы рад, если бы мог оставить ее стоять'.

В сочетании с глаголом *býti* в составе группы сказуемого формы *rád, rádi* определяют имя, выражающее подлежащее, со стороны состояния, в котором последнее находится во время, указываемое глаголом: *Kulatá panička . . . je ráda, že sedí*. Форма *ráda* определяет подлежащее не со стороны его постоянного признака, а со стороны признака переменного. Этот переменный признак может также мыслиться в определенной степени: — *Ale konec konců budu raději, umřeš-li . . .* (V. Řezáč. Slepá ulička, стр. 44) 'Но в конце концов я буду более рад, если ты умрешь' . . .³

Глагол *býti* имеет чисто грамматическое значение: указывает на время и наклонение. Глагол *býti* в сочетании с формами *rád, rádi* утверждает наличие определенного состояния для того или иного подлежащего.

В русском языке именные прилагательные *rad, rada* специализировались исключительно в предикативной функции выражения состояния. Акад. В. В. Виноградов относит их к категории состояния: «Соединение инфинитива с предикативными (краткими) прилагательными: *готов, способен, рад, должен, обязан, намерен* и т. п., выражая возможность, необходимость действия или эмоциональное отношение к действию, отличаются от сочетаний инфинитива с предикативными безличными словами лишь наличием указания на лицо»⁴.

Возможно, что соответствие лексического значения форм *rad, rady* их исключительно предикативной синтаксической функции (краткие прилагательные в русском языке употребляются, как правило, только в предикативной функции) в русском языке и может служить основанием для отнесения их к категории состояния.

Что же касается чешского языка, то следует иметь в виду, что возможности синтаксического употребления соответствующих форм *rád, rádi* не ограничиваются только предикативной функцией.

Синтаксической особенностью форм *rád, rádi* в чешском языке является то, что они, употребляясь преимущественно в составе синтаксической группы сказуемого⁵, могут сочетаться не только со вспомогательным глаголом *býti*, но с любым глаголом, имеющим свое самостоятельное лексическое значение.

Формы *rád, rádi* могут сочетаться с глаголами любого вида, наклонения и времени, но они никогда не могут сочетаться с формой инфинитива (ср. в русском: *служить бы рад, прислуживаться тошно, я рад сказать, сообщить* и т. п.).

В сочетании с глаголами несовершенного вида формы *rád, rádi* имеют значение 'любить что-нибудь делать, охотно, с удовольствием что-нибудь делать'. Например: *rád čtu* 'я люблю читать' (дословно: 'охотно, с удовольствием читаю'); *rádi čteli* 'они любили читать' ('охотно читали').

³ Во избежание недоразумения следует отметить, что *raději* представляет собой форму сравнительной степени от именного прилагательного *rád*. В современном чешском языке она осознается как сравнительная степень к наречию *rád* 'охотно' из-за того, что с суффиксом *-ěji*, исторически представляющим собой суффикс сравнительной степени именных прилагательных, в современном чешском языке образуется сравнительная степень наречий.

⁴ В. В. Виноградов. О категории модальности в русском языке. «Труды Института русского языка», т. II, 1950, стр. 54.

⁵ Предложения, в которых бы *rád* входило в группу определения, очень редки.

Znali ho již a obětovali rádi kávu podívané, jakou v baru působil jeho zjev a jeho řeči. (М. Majerová. Náměstí republiky, стр. 139). 'Его уже знали и охотно жертвовали кофеом ради зрелища, которое представляло его появление и его речи в баре'.

Ráda převracela vše na ruby. (М. Majerová. Náměstí republiky, 86). 'Она любила все выворачивать наизнанку' (дословно: 'охотно выворачивала').

Rád o tom vykládá. (М. Majerová. Náměstí republiky, 70). 'Он любит об этом рассказывать' (дословно: 'охотно рассказывает').

... *A Hanele se smála tak ráda* (I. Olbracht. Golet v údolí, 169).

'... А Ганеле так любила смеяться' (дословно: 'так охотно смеялась').

Podzim pracuje rád ve velkém měřítku (К. Čapek. Zahradníkův rok, Praha, 1947, стр. 127). 'Осень любит работать' (дословно: 'с удовольствием, охотно работает в большом масштабе').

Jsou lidé, hlavně kritikové a veřejní řečníci, kteří rádi mluví o kořenech (К. Čapek. Zahradníkův rok, стр. 136). 'Есть люди, главным образом критики и публичные ораторы, которые любят говорить о корнях' (дословно: 'охотно, с удовольствием говорят о корнях').

В случае, если необходимо подчеркнуть одно из двух возможных чтений подобных сочетаний, авторы прибегают к дополнительным средствам: *Vášnivě rád lovil...* (М. Majerová. Sírěna, стр. 10). 'Он страстно любил охотиться...'

Наличие наречия *vášnivě* исключает возможность обстоятельственного понимания формы *rád*. Предложение *vášnivě rád lovil* следует понимать как 'страстно любил охотиться', а не как 'страстно охотно охотился', ибо 'страстно' и 'охотно' несовместимы. Если в сочетаниях форм *rád, rádi* с глаголом *býti* основное содержание высказывания выражалось именно этими формами, а глагол *býti* имел чисто грамматическое значение, то в только что рассмотренных случаях положение меняется.

Формы *rád, rádi* только развивают значение сказуемого, выраженного определенным глаголом, дополнительно характеризуют его. Говоря словами акад. В. В. Виноградова, они выражают эмоциональное отношение к действию⁶. Высказывание как таковое не нарушится, если мы их опустим. Синтаксическая связь форм *rád, rádi* с глаголом *býti* была более тесной. Синтаксическая функция слова, данная в основном в его лексическом значении, во многих случаях определяется также и лексическим значением и синтаксической функцией частей речи, с которыми слово сочетается в предложении. Одна и та же форма *rád*, лексическим значением которой является выражение состояния, должна быть по-разному определяема в зависимости от грамматического и лексического значения глаголов, с которыми она сочетается. В предложении *Já jsem rád* форма *rád* — именная часть составного сказуемого — лексически выражает состояние. В предложении же *Rád o tom vykládá* она, характеризуя состояние подлежащего во время действия, одновременно косвенно характеризует само действие, выраженное глаголом. Происходит постепенное переосмысление определения в обстоятельство.

Своеобразие синтаксической функции форм *rád, rádi* заключается в том, что они выступают в качестве определения к подлежащему и обстоятельства — к сказуемому. Указанному переосмыслению содейст-

⁶ См. В. В. Виноградов. Указ. статья, стр. 54.

⁵ Ин-т славяноведения, вып. 25

ует тот факт, что признак, выражаемый краткими формами имен прилагательных, осознается как временный, свойственный подлежащему только в тот отрезок времени, на который распространяется действие глагола. Переменный признак подлежащего, выражаемый формами *rád*, *rádi*, приобретает особую важность для характеристики действия. Например, в предложении *Ráda převracela vše na ruby* эта форма *ráda* характеризует состояние подлежащего только во время действия глагола *převracela*, поэтому она постепенно приобретает также значение 'охотно, с удовольствием' и осознается как обстоятельство к глаголу. Но факт подобного переосмысления сам по себе ничего не значит, если он не находит своего выражения в характере грамматических связей.

Обстоятельственное значение форм *rád*, *nerad* подтверждается возможностью их сочетаемости с другими наречиями на правах однородных членов.

Roman... pochopil ihned a rád (М. Majerová. *Výbor zdíla*. Москва, 1953, стр. 35). 'Роман... понял тотчас и охотно'.

Konečně řekl váhavě a nerad: «O to, Marie, se postarám» (К. Čapek. *Trpné povídky*. Прага, 1933, стр. 21). 'Наконец он сказал нерешительно и неохотно: «Об этом, Мария, я позабочусь»'.

Michal netančil ani rád, ani dobře (V. Řezáč. *Slepá ulička*, стр. 156). 'Михаль не танцевал ни охотно, ни хорошо' (дословно).

В подобных случаях связь форм *rád*, *nerad* с глаголом является не более тесной, чем связь с ним любого другого наречия.

Выступая в функции обстоятельства в составе сказуемого, эти формы могут сочетаться с наречиями. Например:

Ivo Karadžič přijímal tohle rozuzlení zcela rád (I. Olbracht. *Golet v údolí*, стр. 242). 'Иво Караджич принимал эту развязку очень охотно'.

Ale jednou s ní... velmi rádi pohovořili... (М. Majerová. *Siréna*, стр. 20). 'Но однажды они с ней ... очень охотно поговорили'.

... A svým souvěrcům milerád řekne, co mu je známo. (I. Olbracht. *Golet v údolí*, стр. 117). '... И своим единоверцам он очень охотно скажет все, что ему известно'.

A obdobně jsme poměrně rádi a s jistým uspokojením přijímali formulku o třídním charakteru jazyka (Творба, 1950, ч. 29, стр. 688). 'И подобно этому, мы относительно охотно и с определенным удовлетворением принимали формулу о классовом характере языка'.

Nikdo mě nikam netahal, lezla jsem do toho sama a jak ráda (V. Řezáč. *Slepá ulička*, стр. 360). 'Никто меня никуда не тянул, я сама в это лезла и как охотно'.

По приведенным примерам можно заметить, что, несмотря на то, что формы *rád*, *rádi* развивают наречное значение, грамматические категории рода, числа, одушевленности ими сохраняются.

Возможно, что со временем категории рода и числа будут ими так же утрачены, как это произошло в литовском языке, где именные прилагательные *rods*, *roda* 'рад, рада' первоначально различали категории рода и числа: *rods padarysiu* (дословно: 'рад сделаю'), *roda padarysiu* (дословно: 'рада сделаю').

Впоследствии эти различия утратились, и форма *rods* (им. п. ед. ч. м. р.) стала употребляться для всех родов единственного и множественного числа: *rods norim* дословно: 'рад хотим', т. е. 'мы бы рады'⁷.

⁷ См. А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, т. I—II, Харьков, 1889, стр. 122.

Ср. также в сербском языке: *Радо ћу гоћи* 'я с удовольствием (охотно) приду'. *Радо су га имали* 'с удовольствием его принимали, охотно принимали'. Здесь *радо*, будучи неизменяемой формой, выступает уже в качестве наречия.

Формы *rád, rádi* в чешском языке могут быть представлены с отрицанием⁸: *nerad, neradi* со значением 'неохотно, нехотя, без удовольствия'. В сочетании с глаголами несовершенного вида они имеют значение 'не любить что-нибудь делать, неохотно что-нибудь делать'.

Nerada se chlubila tím, čím se Martin vynášel (М. Majerová. *Siréna*, стр. 282). 'Она не любила хвалиться тем, чем Мартин кичился'.

Kdo se ptá, nerad dá. 'Кто берет, тот неохотно дает (не любит давать)'. (Народная чешская пословица).

... *Druhý ... rád hovořil, ale nerad myslil.* (М. Majerová. *Náměstí republiky*, стр. 164). ... 'второй ... любил говорить (охотно говорил), но не любил думать (неохотно думал)'.

Nerad mluvím nadarmo (М. Majerová. *Náměstí republiky*, стр. 89). 'Я не люблю говорить напрасно'.

Hanele na ni nerada vzpomíná. (I. Olbracht, *Golet v údolí*, стр. 167). ... 'Ганеле не любит о ней вспоминать (неохотно вспоминает)'.

... *Nerad je pouštěl do skladišť pro materiál.* (Rudé právo, 8. ledna 1950). '... Он не любил их пускать в склады материалов'.

Иногда то или иное понимание подсказывается контекстом:

Zástup, který na chvíli zažil radost moci ... se rozchází nerad (I. Olbracht. *Golet v údolí*, стр. 243). 'Толпа, которая на минутку почувствовала радость могущества, ... расходится неохотно'.

Odcházela odtud jen nerada a ještě zavírajíc dveře se ohlédla po mladém pánovi (I. Olbracht. *Anna proletářka*, стр. 40). 'Только уходила она отсюда неохотно и, закрывая двери, еще раз оглянулась на молодого господина'.

Tomu dovolili nejdříve zavřítí krám, ale šel zřejmě nerad (I. Olbracht. *Anna proletářka*, [стр. 76]. 'Ему позволили сначала закрыть лавку, но он пошел, очевидно, неохотно'.

В сочетании с формами глаголов совершенного вида обстоятельственное значение форм *rád, rádi* (*nerad, neradi*) выступает особенно ясно.

Stanislav rád pobýval u Urbanových (М. Pujmanová. *Lidé na křižovatec*. Praha, 1945, стр. 102). 'Станислав с удовольствием побывал у Урбановых'.

... *čtenář rád uvěří jeho novému zrození* (Rudé právo, 28. června 1953). '... читатель охотно поверит его новому рождению'.

Je přece advokát a rád poskytne právní pomoc (Rudé právo, 28. června 1953). 'Он ведь адвокат и охотно окажет юридическую помощь'.

... *Kolikrát já už tuhle otázku slyšel, ale rád ji znovu zodpovím* (V. Řezáč. *Nástup*. Praha, 1951, стр. 444). 'Сколько раз я уже слышал этот вопрос, но охотно снова на него отвечаю'.

Ale kde nestačí svými silami služebná a kočí, pomohou rádi jiní (Rudé právo, 28. června 1953). 'А где не справятся прислуга и кучер своими силами, охотно помогут другие'.

Věděla zajisté, že se jí doma rádi zbavili a chápala to ... (М. Majerová. *Siréna*, стр. 77). 'Она знала наверняка, что дома от нее охотно (с удовольствием) избавились, и понимала это ...'.

⁸ В этом случае долгота *a* не сохраняется.

Velmi rád se s vámi seznámím (I. Olbracht. *Golet v údolí*, стр. 231). 'Я с удовольствием с вами познакомлюсь'.

Velmi rád si s vámi pohovořím o věcech, které naznačujete. (I. Olbracht. *Golet v údolí*, стр. 235). 'Я очень охотно поговорю с вами о вещах, о которых вы упоминаете'.

Snad někdy tím plamenem shořím, ale shořím rád ... (I. Wolker. *Mladistvé práce prózou.* Praha, 1954, стр. 37). 'Я, вероятно, когда-нибудь сгорю от этого огня, но сгорю охотно'.

Vzdychla, pootevřela nerada oči zavřela je zas (M. Pujmanová. *Lidé na křižovatce*, стр. 16). 'Она вздохнула, неохотно полуоткрыла глаза, закрыла их снова'.

Chlapec nerad přišel (I. Olbracht. *Golet v údolí*, стр. 50). 'Мальчик пришел неохотно'.

Формы *rád, rádi* (*nerad, neradi*), сочетаясь с формами условного наклонения глаголов настоящего и прошедшего времени, выступают в качестве слов, придающих действию модальный оттенок желательности. Их лексическое значение как бы растворяется в лексическом значении глагола, который в результате приобретает оттенок желательности.

Já bych strašně ráda znala svou budoucnost (K. Čapek. *Věstkyně.* Praha, 1937, стр. 123). 'Я очень хотела бы знать свое будущее' (Дословно: 'я была бы страшно рада знать свое будущее').

Rád bych také viděl, že můj vynález k něčemu je (M. Majerová. *Siréna*, стр. 45). 'Я хотел бы также видеть, что мое изобретение кому-то полезно'.

—*Nejel bys rád do Uher?*

—*Proč bych jel rád do Uher, strýčku?* (J. Hašek. *Škola humoru*, Praha, 1947, стр. 84). —'Ты не хотел бы поехать в Венгрию?' —'Почему бы я хотел поехать в Венгрию, дядюшка?'

Pane Šafare, rád bych mluvil s Hanele (I. Olbracht. *Golet v údolí*, стр. 212). 'Г-н Шафар, я хотел бы говорить с Ганеле'.

Byl by rád sám mluvil na všech schůzích (M. Majerová. *Náměstí republiky*, стр. 13). 'Он сам хотел бы выступать на всех собраниях'.

Rád bych viděl v novinách blahopřání k mým jmeninám ... (I. Hašek. *Škola humoru*, стр. 94). 'Я хотел бы видеть в газетах поздравление к моим именинам ...'.

Rád byl bych svědkem toho, kdyby pan Arne Novák se ponořil až ke kořenům třeba jen tak malého keřičku, jako je Ruscus (K. Čapek. *Zahradníkův rok*, стр. 136). 'Я хотел бы быть свидетелем того, как г-н Арне Новак углубился в корни хотя бы только такого маленького кустика, каким является рускус'.

... *Já bych to nerad ztratil, víte?* (K. Čapek. *Ukradený spis*, Москва, 1952, стр. 202) '... знаете, я не хотел бы это потерять?'

Zkrátka: nerad bych ti něco nahlával (M. Majerová. *Náměstí republiky*, стр. 101). 'Короче: я не хотел бы тебе в чем-то лгать'.

Nech toho, Jardo, nerad bych to říkal (I. Olbracht. *Anna proletářka*, стр. 76). 'Оставь это, Ярда, я не хотел бы это говорить'.

В сочетании с глаголом *chtíti*, который своим лексическим значением выражает желательность, формы *rád, rádi* выступают в функции обстоятельства:

A já bych vám ráda chtěla Julia Fučika ... charakterisovat (G. Fučíková. Так vyrůstá hrdina. Výbor ze studií, Москва, 1951, стр. 17). 'И я бы очень хотела охарактеризовать вам Юлиуса Фучика' ...

Связь формы *ráda* со сказуемым в этом случае является не более тесной, чем связь с ним другого наречия, которое могло бы быть на

ее месте: *já bych vám velmi chtěla charakterisovat*. Таким образом, мы убеждаемся, что синтаксическая функция форм *rád, rádi* не может быть всегда сведена к функции именной части сказуемого, как это утверждает акад. Фр. Травничек. Фр. Травничек отмечает, что после *rád* и *nerad* очень часто опускаются глаголы *jísti* ('есть') и *píti* ('пить')⁹. Например: *Já rád maso [jím]* 'Я охотно [ем] мясо'; *On nerad pivo [pije]* 'Он не любит пиво [пить]' ('неохотно пьет пиво').

Такие случаи, по-видимому, характерны только для разговорной речи. Примеры свидетельствуют об этом.

... *U Čadila vezmete krabici humrů, mladý pán je rád* (I. Olbracht. *Anna proletářka*, стр. 33). '... У Чадила возьмете коробочку омаров, молодой барин их любит', т. е. 'любит есть, охотно ест' (дословно: 'их рад [есть]').

Dověděla se od naší matky, že je rád, a tak to zkoušela, až na kamna vyzrála (M. Majerová. *Havířská balada*, Praha, 1955, стр. 27). 'Она узнала от нашей матери, что он любит их есть (дословно: 'что он их рад [есть]), и так все пробовала их испечь, до тех пор пока не сложила печку'.

Mamo, nandej těm mlalencům št'ouchaných brambor se špekem! Co byste rádi, chlapi? (M. Majerová. *Havířská balada*, стр. 22). 'Мама, наложи этим молодцам картошки со шпигом. Что бы вы хотели [съесть], хлопцы?'

Фр. Травничек отмечает также, что после глаголов воли, возможности и после *rád* мы иногда опускаем инфинитив наших глаголов. Например: 1) *chci domů* 'я хочу домой'; 2) *musím do města* 'я должен в город'; 3) *rád bych domů, ale nemohu* 'я бы рад домой, да не могу'. Но здесь следует сделать небольшое уточнение: так как формы *rád, rádi* с инфинитивом никогда не сочетаются, то здесь можно говорить об опущении после них не инфинитива, а личных форм глагола.

... — *Chceš se tu usadit? — Ach, ano! Rád bych!* — *zvolal Veršinin* ... (M. Majerová. *Náměští republiky*, стр. 2). 'Ты хочешь здесь поселиться? — Ах, да! Я бы рад! — воскликнул Вершинин'.

— *Půjdete s námi? — otázal se Bagár. — Nerad bych, — řekl Tietze* (V. Řezáč. *Nastup*, стр. 50). 'Вы пойдете с нами? — спросил Багар. Я не хотел бы, — сказал Титце'. Ср. в русском языке аналогичное: *rad by v ráj, da zpechi ne nyskajut*, где *rad by* также = 'хотел бы [попасть]'. Однако и в последнем случае *rád bych, nerad bych* употребляется в синтаксической функции сказуемого, даже целого предложения.

Выше мы говорили о том, что формы *rád, rádi* наглядно демонстрируют переход от определения в группе подлежащего к обстоятельству в группе сказуемого. В самом деле, формы *rád, rádi* в приводимых примерах при одушевленном подлежащем, которое они определяли в момент действия, характеризовали действие косвенно.

При наличии же подлежащего, выраженного неодушевленным именем, они не могут восприниматься как определения подлежащего и осознаются нами как обстоятельства, непосредственно характеризующие само действие.

... *Možná, že je tam ještě živý, tam se výbuch rád zarazí!* (M. Majerová. *Havířská balada*, стр. 89). '... Может быть, что он там еще живой, там взрыв охотно прекращается'.

... *Řeka teče ráda a vši silou do moře.* (M. Majerová. *Havířská balada*, стр. 124). '... Река течет охотно и изо всех сил в море'.

⁹ Фр. Травничек. *Neslovesné věty v češtině, díl II*. Brno, 1931, стр. 83.

...*Slunce... dá rádo duhově zalesknout se i křídům mušky tanečnice* (Jos. Čapek. *Lelio a pro delfína*, Praha, 1929, стр. 97). '...Солнце... охотно позволяет радужно блестеть и крыльям мушки-танцовщицы'.

Следует отметить, что употребление форм *rád...rádi...* при неодушевленном подлежащем характерно не только для разговорной, но и для авторской речи: *Jen pomalu a nerada se v něm rozehrávala nedůvěra* (М. Мајеровá. *Навірská balada*, стр. 64). 'Очень медленно и неохотно в нем пробуждалось недоверие'¹⁰.

В научном стиле речи: *Víme však, že po deiktických interjekcích bývá ráda v jazyce starém věta nominální, nikoli slovesná.* (Fr. Trávníček. *Neslovesné věty v češtině*, II, Brno, 1931, стр. 85). 'Однако мы знаем, что в старом языке после деиктических междометий охотно употребляется предложение именное, а не глагольное'.

Za podmínek, připomínaných sub 1, 2 a 3 se ráda vynechávají některá slovesa (Fr. Trávníček. *Neslovesné věty v češtině*, II, стр. 82). 'При условиях, перечисленных под 1, 2 и 3, охотно пропускаются некоторые глаголы'.

В плане переосмысления формы *rád* 'рад' в обстоятельство 'охотно, с удовольствием' особенно интересна возможность их употребления при отсутствующем субъекте действия, что имеет место в страдательных конструкциях: *...každá čepice s prýmkou je ráda nošena* (Jos. Čapek. *Kulhavý routník*. Praha, 1937, стр. 70). '...каждая фуражка с галунами охотно носится' (дословно: 'есть охотно носима'). В данном предложении в качестве подлежащего выступает предмет, на который действие распространяется. Казалось бы, что форма *ráda* характеризует существительное *čepice*, с которым она согласована в роде и числе. Однако это не так. Форма *ráda* относится к группе сказуемого, определяя действие с точки зрения сопровождающих его обстоятельств, и никакого отношения к подлежащему не имеет. И дело здесь даже не в том, что подлежащим является имя существительное неодушевленное, а в том, что оно не является субъектом действия, как это было в выражениях *výbuch rád zarazí, řeka teče ráda, věta bývá ráda* и т. п., где существует потенциальная возможность условного, метафорического восприятия форм *rád, ráda*. При отсутствии соотносительности с субъектом действия форма *ráda* утрачивает возможность ее атрибутивного понимания: *čepice je ráda nošena* 'фуражка охотно носима (кем-то)', 'кто-то ее охотно (рад) носит' (а не фуражка рада, что носима кем-то).

Об утрате атрибутивности свидетельствует также (как это ни парадоксально на первый взгляд) то, что форма *ráda* согласуется грамматически с подлежащим, но согласование в данном случае выражает несуществующую смысловую связь между подлежащим и обстоятельством. Грамматические категории рода и числа, как формальные признаки согласования, утрачивают свое значение. Формально-грамматически слова *čepice* и *ráda* согласованы, хотя логически они вовсе не связаны.

Аналогичная картина наблюдается и при подлежащем одушевленном: *Sám byl nyní přece mistrem a v kanceláři rád viděn* (М. Мајеровá. *Sířna*, стр. 23). 'Но теперь он сам был мастером, и в канцелярии его охотно видели' (дословно: 'был охотно выдаем'), т. е. 'кто-то, все были рады его видеть в канцелярии'.

¹⁰ В последних примерах дан дословный перевод с целью показать особенности употребления формы *rád*.

Перевод предложения в план страдательной конструкции неизбежно сопровождается переосмыслением форм *rád, rádi* (*nerad, neradi*) в обстоятельстве: *Otec rád vzpomíná* 'Отец любит вспоминать' ('рад вспоминать, охотно вспоминает'). Обстоятельство к сказуемому дается через характеристику подлежащего. *Otec je rád vzpomínán* 'Отца охотно вспоминают' ('отец охотно вспоминаем'). Обстоятельство к сказуемому дано формой *rád*, входящей в состав группы сказуемого. Возможность атрибутивного понимания этой формы исключена.

Обстоятельственная функция форм *rád, radi* особенно ярко выступает в безличных предложениях при отсутствии какого бы то ни было подлежащего: *Od velkého majetku se nerado utíká* (V. Řezáč. *Nástup*, стр. 48). 'От большого имущества неохотно убегают'.

Proto i o duši se tak nerado uvažuje (Jos. Čapek. *Kulhavý rounník*, стр. 93). 'Поэтому и душу так неохотно принимают во внимание'.

Praší se z toho a rádo se poroučí na hlavu (M. Pujmanová. *Život proti smrti*. Praha, 1955, стр. 45). 'Оттуда летит пыль и обильно оседает на голову'. [Дословно: 'Из этого пылит и охотно оседает на голову'].

Совсем иное имеем в тех редких случаях, когда формы *rád, nerad* выступают в сочетании с прилагательным в группе определения: *...tramvaják... se pomalounku natáhl jako člověk nerad vyrušený* (I. Drda. *Povídky*. Москва, 1950, стр. 52) — '...трамвайщик... медленно потянулся как человек, который не рад, что его потревожили' (дословно: [который] не рад, [что] потревожен[ный]). Здесь, как мы видим, *nerad* вместе с прилагательным определяет подлежащее.

Таким образом, на основании выше рассмотренных примеров мы приходим к выводу о том, что формы *rád, nerad* могут определяться по-разному в зависимости от различных условий их синтаксического употребления.

В сочетании с глаголом *míti* (иметь) формы *rád, rádi* образуют единую фразеологическую единицу со значением 'любить': *To ona, Mária Nalépková... učila ho milovat rodný kraj, mít rád lidi* (Rudé právo, 31. srpna 1954). 'Это она, Мария Налепкова... учила его любить родной край, любить людей'.

«*A kdybych ho byl zabil*», říkal pomalu, «*byla bys mě přestala mít ráda?*» (I. Olbracht. *Anna proletářka*, стр. 199). 'А если бы я его тогда убил, — говорил он медленно, — ты перестала бы меня любить?'

Возможно, что когда-то глагол *míti* в составе этого сочетания выступал в своем основном значении, но для современного чешского языка сочетание *míti rád* является единой лексической единицей, равной по значению глаголу и имеющей все его свойства и грамматические категории.

Mám ráda lidi a jsem hrda na to, že hodní lidé mají rádi mne. (I. Olbracht. *Anna proletářka*, стр. 15). 'Я люблю людей и горжусь тем, что порядочные люди любят меня'.

Co na světě mám rád, nedám si brát (Sb. *K padesátinám našeho s-ha Klementa Gottwalda*, Praha, 1946, стр. 119). 'Что я в мире люблю, не позволю у себя отнять'.

Jistě, mají rádi Nikolu, či lépe řečeno, mívali ho velice rádi (I. Olbracht. *Nikola Šuhaj*, Praha, 1953, стр. 166). 'Наверняка, они любят Николу или, лучше сказать, очень его любили'.

Mu se máme pořád rádi a proč? (M. Majerová. *Siréna*, стр. 83). 'Мы все любим друг друга, а почему?'

Měl ji rád, říkával jí — Aničko, Haničko (Т. Svatopluk. Botostroj, стр. 18). 'Он любил ее, называл ее Аничкой, Ганночкой'.

Měli se moc rádi... (М. Pujmanová, Předtucha, Praha, 1945, стр. 114) 'Они очень любили друг друга'.

Формы *rád, rádi* могут употребляться с отрицанием: *Proč měl Jura Eržiku tak nerad?* (I. Olbracht. Nikola Šuhaj, стр. 127). 'Почему Юра так не любил Эржику?'

Мы видим, что лексикализованная фразеологическая единица *míti rád* может иметь прямое дополнение. Кроме того, между *míti* и *rád* могут находиться наречие, вспомогательный глагол, отдельное выражение.

Měla ho přese všecko ráda (М. Majerová. Siréna, стр. 27). 'Любила его несмотря ни на что'.

Vím jen jedno jistě, že tě mám strašně rád (М. Majerová. Námeští republiky, стр. 100). 'Одно только я знаю наверняка, что я страшно тебя люблю'.

Městský člověk nemá zrovna rád řepné kraje (К. Čapek. Zahradníkův rok, стр. 131). 'Городской человек как раз не любит края, где сеют репу'.

От *míti rád* может быть образована сравнительная и превосходная степень: *mám raději, mám nejraději*.

Maminka mi to ostatně také říká. A tu mám ještě raději než vás (I. Olbracht. Golet v údolí, стр. 180). 'Впрочем, мне матушка так же говорит. А ее я люблю больше, чем вас'.

A že nás má milý Pán Bůh raději než ostatní lidi, už také nevěříme (I. Olbracht. Golet v údolí, стр. 186). 'И в то, что милый Господь Бог любит нас больше, чем остальных людей, мы уже также не верим'.

В народно-разговорной речи сравнительная степень от *rád, rádi* часто образуется с помощью суффикса сравнительной степени прилагательных *-ši*: *Žárčila na klukovskou nadutou holku, kterou má paní Gamzová jěn proto radši, že je to náhodou její dcera* (М. Pujmanová, Lidé na křižovatce, стр. 100). 'Она ревновала к мальчишески надменной девочке, которую госпожа Гамза только потому больше любит, что та случайно является ее дочерью'.

Интересно отметить, что Франтишек Отакар Микеш еще в 1867 г. в «Чешской грамматике» относил формы *rád, rádi* к категории наречий. Он приводит для *rád* несколько форм сравнительной степени: *raději, radší, radše, radš* и отмечает, что *radší* — определенная форма имени прилагательного, которая употребляется вместо формы сравнительной степени наречия по аналогии со случаями: *celý jsem promokl* (дословно: 'я целый промок') вместо *cele jsem promokl* (дословно: 'я целиком промок'), где вообще наречие заменяется прилагательным.

В сочетании *míti rád* синтаксическая связь между обеими составными частями очень тесная. Однако и в составе единого лексикализованного фразеологического сочетания формы *rád, rádi* сохраняют грамматические категории рода, числа. Только в безличном предложении всегда представлена форма ср. р. *rádo*: *...pan Václav a moje Marinka — má se to rádo!* (J. Neruda, Výbor z díla. Москва, 1953, стр. 182) '...пан Вацлав и моя Маринка — вот им любится!'

Рассмотрев употребление форм *rád, rádi* в современном чешском языке, мы приходим к следующим основным выводам:

1. Формы *rád, rádi* занимают особое положение среди частей речи как в плане лексико-грамматическом, так и в плане синтаксическом.

Rád, rádi, являясь именными прилагательными по происхождению, в процессе своего дальнейшего развития обнаруживают различные тенденции. Выступая в предикативной функции в сочетании с глаголом *býti*, они лексически выражают состояние. Сочетаясь с глаголами, имеющими самостоятельное лексическое значение, формы эти приобретают в составе сказуемого обстоятельственные функции, развивая новое лексическое значение: 'охотно, с удовольствием', превращаясь в наречия.

Кроме того, формы *rád, rádi* могут входить в состав глагольных образований, лексикализуя их: *Mám rád* 'я люблю'; *Já bych ráda znala* 'я хотела бы знать'.

С точки зрения грамматической формы они также отличаются своеобразием: грамматические категории рода, числа, одушевленности связывают их с именем прилагательным, тогда как образование степеней сравнения связывает эти формы с наречием.

2. Судьба этих форм наглядно демонстрирует сложный и во многом противоречивый процесс развития частей речи.

Пути перехода одной части речи в другую могут быть разнообразными, первым шагом на этом пути является изменение синтаксических связей.

3. Различное синтаксическое употребление форм *rád, rádi* определяется различиями вещественного значения глаголов, с которыми они сочетаются, а также различием синтаксической функции частей речи, с которыми они сочетаются (*čepice je ráda nošena*). Новая синтаксическая функция этих форм ведет к их формальному обособлению из категории прилагательного, к развитию новых значений.

4. Изучение употребления форм *rád, rádi* позволяет проследить процесс развития и пополнения категории наречия.

Но так как процесс развития и совершенствования языка постоянен, то в каждый данный момент неизбежно наличие в нем переходных форм. Такими и являются формы *rád, rádi*¹¹.

¹¹ Когда работа была уже сдава в печать, автор смог ознакомиться со статьей словацкого языковеда Любомира Дюровича «Miesto slova *rad* v gramatickej stavbe spisovnej slovenčiny» («Jazykovedne štúdie», I, Bratislava, 1956). Л. Дюрович, рассматривая функционирование формы *rád, rádi* в словацком языке, приходит к аналогичным выводам.

В. Н. Топоров

ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

(славяно-италийские параллели)

1. Слав. *kleveta*.

Это слово представлено в ряде славянских языков (ст.-сл. *клеветѣга*, болг. *клеветѣ*, серб. *клевета*, словен. *kleveta*, чешск. *kleveta*, слвц. *klebeta*, укр. *клеветѣ*, русск. *клеветѣ*), но, будучи несомненно праславянским наследием, оно не является общеславянским достоянием. Заслуживает особого внимания географический ареал этого слова: Болгария, Чехия, Словакия, Россия. Большая часть западных славянских территорий не знает этого слова. Во всяком случае, оно не отмечено в кашубских говорах, в польском языке (ни в старых памятниках, ни в говорах, ни в современном литературном языке), в сербо-лужицких языках, в дошедших до нас материалах полабского языка. В сербохорватском языке указанное слово в известной степени изолировано; оно обладает очень небольшим количеством дериватов и производит впечатление искусственности, книжности; понятно, что оно далеко не всегда отмечается словарями (обычно вместо него употребляют *пѣтворѣ*)¹.

Есть некоторые основания думать, что в современном сербохорватском языке слово *клевета* является неологизмом. То же самое, кажется, можно сказать об этом слове в словенском языке² и, может быть, в украинском, где, как правило, в значении 'клевета' употребляются *наклеп*, *обмѣва*³. Показательно отсутствие слова *клевета* в белорусском языке (вместо него *наклѣн*).

По-видимому, особенности географического распространения слав. *kleveta* можно объяснить двояко: или исчезновением этого слова в целом ряде языков (прежде всего на западной окраине славянского

¹ В старых сербских текстах (но не в церковнославянских сербского извода!) засвидетельствованы лишь единичные случаи употребления слова *клевета*, также носящие случайный характер. Весьма показательны в этом отношении примеры из Грамоты Стефана 1453 г.: «к тому тко би се годѣ нашао меѣу реченомъ господомъ *панкаваць* а или *клеветникъ*, да му не може ни хоѣе *панка* ни *клевета* приѣта бити, паче тко би се годѣ нашао такови чловѣкъ *панкаваць* а или *клеветникъ*» («Monumenta Serbica spectantia historiam Serbiae, Bosnae, Ragusii»). Беч, 1858, стр. 458). В этой же грамоте есть и другие примеры подобного рода.

² В Фрейзингенских отрывках встречается: «Ese trebu tuorim bratra *Oclevetam*» (II, 20—21) — «еже трѣбу творим, брата *оклеветам*».

³ В старых украинских текстах встречается еще *намолава*. Ср. «чересь *намолаву* моихъ неприятели» (Грамота 1435 г. См. В. Розов. Українські грамоти, I, Київ, 1928, стр. 132).

мира), или распространением из одной области и заимствованием этого слова некоторыми славянскими языками (в этом случае следует обратить внимание на круг языков, в которых представлено это слово)⁴. Но как бы ни решать этот вопрос, — а его решение в настоящее время довольно затруднительно, — ясно, что слав. *kleveta* представляет собой глубокий архаизм. Корень этого слова не имеет никаких связей, если не считать дериватов от *kleveta* и отдельных случаев народной этимологии (ср. *kleveta* — *klevatъ*). Поэтому, естественно, что этимология этого слова до сих пор остается неясной; между прочим, это объясняется и тем, что ее решение обычно искали только на славянской почве: одни пытались связать *kleveta* с *klevatъ*⁵, другие — с *klevatъ*⁶ (столь же неудачной попыткой было сопоставление слова *kleveta* с греч. χλεύη 'насмешка', основанное на предположении, что первый согласный этих слов восходит к и.-е. *kh*)⁷. Понятно, что обе основные этимологии малоудовлетворительны, поскольку первая пренебрегает формальной стороной, а вторая — семантической. Поэтому не случайно, что некоторые ученые остерегаются высказываться в под-

⁴ При таком направлении в решении проблемы в качестве «эпигентра», кажется, пришлось бы признать болгаро-македонскую языковую область. Именно здесь это слово и его производные встречаются уже в XI в.: и рече къ нима никокоже обидити. нн окаявѣтити. Зогр. Лук. III, 14; клявѣты. Асс. Pl. Супрасльская рукопись, стр. 481₂₄ (по изданию С. Северьянова, СПб., 1904), клявѣтѣши (там же, стр. 394₆). Если предположение о болгарском происхождении слова *kleveta* верно, то легко объясняются случаи употребления этого слова и его производных в Изборнике Святослава 1076 г., Пандектах Антиоха, Хронике Георгия Амартола (мнение В. М. Истрина о непосредственном переводе с греческого языка в данном случае не имеет значения), Ефремовской Кормчей, а также в некоторых церковнославянских текстах сербского извода. Коллекции примеров из указанных памятников содержатся в ряде словарей. См. А. Х. Востоков. Материалы для словаря и грамматики, Известия АН по отделению русского языка и словесности, т. VI, вып. 4. СПб., 1857, стр. 340—341; *Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinum*. Wien, 1862—1865, стр. 288; И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. I. СПб., 1893, стр. 1215—1216. Но есть и более очевидные свидетельства экспансии этого слова из болгарской языковой области: ср. русск. *клевету* (вместо **клевету*) и т. д., др.-русск. *клеветание* (ср. чешск. *klevětání*, отмеченное в XIV в. в «Мастичкаре»). Церковнославянское происхождение *клевета*, *клеветать* в русском языке предполагал А. Преображенский («Этимологический словарь русского языка», вып. 5, М., 1912, стр. 312) и некоторые другие лингвисты. Любопытно, что в древнерусских памятниках деловой письменности в значении 'клевета', 'клеветать' употребляются ставшие юридическими терминами 'поклеп' (например, в Псковской Судной Грамоте), 'клепату' (в Русской Правде).

Из болгарской языковой области слово *kleveta* проникло и в румынский язык (ср. *clevețire*, а *cleveți* наряду с *calomnie*, а *calomnia*).

⁵ См. F. Miklosich. *Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen*, Wien, 1886, стр. 118 (иначе в «Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen», t. II. Wien, 1875, стр. 162: с **klijü-*); V. Machek. «Listy filologické», т. 69, стр. 248 и след.

⁶ См. Р. Брандт. Дополнительные замечания к разбору Этимологического словаря Миклошича. РФВ, 1889, т. 22, стр. 137; Н. Pedersen. *Neues und Nachrichtenliches. KZ*, Bd. 40, стр. 175, 1907; E. Bernker. *Slavisches etymologisches Wörterbuch*. Heidelberg, 1924, стр. 526; С. Младенов. *Этимологически и правописен речник на българския книжовен език*. София, 1941, стр. 240; В. Mahling-Richter. *Studien zum russischen Verbum*. ZfslPh, Bd. 24, стр. 63, 1955; О. Трубачев. *Славянские этимологии 5—7*. «Вопросы славянского языкознания», 1957, № 2, стр. 37—38.

⁷ См. Ign. Kozlovskij. *Zur Geschichte des slavischen Konsonantismus*. AfslPh, Bd. 11, 1888, стр. 389 и гораздо менее уверенно: С. С. Uhlenbeck. *Die Vertretung der Tenues aspiratae im Slavischen*. IF, Bd. 17, стр. 95, 1904. Ср. также J. B. Hofmann. *Etymologisches Wörterbuch der griechischen Sprache*. München, 1950, стр. 419.

держку этих этимологий, предпочитая простое их изложение⁸ или поиски нового решения⁹.

По нашему мнению, разгадку этимологии слав. *kleveta* нужно искать не на славянской почве, а значительно глубже. Наиболее привлекательную параллель к указанному славянскому слову находим в латинском *calumnia*, обладающем тем же значением. Еще А. Эрну и А. Мейе высказали предположение (правда, с большой неуверенностью), что лат. *calvor* 'обманываю, изворачиваюсь' и производное от него слово *calumnia* содержат и.-е. корень **kel-*, распространенный расширителем корня -*u-*¹⁰. Поскольку французские лингвисты исходили из сравнения латинского слова с греч. κλέω 'очаровываю, пленяю' и гот. *holon* 'схващаю'¹¹, их предположение, действительно, не могло претендовать на то, чтобы быть вполне убедительным. Сопоставление же со слав. *kleveta* и тохарским АВ *klāw*- 'объявлять, называть' делает несравненно более доказательным мнение о расширительном характере -*u-* и объединяет латинское слово с тохарским и славянским в отношении, предусмотренном Бенвенистовскими основами I и II — **kel-u-*: **kl-ey-*. Возможно (впрочем, на этом трудно настаивать из-за недостатка данных), те же отношения представлены в пределах только тохарских диалектов: ср., с одной стороны, АВ *kāl(n)-*, В. *kal(n)-* 'звучать' (отсюда А *klano* 'звучающий, звучный') и, может быть, В *çiln(ant)* 'спор, ссора'¹², восходящие, видимо, к **kel(-n-)*, и, с другой стороны, указанный глагол *klāw*¹³, предполагающий в конечном итоге **kl-ey-*.

Однако сходство, которое можно установить между слав. *kleveta* и лат. *calumnia*, *calvor* на основании открытия Бенвениста, этим не ограничивается; сопоставление этих слов поражает общностью принципов их образования. И славянские и латинские слова содержат общий элемент -*u-*, присоединенный к корню. Значение этого -*u-* едва ли можно определить на основании только славянского или только латинского материалов. Однако все-таки есть некоторые основания, чтобы, пусть в самом приблизительном виде, определить специфику этого расширителя корня. Для этого нужно обратить внимание на то, что лат. *calumnia* по своему происхождению является существительным с абстрактным значением, образованным от медиального причастия настоящего времени от депонентного глагола *calvor* и, следовательно,

⁸ Так поступили А. Преображенский (Указ. слов., вып. 5, стр. 312) и М. Фасмер (Russisches etymologisches Wörterbuch, t. I. Heidelberg, 1953, стр. 566). В рукописном этимологическом словаре славянских языков Г. Ильинского, хранящемся в библиотеке Института языкознания АН СССР, слово *kleveta* пропущено.

⁹ См. J. Holub, F. Korečný. Etymologický slovník jazyka českého. Praha, 1952, стр. 170, где авторы, признавая неясность этимологии, тем не менее высказывают мысль о том, что в чешском *kleveta* можно видеть экспрессивный вариант к *klepati* или к *klābositi*. Интересно напомнить, что вторую из указанных здесь возможностей предвидел Н. Горяев (Сравнительный этимологический словарь русского языка. Тифлис, 1896, стр. 142), привлечший также к сравнению лит. *kalbà*, *kalbėti*, литш. *kaľuõti* ввиду чешск. *klebeta*, *klobeštra*.

¹⁰ A. Ernout - A. Meillet. Dictionnaire étymologique de la langue latine. Paris, 1951, стр. 158 (изд. 3).

¹¹ См. Лука III, 14 и XIX, 8 (*af-holon* 'схващаю').

¹² См. S. Lévi. Kuchean Fragments of Prätimoksa, Prāyaścittika and Pratideçanīya (в книге R. Hoernle. Manuscript Remains of Buddhist Literature, found in Eastern Turkestan, I. Oxford, 1916, а4, стр. 383).

¹³ Ср. др.-инд. *kalāvika* 'нежно звучащий'. См. A. J. van Winkens. Lexique étymologique des dialectes tokhariens. Louvain, 1941, стр. 39.

некогда было представлено в виде **calvōmniā*¹⁴. Как и глагол *calvor*, это образование является весьма редким и архаичным в латинском языке: оно засвидетельствовано лишь несколькими остатками (*alumnus*, *columna*, *fēmina* и др.). В высшей степени показательно, что тохарский АВ глагол *klāw-* выступает обычно тоже в медио-пассиве (*klyowotra*; в тох. А есть и активная форма *klawa(š)*); такое же явление наблюдается и в ряде других тохарских глаголов с элементом *-w-* (ср. *aiw-*, *pāk-*, *wlāw-*, *spāw-*, *isār-* и др.)¹⁵. Едва ли это совпадение случайно. Нам кажется, что объяснение следует искать в том, что латинский перфект на *-vi*¹⁶ формально связан с древнеиндийским и греческим медиальным залогом и с хеттским спряжением на *-hi*¹⁷: ср. I Sg. *-(v)i* < *-ei* < *u.-e.-hai* (при хет. *-hi*), 2 Sg. *-(vis)ti* < *u.-e.-thai* (при хет. *-ti*), 3 Sg. *-(v)i(t)* < *u.-e.-ai* (при хет. *-i*). Следовательно, тохарские глаголы с элементом *-w-* и медиальными окончаниями находят довольно точную параллель в латинском перфекте с показателем *-v-* и некогда медиальный флексией (указанное сходство, кажется, более древне, чем то, о котором пишет В. Краузе, также отмечающий совпадение между латинским и тохарским в случаях типа лат. *posui* — тох. В *nekwa*; см. его статью «Zur Entstehung des lateinischen *ui-* und *vi-*Perfekts». *Corolla linguistica. Festschrift F. Sommer. 1955*, стр. 137—144).

Эти наблюдения подтверждают основные выводы, сделанные Вакернагелем, Мейе, Рену, Шантреном, Куриловичем, Стангом, Клэфлин и другими в работах, посвященных анализу перфекта в индоевропейских языках. Теперь ясно, что индоевропейский перфект, а также латинский по существу представляли собой *medium tantum*¹⁸. Поэтому можно предположить, что латинский и тохарский показатели *-u-* в указанных выше случаях по своему значению не противоречили значению медиальной или непереходности (вероятно, это последнее точнее) и, следовательно, согласовывались с тем, что известно о семантике индоевропейского перфекта¹⁹.

Возникает вопрос: можно ли в славянских языках и конкретно в праслав. слове *kleveta* обнаружить какое-либо значение у элемента *-u-*? Пока были сделаны две попытки, но ни одна из них не касалась

¹⁴ Ср. F. Solmsen. *Vermischte Beiträge zur griechischen Etymologie und Grammatik. KZ*, Bd. 34, 1896, стр. 547 (существительное образовано по образцу *facētus — facētia*); A. Walde. *Lateinisches etymologisches Wörterbuch*. Heidelberg, 1910, стр. 116, изд. 2; M. Leumann und J. B. Hofmann. *Lateinische Grammatik. Laut- und Formenlehre, Syntax und Stilistik*. München, 1928, стр. 222 (Изд. 5 грамматики Штольца и Шмальца); R. G. Kent. *The forms of Latin. A descriptive and historical morphology*. Baltimore, 1946, стр. 135 и др.

¹⁵ Следует отметить, что значительная часть глаголов с *-w-* относится к тох. В IV классе, состоящему почти исключительно из медиальных глаголов; в несколько меньшей степени то же относится к тох. А III классу (=тох. В IV), который, однако, содержит и некоторые активные формы. См. W. Krause. *West-tocharische Grammatik*. Heidelberg, 1952, 68; E. Sieg, W. Siegling, W. Schulze. *Tocharische Grammatik*. Göttingen, 1931, стр. 352—353.

¹⁶ Перфект на *-ui* (в основах, кончающихся согласным), видимо, более позднего происхождения, поскольку в латинском языке первоначально перфект образовывался с помощью элемента *-u-*, вероятно, только от основ с гласным в исходе.

¹⁷ В. Rozenkranz. *Die hethitische hi-Konjugation*. «Jahrbuch für kleinasiatische Forschung», t. XI, 1953, стр. 339—349.

¹⁸ Лишь в этом случае находят свое объяснение формы 3 Pl. перфекта на *-r* в латинском и в древнеиндийском.

¹⁹ Иной точки зрения придерживается П. Кречмер в «Objektive Konjugation im Indogermanischen» (Wien, 1947).

слова *kleveta*. К. Мейер²⁰ старался доказать, что латинский перфект на *-vi-* имеет ближайшее соответствие в славянских глаголах на *-vati*. Если бы такое сопоставление было достаточно обосновано и доказано, то, несомненно, можно было бы извлечь кое-какие данные и о значении элемента *-u-*. Однако сравнение, предложенное немецким ученым, не представляется нам вполне убедительным, и поэтому было бы опрометчиво делать какие-либо заключения о показателе *-u-* на основании гипотезы Мейера²¹.

Возможно, правильное было бы искать славянское соответствие латинскому перфектному *-u-* в причастиях перфекта типа *znavъ, molivъ*. Между прочим, это вовсе не значит, что нужно согласиться с мнением, отчетливее других выраженным Г. Курциусом²² и В. Шульце²³, согласно которому латинский перфект на *-vi* представляет собой сложное слово с перфектным причастием в качестве первого члена. Естественно, что при сопоставлении указанных славянских и латинских форм может идти речь о сходстве элемента *-u-* лишь в самом общем плане, причем, разумеется, это сравнение никак не исключает возможных связей латинского перфекта на *-vi* с др.-инд. случаями типа *dadau, jajñau* или с итальянскими *f*-перфектом и некоторыми другими типами (см. Е. Р. Намр. *Italic perfects in -xw- and -u-* and J. E. Аw. «Word», vol. 11, 1955, стр. 399—403) связей, признаваемых целым рядом лингвистов — от Фика до Кречмера. При таком широком взгляде на тождество элемента *-u-* оказываются малоубедительными обычные возражения по поводу сравнения *-u-* в латинском перфекте с *-u-* в перфектных причастиях. Тем не менее осторожнее было бы, не уточняя вопроса о значении *-u-* в *kleveta*, ограничиться самым общим указанием на то, что славянский расширитель *-u-* в известную эпоху мог входить в состав суффикса перфективного причастия. Возможно, что отношение *-u-* в *calvor* к *-u-* в перфекте было таким, как отношение *-u-* в *kleveta* к *-u-* в *znavъ* и т. д.

Однако сходство славянского слова с лат. *calumnia* не исчерпывается общностью корня и детерминатива. Оно распространяется и на суффиксальную часть, но здесь уже можно говорить лишь об известном сходстве в принципе образования: лат. *calumnia* содержит суффикс медиального причастия в соединении с суффиксом, образующим существительное с абстрактным значением; слав. *kleveta* заставляет вспомнить образования типа греч. εὑρετός, μενετός, κλειτός (< *κλεφετος), др.-инд. *pacatā*²⁴ и т. д., расширенные обычным в славянских языках суф-

²⁰ См. К. Н. Meyer. Das lateinische Perfektum auf *-vi* und *-ui* und die slavischen Verba auf *-vati*. IF, Bd. 61, 1952, стр. 29—39 (статья напечатана посмертно); ср. также более ранние работы того же автора: «Perfektive, imperfektive und perfektische Aktionsart im Lateinischen». — «Berichte der sächsischen Akademie der Wissenschaften. Phil.-hist. Klasse», Bd. 64, Hf. 6. Leipzig, 1917 и «Festschrift Streitberg», 1924, стр. 663.

²¹ Между прочим, происхождение славянских глаголов на *-vati*, кажется, лучше искать в конечном счете в тематизации старых глаголов на *-ū*: *plyti* — *plavati*, *byti* — *byvati*, *kyti* — *kyvati* и т. д.

²² См. G. Curtius. «Berichte der königlichen sächsischen Gesellschaft der Wissenschaften. Phil. — hist. Klasse», 1885, стр. 421—439.

²³ См. W. Schulze. Das lateinische *v*-Perfektum. KZ, Bd. 28, 1887, стр. 266—274.

²⁴ Такие образования были, видимо, известны и литовскому языку. См. P. Skardžius. Lietuvių kalbos žodžių daryba. Vilnius, 1943, стр. 338—341 (особенно стр. 339—340). Отсутствие глагольных прилагательных на *-to/-no-* в хетском и тохарском и несколько различная их функция в других индоевропейских языках были объяснены в статье М. Грошеля. A propos des adjectifs verbaux en

фиксом для образования существительных с абстрактным значением $-ā^{25}$. Если только что сказанное верно, то, пожалуй, находит свое объяснение несколько необычный для славянских языков суффикс $-et^{26}$. Весьма характерно, что *kleveta* — единственное слово среди других слов на $-eta/-ota$, в котором корень всегда сочетается с суффиксом $-eta$ и без него вообще не употребляется.

В заключение следует указать на то, что в словацком языке и в ряде чешских и моравских говоров отмечены случаи с $-b-$ вместо этимологического $-v-$: *klebeta*, *klebetati*, *klebetiti* ($-it'$) и др.²⁷ Объяснение этого $-b-$ не всегда ясно, но все-таки приходится думать, что оно позднего происхождения²⁸. В ряде случаев речь идет, видимо, о фонетическом переходе $-v- > -b-$. Но большая часть примеров из мест, где такого перехода нет или он встречается лишь в экспрессивно окрашенных словах, показывает, что появление *klebeta* скорее обязано народной этимологии, чем звуковой закономерности. Во всяком случае, можно было бы думать о влиянии со стороны чешск. *klábositi* 'болтать', слов. *klábosit'* с тем же значением²⁹. В подтверждение следовало бы указать, что *klebeta* (*kleveta*) в чешском и словацком языках имеют и значение 'болтовня, сплетня' (помимо 'клевета')³⁰.

Такого же рода перекрестными влияниями, видимо, объясняются и некоторые колебания в суффиксальной части: ср. русск. диал. *клеветницы* (?)³¹ или чешск. диал. *klebata*. А это еще раз подтверждает мысль, что слово *kleveta* в славянских языках, являясь реликтом глубокой древности, утратило свои старые связи; в одних языках это привело к исчезновению и самого слова, в других же — слово *kleveta* благодаря народной этимологии приобрело новый круг связей.

$-to/-no-$. «Linguistica», t. 1, 1955, стр. 33—35 (приложение к журналу «Slavistična Revija», t. 8, 1955).

²⁵ Отглагольный характер слав. *kleveta*, значение *nominis actionis*, или результата этого действия, и, наконец, противопоставление *klebetati* — *rešti pravdo* по типу: $\phi\epsilon\upsilon\beta\omicron\mu\alpha\iota$ — $\tau\omicron$ ἀληθῆς λέγω; *mentior*, *calvor* — *verum dico*; *lügen* — *wahr sprechen* и т. д. подтверждают архаичность славянского слова. См. Hjalmar Frisk. «Wahrheit» und «Lüge» in der indogermanischen Sprachen. Eine morphologische Beobachtung. «Göteborgs Högskolas Årsskrift», Bind XLI, 1935: 3. Göteborg, 1936.

²⁶ Сюда не относятся случаи типа *sujeta*, *ništeta* и др., где характер суффиксального гласного обусловлен предшествующим согласным. Наше объяснение суффикса $-eta$ в *kleveta* не противоречит мнению Малинг-Рихтера (указ. статья, стр. 62) о том, что $-e-$ в подобных случаях обычно появляется после губных согласных и при корневом $-e-$. С другой стороны, по-видимому, нет необходимости исходить из $*klevota$, как это делает Н. Леков (Из славянската лексикология. «Известия на Института за български език», книга III. София, 1954, стр. 31); если согласиться с Лековым, то возникает вопрос, почему сохранились *blvota*, *zevota*, а $*klevota$ должно было перейти в *kleveta*. По-новому объясняется $-eta$ в указанной выше статье О. Трубачева.

²⁷ См., напр., работы последних лет: A. Lamprrecht. *Středopavské nářečí*; Praha, 1953, стр. 24; J. Belić. *Dolska nářečí na Moravě*. Praha, 1954, стр. 42, 77; о переходе $v > b$ см. также F. Buffa. *Nářečie Dlhej Lúky v Bardejovskom okrese*. Bratislava, 1953, стр. 31; F. S. Kott (Česko-německý slovník zvláště gramaticko-fraseologický. Praha, 1878, t. I, стр. 696) отмечает *klebeta* в Плаште и Пльзене (и *klebata*), а также в Моравии.

²⁸ J. Gebauer (Slovník staročeský. Praha, 1916, стр. 48—49) отмечает лишь формы с $-v-$. С другой стороны, словацкий язык раньше также знал *kleveta*.

²⁹ Нельзя ли думать еще о влиянии нем. *kleben*, *Kleber* 'настоячивый, навойливый, болтливый человек', по крайней мере, в отдельных случаях?

³⁰ Любопытно, что укр. *клеветатися*, отмеченное в словаре Б. Гринченко, имеет значение 'болтать, много говорить, спорить'. Ср. также *клеветуха*.

³¹ См. А. Васнецов. Песни северо-восточной России. М., 1894, стр. 177 (Вятская губ.); но, возможно, что это слово произведено от *клевать*, и в таком случае ошибка в словаре русского языка, составленном Вторым Отделением Академии наук, помещающем это слово в статье *клеветница*.

2. Слав. *istъ*.

Этому слову весьма повезло: оно явилось предметом целого ряда оригинальных и остроумных этимологий, начиная от Даля, Дювернуа и Миклошича и кончая Махеком и Стангом. Нет необходимости перечислять все точки зрения по поводу этимологии этого слова, поскольку это сделано в недавней статье Станга³². Нужно только отметить, что к настоящему времени существует по крайней мере пять различных этимологий слав. *istъ*, которые принимаются различными учеными. Из них два объяснения особенно популярны и повторяются весьма часто (*istъ* < *jъstъ, причастие от глагола *es- 'быть'; *istъ* < *ъz-sto; ср. лат. *existere, exstare*)³³, хотя они менее всего состоятельны по целому ряду соображений, важнейшие из которых были указаны в статье Станга.

Мимходом высказанное А. Соболевским сопоставление слав. *istъ* с лат. *jūs, justus*³⁴ значительно проигрывает от того, что автор не учел др.-лат. *jous* (ср. SLL, t. I², стр. 1: *iovestod-iüstō*) и не привлек др.-ирл. *huisse* 'соответствующий' (из **justijos*), а также индо-иранских параллелей. Если же использовать все эти факты, то едва ли можно с уверенностью утверждать ошибочность этой этимологии. Во всяком случае, в отношении многих других слов такая степень доказательности была бы признана вполне удовлетворительной.

Примерно также можно оценить этимологию, предложенную В. Махеком³⁵ (*istъ* < **justъ*, ср. лит. *jūsti*, польск. *cucić, ocucić* < **ot-jutiti*). Она вполне приемлема, но не более, чем некоторые другие этимологии того же слова³⁶.

Наконец, в последние годы Стангом была детально разработана и подробно обоснована старая этимология Г. Саблера, поддержанная в свое время И. Бодуэном де-Куртенэ. Ее суть заключается в том, что слав. *istъ* является отглагольным прилагательным на *-to-*, образованным от того же корня, который отмечен в др.-инд. *iṣē* 'обладать, господствовать' и гот. *aigan* 'иметь'; первоначальное значение этого прилагательного 'собственный', и лишь потом развились значения 'истинный, подлинный, настоящий'³⁷. Эта этимология подтверждена большим количеством фактов (кстати, теперь сюда же можно было бы присоединить греч. *αἰσθητός, αἴσιμος*, как это делает Виндекенс; см.

³² Chr. S. Stang. L'adjectif slave *istъ*. «Norsk Tidsskrift for Sprogvidenskap», Bind XV, 1949, стр. 343—351. См. также M. Vasmer. Russisches etymologisches Wörterbuch, I, стр. 491.

³³ См. С. Младенов. Этимологически и правописен речник на българския книжовен език. София, 1941, стр. 224; А. Вајес. Besedotvorje slovenskega jezika. 2 Izpeljava slovenskih pridevnikov. Ljubljana, 1950, стр. 50; Н. Курковска. Budowa słowotwórcza przysiotników polskich. Wrocław, 1954, стр. 25 и др.

³⁴ См. А. И. Соболевский. Древний церковнославянский язык. Фонетика. М., 1891, стр. 100.

³⁵ См. V. Machek. Studie o tvoření výrazů expresivních. «Facultas philosophica Universitatis Carolinae Pragensis», XXVII, Praha, 1930, стр. 47 и след. См. также E. Fraenkel. Zu litauischen Mundarten. KZ, Bd. 61, стр. 261, 1934; его же. Bildung sekundärer Simplicia, namentlich durch falsche Abtrennung, aus der Komposition im Baltischen und Slavischen. «Slavia», 1934, t. 13, стр. 13 и след. Совсем недавно Махек предложил новую этимологию, выводя *istъ* из **vid-to-s* (через стадию **vstъ*) с диссимиляцией *vъ* в *vъ jъ*-. Едва ли эта этимология удачнее прежней.

³⁶ Примерно так оценивает эту этимологию и Станг в указанной статье, стр. 345.

³⁷ См. Chr. S. Stang. Указ. соч., стр. 347; ср. стр. 350: *possédé > propre > vrai > véritable*.

его статью «Griech. *αισχυράω* ein pelasgisches Lehnwort». JF, Bd. 62, 1956, стр. 188—190) и позволяет Стангу установить связь с лтш. *ists* (независимо от того, является ли это слово славянским заимствованием или это исконное латышское слово)³⁸ и со ст.-сл. *приснькъ*. Кроме того, она хорошо объясняет те случаи, когда слова с корнем* *ist-* имеют значение 'наличные деньги', 'капитал' и т. д.³⁹ Поэтому можно считать, что этимология Станга вполне удовлетворительна, однако и она не может, видимо, быть признана окончательной, поскольку в ней есть некоторые с первого взгляда едва заметные дефекты, с устранением которых потребовалось бы дать новую этимологию этого слова.

Станг указывает следующие значения слав. *istъ* — '*vrai, véritable, authentique; le même*'; производные от *istъ* имеют также значения '*la propriété, la fortune*'. По мнению норвежского лингвиста, идентифицирующее значение в *istъ* могло развиться из значения '*ipse*' ('*lui-même*'), которое в свою очередь является производным от значения '*vrai, véritable*'⁴⁰. Это объяснение кажется нам неправильным, так как более внимательное изучение славянских фактов с несомненностью показывает, что древнейшим значением в слав. *istъ* нужно считать как раз 'тот самый, именно тот', и лишь впоследствии в условиях различных контекстов появились значения 'настоящий, истинный, действительный, наличный', причем чаще всего они закреплялись не за прилагательным *istъ*, а за его производными *istьny, istьnyъ istovъ*, которые в свою очередь могли влиять на изолированное непроемное *istъ*. Насколько далеко может зайти развитие значений в дериватах, показывают многочисленные примеры: ср. русск. *неистовство*, б-р. *ѣтосць* 'чистосердечие' *ѣтцицца* 'исполняться', укр. *істота* 'существо', польск. *istota* 'сущность', 'действительность'; 'существо', 'личность', *istnieć* 'существовать', 'жить', чешск. *jistý* 'уверенный', 'известный' (наряду с другими значениями), *jistota* 'уверенность', 'надежность', 'гарантия'; *jistiti* 'утверждать'; 'подтверждать'; 'обеспечивать' и многие другие. Поэтому было бы методологически неверным привлекать слова, образованные от *istъ*, и их значения при разгадке этимологии этого слова.

Указанное нами в качестве первичного и основного идентифицирующее значение *istъ* подтверждается многочисленными примерами. Если старославянские евангелические тексты обычно употребляют производные *истовькъ, истинькъ, истина* и т. д., то в Супрасльской

³⁸ Если верно мнение К. Буги (Славяно-балтийские этимологии. РФВ, т. 70, стр. 252—253, 1913; см. также «*Kalba ir senovē*». Kaunas, 1922, стр. 122 и «*Lietuvių kalbos žodynas*». Kaunas, 1925, стр. 25), И. Эндзелина (О «вставочных» *k* и *g* в балтийских языках. ИОРЯС, т. 17, 1912, стр. 120; *Latviešu valodas vārdnīca, I. Rīgā, 1923—1925*, стр. 838; *Latviešu valodas gramatika. Rīgā, 1951*, стр. 240) и Р. Траутманна (*Baltisch-slavisches Wörterbuch. Göttingen, 1923*, стр. 105), что лтш. *ists* не является славянским заимствованием и связывается с лит. *aiškus, užkūs, užčias*, слав. *jasнь, jiskra* и т. д., то, видимо, все-таки придется отделить слав. *istъ* от указанного балтийского слова. С другой стороны, аргумент Буги против предположения о заимствовании лтш. *ists* из славянского не может считаться удовлетворительным (по Буге, слав. **isto-* не могло бы дать лтш. *ists* с прерывистой интонацией, но дело в том, что слав. **isto-* никогда не существовало, о чем свидетельствуют западнославянские языки; поэтому нужно для праславянской эпохи реконструировать форму **jistъ*). Во всяком случае славянское происхождение лтш. *ists* отстаивал Г. Ильинский (Славянский этимологический словарь. Папка 7, л. 4095); оно же кажется весьма вероятным и Стангу (указ. соч., стр. 349).

³⁹ Можно было бы даже привести по этому поводу еще некоторые весьма убедительные примеры. См. Fr. R u š a n e k. *Slovník k Zilinské knize*. Bratislava, 1954, стр. 217—220.

⁴⁰ См. Chr. S. S t a n g. Указ., соч., стр. 346. Впрочем, Станг допускает теоретическую возможность иных объяснений.

рукописи отмечено пять раз **истъ** (включая и местоименные формы), которое передает греческие слова ἐκείνος (!) ἀκριβής и φύσει (в противоположность τέχνη)⁴¹. Указательно-идентифицирующее значение неоднократно отмечалось и в более поздних церковнославянских текстах разных изводов в соответствии с ὁ αὐτός, οὗτος, ἐκεῖνος⁴². Впервые встречающиеся в этих памятниках случаи, когда *istъ* имеет значения 'настоящий, истинный', еще очень редки и, главное, еще в достаточной степени сохраняют связь с первоначальным значением и обычно допускают и такое понимание ('тот самый, именно тот'). В болгарском языке слово *istъ* довольно быстро исчезло, и поэтому он не может оказать существенной помощи в данном случае. Зато примеры из сербохорватского и словенского языков особенно показательны: и в том, и в другом случаях *istъ* отмечено только в указательно-идентифицирующем значении (с незначительно различающимися вариантами), причем оно (и только оно) зафиксировано уже в древнейших сербских⁴³ и словенских⁴⁴ текстах. Между прочим, косвенным подтверждением именно указательно-идентифицирующего значения являются случаи, где это значение подкрепляется, «освежается» с помощью дополнительных указательных местоимений: ср. уже в старых церковнославянских текстах **се исты мжъ** в XIII словах Григория Богослова, неоднократное **се истокъ** в Шишатовском Апостоле, *уписаць овъ листь, како ѣ тоу уста мога ричь*⁴⁵, обычное у старых словенских писателей *ta isti, lo isti, tega istega* и, наконец, совсем уникальные случаи — словенское *tisti* из *ta isti* и исторо-чакавское *istěši*, образованное с помощью контаминации *isti* и итальянского *stesso*⁴⁶; оба слова имеют значение «тот самый»; чешск. *ten jistý* и словц. *ten istý* также свидетельствуют о частичном сохранении первоначального значения в слове *istъ*, а это особенно важно, если принять во внимание, что в западнославянских языках в этом слове возобладали другие значения, а первичное сохранилось лишь в незначительных остатках, которые быстро исчезают⁴⁷. То же можно сказать о слове *истый* и в русском языке (в других восточнославянских языках оно исчезло вообще); действительно,

⁴¹ Значение 'verus', приписываемое Миклошичем слову *istъ* в одном месте Супрасльской рукописи (407 по изданию Миклошича), дано им явно a posteriori.

⁴² См. F. Miklosich. Lexicon, стр. 271; А. Востоков. Указ. соч., т. IV, вып. 4, стр. 328.

⁴³ См. Ё. Даничић. Рјечник из књижевних старина српских, I. Београд, 1863, стр. 425. Характерно, что *истовъ, истиньъ* в это время уже имели значение 'истинный' 'настоящий'; см. там же, стр. 423—424.

⁴⁴ В Фрейзингенских отрывках и в Confessio generalis это слово не встречается, но уже у старейших писателей, в том числе у П. Трубаря, оно встречается неоднократно.

⁴⁵ «Monumenta serbica», стр. 329.

⁴⁶ См. K. Štrelkelj. Zur slavischen Lehnwörterkunde. «Denkschriften der kaiserlichen Akademie der Wissenschaften. Phil.-hist. Klasse», 50. Wien, 1904, стр. 24.

⁴⁷ Ср. польск. *isty* 'ten sam, ten właśnie' — редкий случай, отмеченный в Варшавском словаре. См. J. Karłowicz, A. Kryński, W. Niedźwiedzki. Słownik języka polskiego, II, 1952, стр. 111 (фототипическое издание) и F. Sławski. Słownik etymologiczny języka polskiego. Zeszyt 5, 1956, стр. 468—469.

В говоре кашубских словинцев отмечено в слове *jisni* в числе других значений 'derselbe'. См. F. Lorentz. Slovinsches Wörterbuch, I. СПб., 1908, стр. 399. Наконец, косвенные данные доставляет и словацкий язык, в котором *isty* иногда выступает в качестве неопределенного артикля; ср. *istěho dňa, istí ľudia* и др. См. A. V. Isačenko. Slovensko-ruský prekladový slovník, I. Bratislava, 1950, стр. 244.

некоторые словари среди целого ряда значений отмечают 'тот самый'⁴⁸.

Таким образом, анализ первоначального значения слав. *istъ* и история его на протяжении почти десяти веков показывают, что предложенная Стангом схема развития не может считаться правильной, а в таком случае возникает серьезное сомнение и в его этимологии в целом.

Преимущественная древность значения 'тот самый, именно тот' по сравнению с другими заставляет предполагать, что слав. *istъ* первоначально обладало местоименной природой. Скорее всего оно состояло из сочетания двух местоименных элементов или местоимения, подкрепленного частицей (сделать принципиальный выбор между этими двумя возможностями иногда весьма трудно). Такое заключение следует не только из анализа значения слав. *istъ*, но и известной прозрачности его состава: **is-тъ*. Следовательно, можно предположить, что мы здесь имеем дело с указательным анафорическим местоимением **is*, указывающим на уже известный или ранее упомянутый предмет. В виде энклитики это местоимение выступает в полных формах прилагательных: *dobrъ-jъ*. В полном соответствии с слав. **is* находится литовское местоимение *jis*, а также лат. *is*, гот. *is* и др. Второй элемент *-тъ* по происхождению тоже местоименный, ср. общиндоевропейское указательное местоимение **tos*; тем не менее трудно настаивать, что *-тъ* в данном случае восходит именно к **tos*, а, например, не к **tom*, которое при таких условиях играло бы роль, близкую к частице. В настоящее время трудно было бы с уверенностью обосновать правильность того или иного выбора (между **tos* и **tom*), поскольку многое зависит от решения общего вопроса о рефлексах конечных *-os*, *-om* в праславянском языке, а вполне надежного решения этой задачи пока еще нет. К счастью, в случае с предлагаемой этимологией важнее общее определение характера *-тъ*, чем установление непосредственной праформы **tos* или **tom*.

Только что изложенные соображения относительно этимологии слав. *istъ* требуют дополнительных разъяснений.

Во-первых, возможны ли сложные местоимения типа *istъ*? На этот вопрос нужно ответить положительно, поскольку значительное количество подобных образований отмечено в целом ряде языков, в том числе и в славянских; эти факты так хорошо известны и столь широко распространены, что нет необходимости их перечислять. Следует лишь указать, что сложное образование особенно характерно для указательных местоимений, тем более если они имеют анафорическое значение; в этом случае могут возникнуть такие сложные образования, как *ὁὗτος < *so-u-to*, фр. *celui-ci*, русск. диал. *šimom*, чешск. диал. *tamten*, *tentam*, *henten*, словц. диал. *tamtoten* и др.

Во-вторых, нуждается в объяснении тот факт, что **is* представляет собой местоимение мужского рода. Надо думать, что некогда существовали и такие формы, в которых в качестве первого члена выступали местоимения и в женском и в среднем роде, и лишь впоследствии, при присоединении второго элемента, тесно слившегося с первым, было нарушено различие родов в первой части слова, и оно стало функцией второго элемента, поскольку именно такое положение

⁴⁸ Исчезновение первичного значения в слав. *istъ* в целом ряде языков вполне понятно, поскольку это значение, по сути дела, имело оттенок усилительности, близкий к экспрессивному, а слово *istъ*, являясь изолированным архаизмом, потеряло способность выражать указанный оттенок.

характерно для славянских языков⁴⁹; в первом же элементе был обобщен мужской род⁵⁰; последнее вполне понятно в условиях забвения грамматического значения **is* и превращения сложного местоимения в простое прилагательное.

В-третьих, могут возникнуть некоторые недоразумения относительно сохранения *-s* в **is* (оно должно было бы или исчезнуть в конце слова, или перейти в *-š*). С нашей точки зрения, нет ничего удивительного в том, что здесь сохранилось *-s*: оно уцелело и в некоторых других случаях, когда за ним следовал какой-нибудь словообразовательный элемент; ср. польск. *Długosz*, серб. *Драгош* и т. д. (из **-os-jь*)⁵¹. Поэтому слав. *istъ* можно рассматривать как еще один пример сохранения флексии Nom. Sg. *-s* и на этом основании сделать кое-какие выводы об относительной хронологии образования *istъ*⁵². С другой стороны, понятно, почему *-s* не перешло в *-š* после *i-*, даже если относить этот процесс — так делают многие, но без данного основания — к эпохе диалектного дробления индоевропейского языка. Такого процесса, видимо, не было в флексии Nom. Sg. или если он даже был, то несомненно действовала аналогия со стороны Nom. Sg. основ на *-o*, которая выравнивала все отклонения по образцу наиболее авторитетного типа. Наконец, *-s-* (а не *-š-*) в *istъ* можно бы было объяснить и субституцией, так как в известный период сочетания *-iš+* согласный стали невозможны, вместо них являлось *-ist-*.

Предложенная нами этимология слав. *istъ* находит ближайшую параллель в латинском указательном местоимении *iste* (*ista, istud*) 'этот, тот; этот именно, такой именно', а также в умбрском *estu* 'istum' (основа *esto-*) Асс. sg. masc. и т. д., некоторые оскские факты менее ясны и поэтому едва ли необходимы в данном случае. Сходство в значении славянского и итальянского слов поразительно, и оно еще более увеличивается, если отбросить некоторые смысловые наслоения относительно позднего времени, а именно преимущественную связь итальянского местоимения со 2-м лицом единственного числа, являющуюся вторичной, хотя, видимо, и общеталийской чертой, и, наконец, совсем поздние процессы, приведшие к тому, что в славянских языках *istъ* выступает как прилагательное, в то время как в народной латыни *iste* эволюционировало в сторону артикля или же, будучи подкреплено частицами, продолжало оставаться указательным местоимением, ср. ст.-фр. *icist > ce, cet*, итал. *questi*, исп. *aqueste*, рум. *acest* и т. д.⁵³

Этимология лат. *iste* в деталях остается не до конца ясной: было предложено много решений⁵⁴, причем иногда один и тот же ученый

⁴⁹ Исключение составляют те случаи, где состав слова остается ясным и отдельные его части не утрачивают самостоятельности: *iže, jaže, ježe; dobrъ-jь, dobra-ja, dobro-je*.

⁵⁰ Известную параллель такого обобщения представляет категория случаев, описанная Ю. Куриловичем в его интересной статье «Remarques sur le comparatif (germanique, slave, v. indien, grec)». — «Sprachgeschichte und Wortbedeutung. Festschrift Albert Debrunner gewidmet von Schülern, Freunden und Kollegen». Bern, 1954, стр. 251—257.

⁵¹ См. Т. Torbiörnsson, ZfSIPh, Bd. I, 1925, стр. 276.

⁵² Слияние обеих частей в одно слово или даже простое соположение **is tos* (*tom*) имело место до утраты конечного *-s* и, следовательно, до образования полных прилагательных.

⁵³ Точно так же приходится оставить в стороне и некоторые стилистические особенности лат. *iste* ввиду их вторичности.

⁵⁴ Подробный перечень работ, посвященных этимологии лат. *iste*, до 1904 г. дает К. Бругманн. См. Die Demonstrativpronomina der indogermanischen Spra-

выдвигал разные объяснения⁵⁵. Однако неясности и расхождения касаются исключительно значения и происхождения составных частей лат. *iste* и в очень редких случаях границы разделения между этими частями. Тот же факт, что лат. *iste* составлено из двух элементов, не оспаривается никем. Обычно выделяют *is-te*, причем одни отстаивают местоименный характер этого *is*, сравнивая его с теми же формами, которые были приведены как соответствия слав. **is-* в *istъ* (эта точка зрения является наиболее авторитетной, ее разделяют Корссен, Бругманн, Вальде, Лейманн и Гоффманн, отчасти Мейе, Кент и другие); другая группа ученых считает более целесообразным видеть в *is-* наречие или частицу (Муллер, Эрну, отчасти Турнейзен, Мейе и другие), и, наконец, третьи видят в *is-*, или *es-*, корень существительного глагола *es-* 'быть' (Гиннекен, Линдсей, отчасти Муллер и другие). Последняя точка зрения, восходящая к предположению Гиннекена о местоименном происхождении глагола **es* 'быть'⁵⁶, едва ли может быть доказана, особенно в случае лат. *iste*, и поэтому, естественно, она в связи с нашими задачами должна быть оставлена в стороне. Что касается первой и второй точек зрения, то отдавая предпочтение первой из них, следует заметить, что противоречие между ними скорее хронологического, чем принципиального характера; поэтому при любом решении этого вопроса сохраняется общий параллелизм между слав. *istъ* и лат. *iste*.

Более серьезные возражения возникают лишь в том случае, когда исходят из *es-* (а не *is-*)⁵⁷ или вообще по-новому делят *iste* (< **e-sto-*), как предлагает Кэйпер и готов допустить Кент. Однако оба эти положения пока не могут считаться доказанными⁵⁸, и вслед за большинством ученых мы принимаем традиционное деление *is-te*⁵⁹.

Относительно *-te* также существуют различные предположения

чен. «Abhandlungen der Sächsischen Akademie», Bd. 22, Heft 6. Leipzig, 1904, стр. 80 и след. Более поздние этимологии учтены и оценены в работе голландского ученого Кэйпера (F. V. J. Kuiper. Zur Herkunft von lat. *iste*. «Mededelingen der koninklijke nederlandse Akademie van Wetenschappen, AFD. Letterkunde». Amsterdam, 1938, стр. 2—5.

⁵⁵ Ср., например, A. Meillet. BSL, t. 26, 1925, стр. V (communication); его же. Dictionnaire étymologique de la langue latine. Histoire des mots. Paris, 1932, стр. 474 (изд. 2) и Esquisse d'une histoire de la langue latine. Paris, 1928 (изд. 1), стр. 63—64.

⁵⁶ См. J. van Ginneken. Principes de linguistique psychologique. Paris, 1907, стр. 109. Ср. также E. W. Fay. Classical Quarterly, 10, стр. 230.

⁵⁷ Так делают Даниэльсон, Зоммер, Бак и некоторые другие.

⁵⁸ Что касается предположения о лат. *iste*, умбр. *esto-* из **esto-*, то оно обычно подкрепляется аргументами негативного порядка (*i* в ряде случаев проникло в слова, которые раньше его не имели; ср. *ille* < *olle*; значит, и в *iste* *i* — не исконно, и оно заменило первоначальное *e-*; не учитывается, что именно *iste* могло привести к появлению *i* в *ille*. См. А. Эрну. Историческая морфология латинского языка. М., 1950, стр. 106 (русский перевод с издания 1945 г.); кроме того, те, кто отстаивает праитал. **esto-*, сравнивают эту форму с гораздо более далекими и спорными параллелями, чем те, которые имеются у *is-*. Сомнительность доводов в пользу **esto-* становится еще более очевидной, если принять во внимание тенденцию к смещению *i-* и *e-* в словах подобного рода. См. R. Thurneysen. Inschriftliches. KZ, Bd. 35, 1897, стр. 198 и след.; F. V. J. Kuiper. Указ. соч., стр. 6. Мнение Кэйпера (*iste*, *esto-* из **esto-* < **e-so-to-*) подкрепляется им двумя соображениями: деиктические местоимения часто соединяются с частицами, в том числе с *e-*; между *iste* и *i.-e.* **so-to-* наблюдается совпадение в их функциях (этот аргумент основной). Однако точно с таким же основанием можно бы было сказать, что функции лат. *iste* совпадают с функциями *i.-e.* *is* и *to-* и т. д. Поэтому точку зрения Кэйпера мы не можем признать достаточно убедительной.

⁵⁹ Сохранение *is-* во всех родах и падежах (*iste*, *ista*, *istud* при *ipse*, *eapse*, *eumpe*) не может служить опровержением местоименного характера *is-*, так как в ранних латинских текстах *-pse* не изменялось, в то время как в *iste* вторая

(местоимение, наречие, частица), но каковы бы они ни были, они не могут опровергнуть общего принципа образования лат. *iste*, умбр. *esto* из двух элементов, и, следовательно, сопоставление этих местоимений с слав. *istъ* получает дополнительную поддержку⁶⁰.

3. Слав. *větii*.

В последние годы независимо друг от друга появились две статьи, в которых на разном материале и с разными целями доказывалась мысль о связи индоевропейского корня, обозначающего 'дуть, веять' со словами, обладающими совсем другими значениями — 'оратор', 'поэт', 'пророк'⁶¹. Анализируя архаическую форму аориста **отъѣѣ** (вместо более обычной — **отъѣѣшта**), отмеченную несколько раз в Ассеманиевом евангелии и в Саввиной книге, Вайан пришел к выводу, что **отъѣѣ** предполагает корень *vě-*, а не *vět-*, как думали раньше, и что этот же корень содержится в глаголе **вѣйти**⁶². Этот на первый взгляд странный переход значений подтверждается рядом довольно убедительных аналогий.

С другой стороны, Тиме на основании тщательной экзегезы ведийских текстов показал, что глагол *vat*⁶³ обозначает 'дуть' и что Бетлинг, Рот и Грассманн ошибались, находя в этом глаголе другие значения. Знание основных принципов индоевропейского основообразования в сочетании с фактами отдельных языков позволило Тиме реконструировать от индоевропейского корня **vet* **vot*, **vat* 'дуть' следующие именные основы: 1) **vet-*, **vot-*, **vat-* fem. 'Blasen' (= 'Geblasenwerden'). 2) **vōt-*, **vāt-* fem. '[An-] Blasung', 'Inspiration'. 3) **vōt-*, **vāt-* 'blasend' и '[an-] geblasen' (= 'inspiriert'), 'angefacht' ('wütend'). 4) **ut-* 'blasend'. Эти именные основы иллюстрируются примерами из индо-иранских, германских, кельтских и латинского языков. Наше внимание, естественно, привлекают группы вторая и третья (2. др.-сев. *ōdr* masc. 'Dichtung', др.-англ. *wōd* fem. 'Gesang', 'Dichtung' кимр. *gwawd* 'Gedicht'; 3. *vātēs* 'Dichter', ирл. *fáith* 'Dichter'), поскольку именно в них осуществляется указанный выше переход значений. Один из частных выводов Тиме заключается в том, что, вопреки традиционному мнению о заимствовании лат. *vātēs* из кельтских языков (Вальде, Лейманн и др.) и скептическому отношению к связи этого слова с др.-инд. *vat* (Эрну—Мейе, И. Б. Гофманн), лат. *vātēs* является исконным латинским словом⁶⁴, оно связано с и.-е. корнем **vet-*, **vot-*, **vat-* 'дуть' и первоначально значило «вдохновенный».

часть всегда отражала родовые и падежные изменения. Наоборот, история *ipse* в латинском языке представляет собой наглядный пример развития, предполагаемого нами для слав. *istъ* и лат. *iste*, а именно: унификацию первого члена и перенесение морфологических функций на второй член.

⁶⁰ Связь слав. *istъ* с *prisъnъ*, как и с лтш. *ists*, остается для нас во многом неясной: поэтому здесь мы ее не касаемся. О лтш. *ists* в отношении к слав. *istъ* см. некоторые замечания в сноске 38 настоящей статьи.

⁶¹ См. А. Vaillant. *Notules*. III. «Vieux-slave *otŭvĕ* il répondit». *RESl*, 24, 1947, стр. 152—155, и P. Thieme. *Die Wurzel vat*. *Asiatica*. Festschrift Friedrich Weller. «Zum 65. Geburtstag gewidmet von seinen Freunden, Kollegen und Schülern». Leipzig, 1954, стр. 656—666.

⁶² При таких условиях сравнение слав. **отъѣѣтн** и т. д. с прус. *waitiāt*. и лит. диал. *vaitenŭ* оказывается несостоятельным.

⁶³ В Ригведе этот глагол встречается только с приставкой *āpi*. Здесь он отмечен 7 раз. Грассманн приписывает ему значение 'geistig empfangen, geistig einflößen' и в каузативе — 'anregen, beleben'.

⁶⁴ Такую точку зрения высказал еще Марстрандер (*A West-Indoeuropean Correspondence of Vocabulary*. «Norsk Tidsskrift for Sprogvidenskap», Bind, 7, 1934), стр. 335—343), считавший лат. *vātēs*, ирл. *fáith* и герм. *wōda* словами, отражающими общую цивилизацию трех западных индоевропейских ветвей.

Нам кажется возможным присоединить к указанным примерам и слав. *větii* < **vēt-i-*. Любопытно, что в таком случае восстанавливается полный ряд **vēt-*: **vōt-*: **vāt-* = **vet-*: **vot-*: **vat-*. Показательно и другое, а именно: элемент *-i-* в славянском, кельтском (*fáith*) и латинском (ср. Gen. pl. *vālium* при *vātum*) словах. О сходстве значений говорить не приходится. Что касается расширителя корня *-t-*, то здесь наблюдается поразительное единство в целом ряде языков.

В свете анализа Тиме оказывается, что переход значений от 'дуть, веять' к 'поэт', 'оратор, вития' мог совершиться несколько иначе, чем предполагал Вайан. Однако наличие значительного количества слов типа **вѣтъ**, **вѣто**, **отвѣтити** и т. д. со специфическими значениями, не отмеченными в указанных немецким ученым языках, не позволяет пока окончательно установить пути семантической эволюции в славянском, *větii*. Тем не менее общая идея и сопоставление слав. *větii* с лат. *vātēs* и т. д. кажутся нам привлекательными и вполне заслуживающими внимания исследователей, несмотря на уже имеющиеся отдельные возражения по поводу связи *vēt-* с *vējati*⁶⁵.

Примечание. В связи с и.-е. корнем **vet-*: **ve-*, вероятно, стоит обратить внимание на тохарский АВ глагол *wātk* 'разделять(ся)', 'решать', 'приказывать' и, может быть, *we-* 'говорить'. Во всяком случае, развитие значений в первом глаголе заставляет вспомнить подобные явления в лат. *cernere* 'отделять', 'решать', греч. *κρίνω* с тем же значением, а также предполагаемый Вайаном переход в славянском 'веять' (собственно, 'отделять') > 'решать' > 'судить'. Поэтому нам кажется более целесообразным возводить тох. *wātk-* к **vet-k* и сравнивать его с другими словами этого же корня (ср., между прочим, лит. *vėtyti* и др.), чем вслед за Виндекенсом выводить *wātk-* из и.-е. **vedh* 'толкать', 'ударять', сопоставляя его с др.-инд. *vadhati*, авест. *vada-* и лит. *vedegù*⁶⁶. Показательно, что в каузативе глагол *wātk* имеет значение 'велеть, приказывать'. Справедливое нарекание со стороны Г. С. Лэйна (JAOS. Vol. 76, 1956, стр. 191) вызвало сделанное П. Поухой разделение глагола *wātk-* на два глагола, однако сам Лэйн, видимо, придерживается старой этимологии этого слова.

Дополнения

К этимологии слова *kleveta*. 1) В качестве семантической параллели к *kleveta* ср. осет. *ardaun* 'клеветать' при согд. *δ'rw* 'слава, шум'. См. E. Benveniste *Études sur la phonétique et l'étymologie de l'ossète*. BSL, 52, 1956, стр. 58—59. 2) О славянском глагольном суффиксе *-v-* см. также V. R. u ŋ e. *Verben auf -avāt || -aviot im Lettischen und deren Verhältnis zu den slavischen Verben auf -ovati* (в «Лундском ежегоднике» за 1951 г., стр. 28—40) и особенно W. R. Schmalstieg *The Phoneme [v] in Slavic Verbal Suffixes*. «Word», 12, 1956, стр. 255—259. 3) Сопоставление тох. *kālpā-wa* с лат. *amā-vi* было предложено недавно: P. E. Santagelo. *Fondamenti di una scienza della origine del linguaggio e sua storia remota*, vol. IV. Milano, 1954, стр. 43. 4) А. Гётце сравнивает с лат. *calvor* хеттское *kallar*. См.

⁶⁵ См. M. Vasmer. *Russisches etymologisches Wörterbuch*, I, стр. 193, 205.

⁶⁶ См. A. J. van Windeken s. *Léxique étymologique des dialectes tochariens*, Louvain, 1941, 159. Ср. также P. Poucha. *Institutiones Linguae Tocharicae*, Pars I. «Thesaurus Linguae Tocharicae Dialecti», A. Praha, 1955.

«Language», 30, 1954, стр. 403. 5) Форма *klebety* (plur. tantum) отмечена и в польских говорах Силезии, см. K. Nitsch. *Dialekty polskie Śląska*, I. Kraków, 1939, стр. 204.

К этимологии слова *istъ*. 1) В. Махек (см. *Etymologický slovník jazyka českého a slovenského*. Praha, 1957, стр. 181) видит в *jistý* два разных слова, одно из которых восходит к **vid-to-s* (причастие от **veid-*), а другое *k*ъstъ* (тут же сравнение с хеттск. *ištanza*, нем. *Geist*). Оба объяснения фантастичны. 2) Об эволюции значения *istъ* под иноязычным влиянием см. F. Verník. *Isti*. «Jezik in slovstvo», Letn. 2, N 6, 1956—1957, стр. 285 и J. Puzyrniа. *Uwagi o pierwszym tomie «Słownika etymologicznego» Fr. Slawskiego*. «Poradnik językowy», 1957, zes. 7, стр. 321. 3) О латинском *iste* см. также J. Gonda. *The Original Value of Greek-ἴς*. «Mnemosyne». Series IV. Vol. X, 1957, стр. 99.

О. Н. Трубачев

**П. Я. ЧЕРНЫХ, ОЧЕРК РУССКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ
ЛЕКСИКОЛОГИИ.**

ДРЕВНЕРУССКИЙ ПЕРИОД.

ИЗДАТЕЛЬСТВО МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА, 1956

Наша лингвистическая литература не богата исследованиями по русской исторической лексикологии. Вполне естественным поэтому является интерес, вызванный появлением книги проф. П. Я. Черных.

Книга П. Я. Черных представляет собой, как отмечает сам автор (стр. 3), первый опыт русской исторической лексикологии, содержащий преимущественно ряд материалов, наблюдений, этимологий, лексикологических эскизов на словарном материале главным образом древнерусского периода. Во Введении (стр. 3—23) характеризуются задачи русской исторической лексикологии, основные моменты ее развития, а также некоторые общие понятия, которыми оперирует эта языковедческая дисциплина. Следующий раздел «Общеславянский словарный фонд и его развитие в древнерусскую эпоху» (стр. 24—93) посвящен отношению общеславянского словаря к словарю индоевропейского языка-основы. Помимо этого, основная часть раздела включает в себя рассмотрение словаря древнерусского языка по главным семантическим группам в следующем порядке: человек, люди (сюда включена терминология родства, названия совокупности людей и названия частей человеческого тела); животный мир; природа (неживая), куда отнесены названия растений, металлов, светил, стран света и явлений природы; труд (под этой рубрикой помещены названия орудий обработки земли, форм земледелия, сельскохозяйственных культур, скотоводства, бортничества, льноводства); материальная и духовная культура (пища, одежда, жилище и пр.). Сжатая характеристика некоторых лексических отличий восточнославянской группы от остальных славянских языков содержится в разделе «Диалектальные явления общеславянской эпохи. Общевосточнославянская лексика» (стр. 94—96). Раздел «Лексические явления древнерусского периода. Эпоха Киевской Руси» (стр. 97—183) сообщает данные о лексических различиях между отдельными древнерусскими диалектами, о древнерусском литературном языке и формировании его словаря. Далее дается описание иноязычных элементов древнерусского и общеславянского словаря. В приложениях кратко рассматриваются некоторые вопросы словообразования и семантические изменения, затрагивается вопрос об исчезновении слов. Книга завершается разделом «Изменения в словарном составе русского языка XVI—XVII вв.» (стр. 184—239).

Переходя к оценке содержания книги, обратимся сначала к некоторым общим вопросам, затронутым автором во Введении. Автор, предпосылая основному изложению краткий очерк развития русской исторической лексикологии (стр. 3—12), освещает этот вопрос, на наш взгляд, не совсем правильно. Он почти целиком ограничивается сведениями о развитии русской исторической лексикологии в России, хотя, как видно из его же вступительного слова (стр. 3), задача его книги шире. Тем самым из поля зрения выпадает значительная часть иностранной литературы по русской исторической лексикологии. Здесь даже не упоминаются важные славистические и индоевропейские органы «Archiv für slavische Philologie», «Zeitschrift für slavische Philologie», «Revue des études slaves», «Kuhn's Zeitschrift», «Indogermanische Forschungen», содержащие большое число этимологических и лексикологических исследований русской и славянской лексики. Имена ряда крупных этимологов (среди них — Мейе, Бенвениста, Вайана, Зубатого, Махска) здесь отсутствуют. В перечне этимологических словарей славянских языков (на стр. 7, сноска 2) не находим нового словаря Ф. Славского (Fr. Sławski. Słownik etymologiczny języka polskiego; выходит отдельными выпусками в Кракове с 1952 года). Обойден молчанием известный индоевропейский этимологический словарь А. Вальде—Ю. Покорного, являющийся полезным справочником также по славянской этимологии. Из монографий можно было назвать, например, работу Луизы Ванстрат «Beiträge zur Charakteristik des russischen Wortschatzes»¹, другие пробелы такого рода в книге будут указаны ниже, при разборе конкретных лексикологических этюдов. Из справочных пособий следовало бы упомянуть труд Унбегауна и Симмонса², где перечисляется и аннотируется ряд важнейших работ, в том числе — последнего времени.

Отмечая статью Буслаева «Иностранные слова в славянских наречиях»³ как хорошее пособие (стр. 8), автор забывает о книге А. Матценауэра «Cizí slova ve slovanských řečech»⁴, ни словом не упоминает о работах В. Кипарского, А. Стендер-Петерсена, Клары Тёрнквист и других новых исследованиях, посвященных заимствованиям в славянских языках. Говоря об изучении восточнославянской топонимии (стр. 9), автор называет работы А. И. Соболевского, А. А. Шахматова, почему-то умалчивая о более новых трудах М. Фасмера⁵. На первом месте фигурируют и рекомендуются старые пособия, отсутствует информация о новых работах. С оценкой отдельных новых пособий трудно согласиться. Так, например, вряд ли справедливо говорить сейчас о том, что «лучшим... этимологическим словарем русского языка до сих пор остается словарь А. Г. Преображенского» (стр. 6), поскольку лучшим в настоящее время следует, конечно, считать богатый словарь М. Фасмера.

В целом автор в упомянутом разделе и в следующих информирует читателя о современном состоянии славянской и русской исторической

¹ L. Wanstrat. Beiträge zur Charakteristik des russischen Wortschatzes. Berlin, 1933.

² A Bibliographical Guide to the Russian Language by B. O. Unbegaun — G. S. G. Simmons; см. Chapter V. «History of the Russian Language: Vocabulary». Oxford, 1953.

³ Ф. И. Буслаев. Иностранные слова в славянских наречиях. ЖМНП, 1867, август.

⁴ A. Matzenauer. Cizí slova ve slovanských řečech. Brno, 1870.

⁵ См. M. Vasmer. Untersuchungen über die ältesten Wohnsitze der Slaven. I. «Die Iranier in Südrußland». Berlin u. Leipzig, 1923; его же. Beiträge zur historischen Völkerkunde Osteuropas. Berlin, 1932; его же. Dis alten Bevölkerungsverhältnisse Rußlands im Lichte der Sprachforschung. Berlin, 1941.

лексикологии совершенно недостаточно. Этот недостаток усугубляется тем обстоятельством, что книга П. Я. Черных задумана как педагогическое пособие. От такого пособия естественно требовать отражения действительного состояния науки. Напротив, книга дает читателю во многих отношениях превратное представление о научном уровне русской исторической лексикологии. В немалой степени это связано с лексикологическими опытами самого автора, к которым нам придется неоднократно обращаться ниже. Ожидая найти в них оригинальные решения, основанные на применении надежных достижений сравнительного языкознания, мы обнаруживаем на деле целый ряд неприемлемых положений. Одни из них представляют не более как попытку подменить проверенные сопоставления рискованными сближениями, другие повторяют устарелые толкования. Основной вывод, к которому приводит ознакомление с этой (основной) частью работы, — непригодность метода. Некритичные и ошибочные толкования преподносятся автором так, как если бы это были единственно возможные решения. Пренебрежение новейшим библиографическим аппаратом, о котором мы уже говорили, сказывается в таких случаях наиболее очевидно.

Автор нередко прибегает к устарелой терминологии, ср. архаизмы вроде «славянщина» вм. славянские языки, «аистские» (!) наряду с балтийскими языками, «зенд.» вм. авеста (стр. 25); на стр. 144 говорится о «народах германского корня». Вместе с этим общепринятые удобные термины заменяются в отдельных случаях без видимой необходимости новыми. Вместо расширения и специализации значений в книге говорится о «расширительных» и «углубительных» изменениях значений (стр. 161), что нельзя признать удачным. Нельзя пройти мимо терминологических небрежностей, ср. «приемы (?) образования основы» (стр. 158).

В определенной связи с отмеченным выше стоит крайняя нечеткость отдельных формулировок, приводящая, между прочим, к двусмысленности даже таких положений, которые давно стали аксиомами сравнительного языкознания, например: «В некоторых случаях, напротив, славянские языки в лексическом отношении обнаруживают близость именно к индо-иранским, особенно иранским, языкам, может быть, сохраняя память о каких-то непонятных (? — О. Т.) отношениях со скифами-иранцами: богъ (ср. скр. *bhāgah* 'богатый, податель', зенд. *bagō* 'бог, владыка', др.-перс. *baga* 'бог'. . .)» (стр. 25). На стр. 26 сбивчиво: «какое-то древнее заимствование из «скифского» или каких-то иных неиндоевропейских языков. . .».

Касаясь технических приемов автора, позволим себе усомниться в целесообразности передачи реконструируемых праславянских форм русскими буквами: *голова вм. *golva 'голова' (стр. 25, 36 и др.). Во всяком случае это не способствует привитию навыков точного лингвистического анализа у читателей-студентов. Кстати, о транслитерации греческих слов: лучше *phratría*, а не *fratria* (стр. 34, сноска 1), *nephos*, а не *nefos* (стр. 55), *ethnos*, а не *etnos* (стр. 126).

Трудность составления пособий по лексикологии состоит, как нам представляется, в том, что изложение обычно распадается на множество более или менее самостоятельных лексикологических этюдов. Эта специфика находится в определенном противоречии с необходимостью обобщения, что особенно заметно при сравнении лексикологических исследований с работами по сравнительной грамматике в собственном смысле слова, где обобщения обязательно доминируют над массой примеров. Естественно, что в лексикологическом пособии значительно труднее излагать общие закономерности, например фонетического раз-

вития. Тем не менее и в таком пособии весь привлеченный лексический материал должен иллюстрировать важнейшие закономерности языкового развития, чтобы помочь читателю глубже понять эти закономерности и сознательно относиться к возможностям их использования при исследовании истории языка. В книге П. Я. Черных мы находим факты прямого игнорирования законов исторической фонетики, объясняемые неверной интерпретацией примеров. Так, например, известно, что передача открытого славянского *o* через *a* вообще была правилом в древних заимствованиях из славянского и ни о чем большем не говорит. Однако автор почему-то полагает, что вариант *славѣнинъ* не менее древен, чем *слов-*, ссылаясь на лат., греч. *Sclavini, Sclaveni*, нем. *Slave* (стр. 36). Попутно заметим, что для пользы дела можно было бы поместить в вводной части сводную таблицу, иллюстрирующую развитие славянской звуковой системы и соответствия ей в других индоевропейских языках. Это, во-первых, дало бы источник справок в некоторых случаях, ср. сближение слав. *ryba* и нем. *Raupe* < **rūpa* (стр. 13), приемлемое, если исходить из факта передвижения согласных в германском: герм. *p* < и.-е. *v*. Во-вторых, изображение реконструируемых форм в единой транскрипции заметно дисциплинировало бы изложение в целом.

Об уровне семасиологического анализа лучше всего можно судить по примерам конкретного его применения. В целом ряде этимологических этюдов в книге обращает на себя внимание неудовлетворительность семасиологической части. Сюда относится и вопрос реконструкции древних значений. Автор восстанавливает для слав. *mqžь*, **mongjo* — значение 'советник' на том лишь основании, что вслед за некоторыми этимологами он видит здесь корень **men-* 'думать' (стр. 29). Вероятность такого развития значений оставляется вне всякого сомнения. Согласно автору, *сын* могло первоначально значить 'продолжатель рода', а *дочь* — 'дающая молоко' (стр. 31). Характерно, что легкость, с которой автор возрождает практику ранних этимологов-романтиков, не подкреплена никакими аргументами. Структура и.-е. **sūnu-* (**sū-nu-*) не дает повода предполагать здесь активное значение деятеля. Трудно сказать что-либо в пользу приведенной этимологии и.-е. **dhughater*. Для слова *жук* предполагается древнее значение 'бычок' (стр. 50, сноски 2). Вероятно, достаточно было бы высказать мысль о том, что в слав. *žukъ* заключается, по-видимому, звукоподражательный корень **geu-*, ср. ступени чередования **gou-* **gu-* в словах *говор*, *гурьба*. Вопрос о происхождении слав. *govědo*, и.-е. **g^hou-* 'крупный рогатый скот', которое автору хотелось бы отождествить без дальнейших оговорок с **geu-*, *žukъ*, является совершенно самостоятельным. Есть основания полагать, что и.-е. **g^hou-* заимствовано из шумерского *gi*, *gud* с тем же значением⁶, на чем здесь нет возможности останавливаться подробно.

Из рассуждений о природе различных семантических изменений упомянем неудачную ссылку на табу. Автор совершенно неправдоподобно объясняет слово *рычаг* < *рочаг* < *рогач* как табуистическую метатезу, ср. *рогатый*. Помимо *рычаг*, действительно существуют варианты диал. *рочаг*, *ручаг*, но эти колебания указывают скорее на заимствование, возможно, из немецкого⁷.

Значительное место в работе занимают этимологии слов, сообщаемые и в сжатой и в развернутой форме. В этой части работы сосредоточено очень много неточностей, существенных пробелов. Нужно также отметить,

⁶ См. G. Ipsen. IF, Bd. XLI, стр. 175 и след., стр. 179 и след.

⁷ См. M. Vasmer. Russisches etymologisches Wörterbuch, Bd. II, стр. 558—559.

что книга, посвященная, собственно, только древнерусскому периоду, неоправданно перегружена общими местами из теории исторической лексикологии и примерами из лексики XIX и XX вв. Много досадных повторов. Так, дважды в разных местах книги поясняется, что до революции слово *народ* употреблялось в значении 'простой народ'.

Нельзя согласиться со многими моментами словообразовательного анализа, при котором автор также нередко игнорирует достоверные факты, например оформление одинаковых корней разными суффиксами, детерминативами, предлагая взамен странные реконструкции. В случаях совершенно прозрачных автор подчас склонен усматривать непреодолимые трудности, излишне теоретизируя изложение. На стр. 50 *чървь* через *kīrvīs* возводится к *kīrmīs*, ср. лит. *kirmis* 'червь', в то время как оба слова в сущности самостоятельно оформлены разными суффиксами. В принципе не следует отделять от явлений редупликации корня термины родства *баба*, *дядя*, как это делает автор (стр. 160).

Возражения вызывают утверждения автора по вопросу о распространении отдельных слов в славянских языках, о междиалектных заимствованиях и различиях, об относительном возрасте некоторых образований. Дело в том, что примеры, отобранные автором, как правило, неудачны. Наличие лексических дублетов ст.-сл. **видѣти** — **зьрѣти** он объясняет обогащением за счет других славянских языков (стр. 114). Однако это объяснение вряд ли приемлемо. Пара **видѣти** — **зьрѣти** ископна в старославянском и восходит, по всей вероятности, к общеславянскому. Последовательное сохранение этих двух близких по значению слов и обуславливает видеть в них нечто большее, чем простые синонимы. Между обоими словами существовали определенные различия. Так, в старославянских текстах **видѣти** обычно передает греч. *ὄραω*, а **зьрѣти** — *βλέπειν*⁸. Можно думать, что различия между **видѣти** и **зьрѣти** были несколько специфического свойства, причем главную роль играло не фактическое их значение, а морфологические отношения. Оба слова, по-видимому, образовывали единую парадигму славянского глагола 'видеть', дополняя друг друга аналогично греч. *ὄραω* (праес.) — *ἕϊδον* (аор.), т. е. в порядке супплетивности⁹. Болг. *удáря*, серб. *ударити*, словен. *udariti*, русск. *ударить* при польск. *uderzyć* автор неправильно приводит среди диалектных различий в общеславянском словаре. Все это разные формы одного глагольного корня, весьма богатого вариантами количественного чередования *u-dariti*, *u-deriti*, *u-driti* (*u-dъriti*, *u-dъriti*), *u-dyriti*¹⁰. Эти варианты сосуществуют также в пределах одного языка, ср. серб. *ударити* — *удрити*, болг. *удáря* — *удрям*. При их объяснении важно исходить из оценки их морфологической роли.

Странно выглядят отдельные утверждения. Автор не уверен в древности слов *югъ* и *сѣверъ* (стр. 55), считает, что *вѣче*, серб. *veče* представляют праздники, не общеславянские образования (стр. 127). В значении русск. диал. *гнуc* 'мышь' усматривается наследие дославянской эпохи; в бездоказательности этого, однако, легко убедиться, справившись в словаре А. Вальде—Ю. Покорного (т. I, стр. 585). Скорее всего, это вторичный, местный перенос значения.

⁸ Ср. V. Jagić. Entstehungsgeschichte der kirchenslavischen Sprache. Berlin, 1913, стр. 329.

⁹ См. Н. Osthoff. Vom Suppletivwesen der indogermanischen Sprachen. Akademische Rede. Heidelberg, 1899, стр. 12, где говорится специально о ряде глаголов 'видеть', правда, без упоминания разобранный славянской пары.

¹⁰ См. J. Zubatý. Studie a články, sv. I, část první. Praha, 1945, стр. 129 и след., где дана и этимология.

Вопрос о заимствованиях представлен в книге далеко не удовлетворительно.

В этом можно убедиться на примере отражения такой важной части упомянутого вопроса, как германские заимствования в славянском и древнерусском. Вполне допустимо, например, что слав. **melko* не заимствовано из германского (стр. 65). Но одной этой декларативной формулировки, очевидно, мало, и предположение о заимствовании останется наиболее вероятным до тех пор, пока не определены генетические связи **melko* в самом славянском. Такая попытка предпринималась давно, и **melko* с гипотетическим исходным значением 'влага' сближалось с серб. *млака*, болг. *млака* 'мокрая, болотистая почва'¹¹. Совершенно очевидно, что в этом случае **melko* не связано этимологически с **melzivo*, **mylzo*, лит. *milžti* (**melg-*). Тем не менее в книге П. Я. Черных говорится о родстве именно этих форм (там же).

Автор возражает против объяснения германским заимствованием слов *блюдо*, *скотъ*, *пѣлкъ*, *брѣня*, даже *варагъ* (стр. 142—143). Однако, несомненно, большинство этих слов заимствовано, и отстаивать их исконность можно, только не считаясь с неоспоримыми фактами¹². Противники этой этимологии предполагают в слав. *рѣлкъ* самостоятельное расширение и.е. *pel-* суффиксом *-k-*, но сам факт этого расширения вызывает законные сомнения¹³. Но даже если допустить такую возможность, вокализм слав. *рѣлкъ*, *плкъ* представится несколько необычным. Для отглагольного производного имени мы ожидали бы скорее вокализм *o* в корне: **pel-* > **polkъ*. Таким образом, есть серьезное основание говорить о том, что в слав. *рѣлкъ* мы имеем форму несамостоятельную. Близость слав. *рѣлкъ* и герм. **fulka* действительно разительна, но германское слово продолжает и.е. **pogo-*¹⁴, а потому мнение об исконном родстве этих слов следует признать ошибочным. Слав. **брѣня* произошло из германского¹⁵, причем А. Стендер-Петерсен верно обосновал мысль о заимствовании в семантическом отношении: герм. 'кожаные латы, шкура' перенимается славянскими языками только в узком значении 'железные латы' (типичное культурное заимствование).

Спорно рассуждение автора о слове *варяг* (стр. 147—148). Он считает это слово славянским и производит его от *вар-* 'предупреждать, ждать', 'беречь, хранить'. Таким образом, *варяг* — 'телохранитель'. Но слав. *variti*, *varovati* — возможный германизм, ср. очень близкие по значению гот. *warjan* — нем. *wahren*¹⁶. Кстати, литовский как будто не обнаруживает близких слов. Вообще традиционное объяснение *варяг* из скандинавского гораздо вероятнее и проще. Сомнения автора относительно возможности передачи сканд. *væringr* через *варагъ* в древнерусском (стр. 147) несостоятельны, так как русская форма отражает скандинавскую форму до умлаута *a* > *æ*: *varingr*. Такие случаи вообще известны. Чешск. *mosaz*, польск. *mosiądz* 'латунь', польск. *jarząg* восходят не к нем. *Messing*,

¹¹ А. Brückner. KZ, Bd. 45, стр. 101 и след.; V. Kiparsky. Die gemein-slawischen Lehnwörter aus dem Germanischen. «Annales Academiæ Scientiarum Fennicæ», t. XXXII, № 2. Helsinki, 1934, стр. 45—46.

¹² О *bljudo* < герм. **beuda-* см. А. Stender-Petersen. Slavisch-germanische Lehnwortkunde, Göteborg, 1927, стр. 402—403. Слав. *рѣлкъ* < герм. **fulka-*, ср. нем. *Volk* и родств. (А. Stender-Petersen. Указ. соч., стр. 194—196, V. Kiparsky. Указ. соч., стр. 208—209).

¹³ См. V. Kiparsky. Указ. соч., там же.

¹⁴ А. Stender-Petersen. Указ. соч., там же.

¹⁵ Там же, стр. 224 и след., V. Kiparsky. Указ. соч., стр. 230—231.

¹⁶ Литературу см. у В. Кипарского, указ. соч., стр. 89—90.

Hering, а к формам до умлаута **massing*, др.-в.-нем. *hāring*¹⁷. Ставить под сомнение реальность формы *varingr* (стр. 147) нельзя, ср., помимо вышеуказанных фактов, определенные следы в названии Варангерфьорда¹⁸. К русск. *варяг* относятся также местные названия *Веряжа*, *Веряжка* и производные¹⁹, которые в книге П. Я. Черных (стр. 181) неверно сближаются с *Веригино* < *вериги*. Автор, наконец, считает недоказанным древнее наличие носового в *варяг* (*varegъ*), хотя достаточно сослаться на непосредственно примыкающие к русскому слову многочисленные топонимические германизмы бассейна Вислы, последовательно сохранившие в польском носовой вокализм: *Wareżyn*, *Waregowo*, *Wareż* и др.²⁰ Форма *варуѣ* (XIII—XIV вв.), приводимая автором (стр. 149), вряд ли содержит вообще какой-то суффикс с точки зрения русского языка. Возможно, что *варуѣ* восходит к указанной Г. Якобсоном (там же) форме *varang-* 'варяг'. Попутно отметим, что П. Я. Черных довольно своеобразно понимает историю суффикса *яг-* в русском языке, если он хочет обойтись без предположения здесь носового: *бедняга*, *бродяга* (примеры автора). Но известно, что рус. *-яг-* < слав. *-eg-*, ср. польск. *-eg(a)*, например *włóczęga*, сюда же относится литовский суффикс *-ing-*.

Предположение о связи слов *вареги*, *варежки* и *варяги* (стр. 150) правдоподобно. Надо бы отметить и возможную древность ударения *в́ареги*, ср. др.-сканд. *váringr* (ср. стр. 180—181; вне связи с *вареги* 'рукавицы'). Перенос значений также вполне правдоподобен.

Автор не упоминает о возможном заимствовании ряда слов военной лексики: *мечь* (*мьчъ*), *стрѣла*, *щитъ*, *шлѣмъ*, *витязь*, — хотя многие из перечисленных слов, несомненно, являются иноязычными. Слова *волшебный*, *волхв*, возможно, восходят к форме, заимствованной из германского²¹, но не из финского (стр. 115).

П. Я. Черных решительно возражает против предположения о заимствовании слав. *xlěbъ* из германского и готов скорее допустить обратное направление заимствования или, скорее, его общиндоевропейское происхождение, ср. лат. *libum* 'жертвенный хлеб', греч. *klibanos* (стр. 67). Последняя мысль ошибочна и упирается прежде всего в вопрос о происхождении начального *x* в данном славянском слове. Предположение об исконном родстве слав. *xlěbъ* — лат. *libum* — греч. *klibanos* отпадает, поскольку сейчас теория о слав. *x* < и.-с. *kh* должна быть оставлена, как давно устаревшая. Остаются герм. **xlaiba-* (нем. *Laib* 'коврига' и родств.) и слав. *xlěbъ*, полностью совпадающие друг с другом. Естественно, это еще не может говорить об исконном родстве²². Тем самым исконность слав. *xlěbъ* оказывается маловероятной, поскольку оно к тому же совершенно изолировано в словообразовательном отношении среди прочих славянских слов.

Иногда излишний критицизм по отношению к известным этимологиям, с которым мы имели возможность познакомиться, вдруг сменяется полной нескритичностью. Так, вслед за Миклошичем автор повторяет толкование др.-русск. *вира* < нем. *Wergeld*, хотя в литера-

¹⁷ Последние примеры см. А. Stender-Petersen. Указ. соч., стр. 388—389.

¹⁸ G. Jacobsson. «Scando-Slavica», t. I, 1954, стр. 36—43.

¹⁹ См. подробнее М. Vasmer. Warägisches-Russisches. «Die Sprache», Bd. I, 1949, стр. 213—214.

²⁰ См. R. Ekblom. Afsl Ph, Bd. 39, стр. 185 и след.; M. Vasmer, Beiträge zur slavischen Altertumskunde. 3. Wikingisches bei den Westslaven. ZfslPh, Bd. VII, 1930, стр. 142 и след.

²¹ См. V. Kiparsky. Указ. соч., стр. 280—281.

²² А. Stender-Petersen. Указ. соч., стр. 298 и след.

туре это оспаривалось неоднократно и убедительно: во-первых, неясно, почему в заимствовании отражена только первая часть сложного *wergeld*, а во-вторых, германские формы дали бы **вера*, а не *вира*²³. Более того, существуют попытки объяснить др.-русск. *вира* как исконно славянское слово, восходящее к индоевропейскому названию мужчины, ср. лит. *výras*²⁴.

Коснемся прочих заимствований, рассматриваемых в книге. Автор оспаривает заимствование слав. *korabjъ* из греч. *κάραβιον* в общеславянскую эпоху²⁵. В результате *корабль* сближается со словами *короб*, диал. олоонецк. *корба* 'чаща' и далее — *кора* и родств. Библиографические сведения автора весьма устарели, так как он ссылается в основном на догадку В. Даля, что *корабль* произошло от *короб*. В сравнительно недавнее время предпринимались и более основательные попытки объяснить *korabjъ* как исконно славянское слово Ст. Романским (RÉS, t. 2, стр. 52 и след.) и Фр. Преvedеном. Последний считает, что греч. *κάραβος* < слав., а слав. *korabjъ* < *kor-* < и.-е. **sqer-*, **qer-* 'резать' с расширением *-bh-*, сюда же *кравица*, *коробка*²⁶. Разумеется, это предположение уязвимо в ряде важных пунктов, ср. вокализм *korabjъ*, остающийся необъясненным, функции расширения *-b-*, очевидный заимствованный характер слов *короб*, *кравица* (из латинского). То обстоятельство, что именно *κάραβος* 'маленькое суденышко' заимствовано славянским, объясняется тем, что заимствования нередко прихотливы. Этому не противоречит и то, что *κάραβιον* как иностранное слово в общеславянском было использовано для обозначения более крупного судна, чем простые местные суда²⁷. Об исконном греческом характере слова *κάραβος* свидетельствует также его многозначность в греческом: 'омар', 'судно'. Имеющееся у П. Я. Черных сближение с русск. диал. *корба* несостоятельно, поскольку упомянутое слово заимствовано из карельского²⁸.

П. Я. Черных считает слово *груша* восточным заимствованием (стр. 52), но не сообщает, какими данными он располагал для такого вывода. Колебания задненебных слав. *gruša* (при болг. *круша*), лит. *kriáušė* говорят о заимствовании, причем, однако, В. Махек в своей монографии²⁹ считает нужным указать, что источник заимствования неизвестен. Там же П. Я. Черных производит (*j*)*ablъko* из др.-кельт. *abhall*, *aball*. Во-первых, указанная форма не древнекельтская, а древнеирландская. Во-вторых, правильнее было бы указать ряд родственных форм в балтийском, германском, кельтском, т. е. главным образом в «северных» индоевропейских языках, кроме топонимического лат. *Abella* (*romifera*). В. Махек³⁰ предполагает заимствование из доиндоевропейского субстрата в Европе.

Считать слово *луна* заимствованным из латинского (стр. 54) нельзя.

²³ V. Kiparsky. Указ. соч., стр. 91—92; Clara Thörnqvist. Studien über die nordischen Lehnwörter im Russischen. Uppsala—Stockholm, 1948, стр. 172.

²⁴ A. Vaillant. BSL, t. 47, 1951. Comptes rendus, стр. 190—191.

²⁵ См. М. Фасмер. Греко-славянские этюды, стр. 96; его же. Russisches etymologisches Wörterbuch, Bd. I, стр. 621; A. Vaillant. Grammaire comparée des langues slaves, t. I, стр. 70.

²⁶ Francis R. Preveden. Church Slavonic korabъ and Greek κάραβος. «Language», t. VI, № 4, 1930, стр. 279—296.

²⁷ A. Meillet. De quelques mots relatifs à la navigation. RÉS, t. 7, 1927, стр. 6—7.

²⁸ J. Kalima. Die ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen. Helsinki, 1919, стр. 128.

²⁹ V. Machek. Česká a slovenská jména rostlin. Praha, 1954, стр. 114.

³⁰ V. Machek. Указ. соч., стр. 115—116.

Оно является закономерным славянским продолжением и.-е. **louksnā* 'светлое, светило'. Автор не согласен считать др.-русск. *пѣря, пѣря, пѣрьѣ* 'парус' заимствованным из финских языков, что, однако, является очевидным фактом³¹. На стр. 153 *котъ, котъка* правильно объясняется заимствованием (лат. *cattus*). Но неясно, почему в таком случае оно сравнивается с исконно славянскими *кочанъ, кочка* (стр. 43). На стр. 112—113 (сноска 3) говорится о заимствовании ср.-греч. *αγγουρίν, σευτλον* из древнерусского, в то время как достоверно известно обратное. Формы *бискупъ, пискупъ* упоминаются в числе заимствований общеславянской эпохи (стр. 117), что свидетельствует о пренебрежении к вопросам хронологии заимствований. На стр. 152 слово *капуста* производится из средневекового лат. *caputium* 'головка'. На самом деле процесс был гораздо сложнее и из одной упомянутой формы нельзя объяснить все славянские формы. Здесь предполагают скрещение **kupusta* < *compos(i)ta*, ср. серб. *кѹпус*, и **karus* < *caputium*, ср. словен. *kāpus*³².

В ряде случаев автор проходит мимо новых интересных гипотез и этимологий. Так, в перечне тюркизмов «Слова о полку Игореве» находим *харалугъ* 'булат, сталь' (стр. 154). Однако недавно высказано мнение, благосклонно принятое также видными тюркологами, что упомянутое слово не является тюркским. Др.-русск. *харалугъ* объясняют из др.-в.-нем. *car(a)l-ung/-ing*, т. е. *Каролинги, каролингский*³³. Таким образом, *харалугъ*, собственно, 'франкский меч', ср. находки соответствующих мечей в раскопках эпохи Киевской Руси³⁴. Слово *табор* упоминается среди новых слов, как «известное не только у нас, но и в чешском языке: *tabor*...» (П. Я. Черных, стр. 223). Между тем это международное европейское слово восходит к чешскому новообразованию гуситской эпохи, которое проделало в чешском семантическое развитие 'гора Фавор' (библейск. лат. *Thabor*) > 'укрепленный лагерь' > 'лагерь' и в последнем значении было принято в различные европейские языки³⁵. Нельзя упрекнуть автора в излишней точности его утверждения о слове *артель* на стр. 211: «Первоисточник этого слова, возможно, итальянское *artiere* — работники, как и в западно-европейских языках» (?). Автор считает, что слово *мамонт*, являющееся, как известно, одним из русских элементов международной научной терминологии, попало в западноевропейские языки книжным путем из сочинений акад. Бэра (стр. 41). Однако существует мнение, что это слово пущено в научный обиход еще грамматикой Лудольфа в 1696 г.³⁶ Слово *вагон* заимствовано не из нем. *Wagen* (стр. 234),

³¹ Ср. у J. Kalima (Указ. соч., стр. 187—188) из западнофинских; ср. фин. *purje*, кар. *purjeh*, вепс. *pufeh*, эст. *puſje*.

³² E. Bernker. *Slavisches etymologisches Wörterbuch*, Bd. I. Heidelberg, 1924 (2-е неизмененное издание), стр. 486.

³³ M. Szeftel, R. Jakobson в сб. «La Geste du prince Igor». New York, 1948.

³⁴ См. об этом в работах: A. Zajaczkowski. *Związki językowe połowiecko-słowiańskie*, Wrocław, 1949, 53; Karl H. Menges. *The Oriental Elements in the Vocabulary of the Oldest Russian Epos, The Igor' Tale*, New York, 1951: *харалугъ*. Ценность этой великолепной этимологии повышается ввиду упомянутых свидетельств археологических находок. Фонетическая сторона этимологии *caralung* > *харалугъ* безукоризненна; можно только, в порядке уточнения, заметить, что источником древнерусского слова была скорее форма *charalung*, ср. *Charal/Caral* 'Карл' с результатом верхнемецкого передвижения согласных, что лучше объясняет начало древнерусского слова.

³⁵ Подробнее см. В. Havránek. *Původ slova tábor «lezení»*. «Naše řeč», 38, 1955, стр. 2—12.

³⁶ K. Lokotsch. *Etymologisches Wörterbuch der europäischen (germanischen, romanischen und slawischen) Wörter orientalischen Ursprungs*. Heidelberg, 1927, стр. 110.

а из французской формы *wagon*, которая восходит уже непосредственно к немецкому. Нем. *Wagen* 'воз; повозка, карета; автомашина', кстати, не имеет значения 'вагон'. С этим значением в немецком употребляется *Waggōn*, вторичное заимствование из французского.

Рассмотрим далее ряд этимологий, обсуждаемых или принятых автором.

На стр. 13: нем. *Raure* < **rūra*; нужно — герм. **rūra*, т. е. и.-е. **rūba*, иначе приводимое здесь сопоставление с русск. *рыба* неполно. На стр. 13—14: «*торговать*, не могло существовать испокон веков, оно могло возникнуть лишь на определенном этапе развития первобытного общества». Такая общая и к тому же не совсем точная формулировка мало что дает. Интереснее было бы попытаться осветить историю самого слова. Ведь *trgovati*, несомненно, является одним из древних слов славянского языка. Его известное единственное значение, возможно, сменило какое-то более древнее значение. Какое именно — трудно решить. Возможно, имеется этимологическая связь со слав. **trg-* 'дергать, рвать'. Тогда термин «торговать» мог развиться из первоначального названия конкретного действия. В общем этимология *trgovati* неизвестна. Возможно, это отыменный глагол: *trgov-ati* < *trgu-s*, ср. лит. *tuřgus* (соответствующего глагола в литовском нет). Предполагают также, что *trgъ* заимствовано, хотя возможный источник не установлен: называют сканд. *torg*³⁷, иллир. *terg-*, ср. *Tergeste* 'Триест'³⁸.

П. Я. Черных считает, что слово *дѣва* совершенно чуждо другим индоевропейским языкам по корню (стр. 26), но ср. общеизвестное сближение слав. *děva*: лат. *femina*: греч. θήλυς < и.-е. **dhei* — 'кормить (грудью)'. Мотивировка отдельных выводов автора носит иногда несколько загадочный характер. Он считает, что слово *лес*, «как свидетельствует сравнительная грамматика индоевропейских языков», значило первоначально «потайное место», «место, где можно укрыться от врага», «убежище» (стр. 13). Но сравнительная грамматика свидетельствует как раз о другом: слав. *lěsz* сопоставляется с др.-сакс. *lēs lēswe* 'луг', с дальнейшим развитием значения — алб. *l'is* 'дерево, дуб'³⁹, причем предполагается семантическое развитие 'низкое место' > 'лес, покрывающий низкое место', ср. аналогично лтш. *duĩbrs* (и родств.) 'болото' > 'лес в низменных местах (обычно из дубов)' > слав. *dǫbъ, дуб*⁴⁰.

Автор считает возможным сравнить вторую часть слова *человѣкъ* (стр. 27) с санскр. *vākti* 'говорит', *vāk-* 'голос, слово, речь', лат. *vox*, тут же предлагая отнести к лит. *vaikas* 'дитя', а также лит. (s)*vėikas* 'здоровый'. В итоге он предлагает на выбор ряд древних значений *čelovĕkъ*: 'существо (голова) говорящее', или 'обладающий полной силой', или даже 'рабочая, челядь сила'. Почему не названа наиболее вероятная гипотеза: *čelo-vĕkъ* родственно *čeljadь* и лит. *vaikas-* 'отпрыск, дитя рода'?⁴¹. В слав. *xotъ* 'супруг, супруга' предполагается без достаточного основания «очень ранний тюркизм, аваризм» (стр. 29, сноски 1). И.-е. **pater*, лат. *pater*, которое обычно производят из *pa-*,

³⁷ Отрицательную оценку этого см.: Clara Thögnqvist. Указ. соч., стр. 5, 261—264; там же литература.

³⁸ P. Kretschmer. Einleitung in die Geschichte der griechischen Sprache, стр. 253.

³⁹ E. Berneker. Указ. словарь, т. I, стр. 713.

⁴⁰ A. Vaillant. RĚS, t. 24, 1934, стр. 224.

⁴¹ См. H. Zimmer. AfslPh. Bd. II, 1877, стр. 346—348, в последнее время: K. Moszyński. Uwagi do 2. zeszytu «Słownika etymologicznego języka polskiego» Fr. Sławskiego. «Język polski», t. XXXIII, 1953, № 5, стр. 352 и след.

ср. *mā-ter*, автор объясняет из **rōt-: *rāt-* (стр. 30). В слове *дочь* обнаруживается корень **dhught-* 'доить, сосать' (стр. 34). Совершенно неясно, что это за глагольная основа с невозможной индоевропейской формой **dhught-*; здесь *-t-* произвольно отрывается от известного именного форманта *-ter*. На стр. 32 слав. *teta*, др.-русск. *тетка* сравниваются с греч. *tēthē*, причем, видимо, упускается из виду, что греч. *tēthē* восходит через диссимилиацию к **dhēdhē*: слав. *dědъ*. Затем следуют еще более странные сопоставления слав. *teta* с лат. *tanta* (?!), франц. *tante* (sic!), нем. *Tante*. Известно, что франц. *tante* происходит из более старого *ante* < лат. *amīta* 'тетка, сестра отца' и, таким образом, не имеет ничего общего со славянским словом⁴². Лат. *tanta* вообще никогда не существовало, а нем. *Tante* довольно свежее заимствование из французского.

Маловероятно подобно сближение слов *мека*, *мечка* 'медведь' и *мекать*, *смекаать*, *намекаать* (стр. 40). Вероятнее будет видеть в названных глаголах корень **тък-*, сюда же, возможно, польск. *parotknąć* 'намекнуть', ср. также *мечта*, ст.-сл. *мьчѣтъ* 'призрак, видение', 'мерцание'⁴³. На стр. 43 встречаем странное сравнение др.-р. *орь*, чешск. *oř* и англ. *horse*.

Известные этимологические словари не указывают ничего подобного⁴⁴. Сопоставления *орь* за пределами славянских языков как будто не дают ничего для выяснения его этимологии. Возможно, это отглагольное имя, аналогичное лит. *arklỹs* (< *arti* 'пахать') 'лошадь'. В лит. *gegužė* 'кукушка' автор определяет «удвоенный корень *geg*» (стр. 47); на самом деле мы имеем здесь частичную редупликацию *ge-guž-* корня *guž-*, известного в других названиях птиц: лит. *gūžas* 'аист', сюда же польск. *giez* 'овод', др.-русск. *зегзица*, которое надо понимать как *зе-гъз-ица* < **ge-gъz-* (*жегъз-*). Русск. *щука*, польск. *szczipak* автор пытается объяснить из глагола *щунать* (стр. 48). Названия рыбы восходят, вероятно, к **skeu-k-*, **skeu-p-* 'острое', ср. особенности щуки. Русск. *щунать* представляет, возможно, самостоятельную форму от упомянутого корня: 'прикасаться кончиками пальцев' < 'кончик, острое'. Можно также назвать этимологию Г. Нойхаузер: *щука* < **steig-* 'острие'⁴⁵, но она наталкивается на фонетические трудности. В слове *желѣзо* автор считает непонятным наличие *ж* (стр. 53), хотя сравнения с лит. *geležis*, греч. *χαλκός* достаточно, чтобы обосновать здесь наличие велярного **gh*, которое другого звука в славянском не могло дать. Слав. *měsęcь* не дает основания выводить и.-е. **mēs-n-* и видеть в лат. *mensis* метатезу *n-s* (стр. 53). Полсжение как раз обратное: индоевропейская основа на согласный **me-n-* (греч. *μήν*, лит. *mėnuo*, нем. *Mond*) была затем преобразована в славянском. Греч. *νέφος* сравнивается не с лат. *nebula*, а с *nūbēs* (стр. 55). Такие сопоставления, очевидно, не могут служить примером учета звуковых закономерностей. Слав. *сыръ* почему-то сравнивается с лат. *serpens* 'змея' (стр. 59). *Пахать* 'обрабатывать землю' неоправданно отрывается от русск. диал. *пахать* 'мести', *рукопашный* (стр. 59). На стр. 60: «ячмы (с корнем *яч* из *ак* —

⁴² A. Dauzat. Dictionnaire étymologique de la langue française. Paris, 1938, стр. 699; O. Blochet W. von Wartburg. Dictionnaire étymologique de la langue française, 2e éd. Paris, 1950, стр. 594.

⁴³ См. далее N. van Wijk. Ksl. *тъсѣтъ*. AfslPh, Bd. 41, 1927, стр. 155—156.

⁴⁴ См. соответственно F. Kluge. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. Изд. 11, 1934, стр. 487; W. Skeat. A Concise Etymological Dictionary of the English Language. Oxford, 1936, стр. 246.

⁴⁵ См. «Wiener slavistisches Jahrbuch», Bd. I, 1950, стр. 111.

срв.: лат. *acus* — мякина — и с непонятным м...». Лат. *acus* восходит только к и.-е. **ak-*, **ak-* 'острое', и слав. *ječьtu* < **rk-* обычно отделяется от лат. *acus* и родств⁴⁶. Хорошую этимологию предложил для слав. *ječьten-* В. Махек, объяснив его из **ank-* 'гнуть', сюда же ст.-сл. *жкоть*, *пажькъ*, ср. свойство колосьев ячменя пригибаться к земле при созревании⁴⁷. Суффикс *-ten-* сам по себе вряд ли может у кого-нибудь вызвать сомнение. Курьезное сопоставление *proso*: греч. *πράσον* 'лук' (стр. 60) является не иначе как результатом несколько поспешной справки у Преображенского⁴⁸, который ставит их рядом, но правильно заключает, что *πράσον*, лат. *porrum* сюда не относятся. Действительно, странно было бы сравнивать общеслав. *proso* с греч. *πράσον*, лат. *porrum*, которые происходят из **rysom*⁴⁹. Автор допускает, в очевидном противоречии с фактами, связь слова *горшок* с *горсть* (стр. 69), в то время как достоверна только связь со слав. *гъръть* 'горн'. Автор совершенно серьезно ищет (стр. 70) для слова *виноград* «восточнославянскую» огласовку *виногород* и обеспокоен ее отсутствием в говорах и памятниках. Известен, однако, общеславянский характер формы *gradъ* (из **grā-* или **grō-*). На стр. 84 нужно указать, что укр. *місто*, польск. *miasto* 'город' являются калькой нем. *Stadt* 'город', ср. графический вариант того же слова нем. *Statt*, *Stätte* 'место'. Там же (сноска 3) автор склонен, видимо, считать слово *мещане* русским образованием, в то время как оно заимствовано из польск. *mieszczanin* 'горожанин'⁵⁰.

Для слова *сапог* автор сообщает старую этимологию Ильинского и Преображенского: из *con-ог* к *conъти*, с первоначальным значением 'трубка, желоб' (стр. 77). Это вызывает некоторые сомнения. Отглагольное производное **con-ог* имеет довольно необычный вид. Было бы трудно указать аналогичные образования. У нас нет оснований принимать эволюцию, предполагаемую автором: *conухъ* > *conoухъ* > *conoг/сапог* (там же). Что касается суффикса *-(о)г*, то нет также никаких оснований считать его сколько-нибудь продуктивным при образовании отглагольных имен в позднюю эпоху отдельной жизни восточнославянской группы. Это довольно существенное обстоятельство, поскольку слово *сапог* известно только в русском языке. Древность значения 'трубка, желоб' ничем не доказывается. Так, один из первых примеров — в Остромировом евангелии — указывает, напротив, для *сапогъ* значение 'сапог' (ср. у П. Я. Черных, стр. 76). В этой связи не лишним интереса представляется предположение о заимствовании данного слова из тюркских языков. К. Г. Менгес, указывая на то, что русск. *сапог* лишено индоевропейской и славянской этимологии, высказывает мысль об алтайском происхождении слова, ср. тунг. *sa-бу*, *sabu* 'башмак, туфель'. Он исходит при этом из др.-тюрк. **sap-a-γ*, **sap-γγ*, **sap-γγ*, отглагольное имя от *sap-a-* 'работать с инструментом, орудием' или *sap-* 'вставлять', ср. казанск.-тат. *baš sapqan itik* (сохраняем транскрипцию автора) 'башмак с подбитым задником'⁵¹.

⁴⁶ E. Verneker. Указ. словарь, I, стр. 268.

⁴⁷ V. Machek. Tři jména rostlin. «Listy filologické», 63, seš. 2, 1936, стр. 131—132.

⁴⁸ А. Преображенский. Этимологический словарь русского языка, II, стр. 132.

⁴⁹ О последних см. J. Kuryłowicz. L'apophonie en indo-européen, Wrocław, 1956, стр. 181.

⁵⁰ См. А. Brückner. Słownik etymologiczny języka polskiego. Kraków, 1927, стр. 330.

⁵¹ K. H. Menges. The Oriental Elements in the Vocabulary of the Oldest Russian Epos. The Jgor' Tale. New York, 1951, стр. 46—47.

На стр. 84 путанно излагаются значения др.-русск. *городъ*, причем предполагается даже значение 'какое-то (передвижное) военное сооружение', так в 1-й Новгородской летописи, о битве при Калке: «*бѣ бо мѣсто каменисто, и ту угоши (!)*⁵² *город около себе в колѣхъ...*» (по Син. сп., под 6732 г.). Разумеется, здесь обычное для того времени значение 'ограда': 'ограда из телег'.

Слав. *sъmьrtь*, *meri* объединяются со словом *more* как происходящие от общего корня и.-е. **mer-* 'дробить' (стр. 89). Было бы излишне доказывать беспочвенность этого, поэтому ограничимся ссылкой на соответствующие места словаря А. Вальде—Ю. Покорного: **mer-* 'умирать' (II, стр. 276), **mer-* 'дробить' (там же, отдельно), **marī* 'море' (II, стр. 234).

Имя богини *Мокошь*, *Мокъшь* автор неправильно связывает с лит. *mėksti* 'вязать' на том основании, что это богиня любви и рукоделия (стр. 93). Во-первых, нужно исходить только из формы корня *mezg-/mazg-*, так как форма *mėksti* не характерна, содержит метатезу и позиционное изменение звуков (ассимиляция глухому). В славянском к лит. *mezg-/mazg-* 'вязать узел', очевидно, близко по происхождению русск. (стар. и диал.) *лизгирь* 'паук' < **mėzgyřь*, ср. также его значение⁵³. В целом этот корень плохо сохранился в славянском. С именем *Мокошь* он не имеет ничего общего. *Мокошь* объясняют из слав. *tokrь* 'мокрый' как богиню плсдородия⁵⁴.

Мнение о том, что *кови* представляет производное от *ковать* (стр. 96), конечно, надо оставить, ввиду его невероятности в фонетическом и словообразовательном отношении. Слово, по-видимому, заимствовано из литовского: *káušas* 'череп, черепок'⁵⁵. Слово *смуглый* не предполагает исходной формы с носовым вокализмом *smogľь* (стр. 96), образования вроде польск. диал. *smąg* объясняются местной вторичной назализацией⁵⁶. Скорее формы русск. *смуглый*: укр. *смаглый*, др.-русск. *смага* находятся в том же закономерном отношении, в каком находятся ст.-сл. *тунь*: польск. *tani* 'дешевый'; *хмура*: *хмара*, т. е. *ū*: *ā*⁵⁷. В др.-русск. *смягльный*, *смяглый* мы имеем, по-видимому, неорганическое смягчение, носящее экспрессивный характер.

Сомнительно толкование псковск. диал. *тутяга* 'кожаная запона или ремень' из др.-русск. *тяго*, род. пад. *тяжесе* 'ремень' через неполное удвоение корня: **тетѣга* (стр. 106).

П. Я. Черных представляет в своей книге (стр. 106) известную точку зрения, согласно которой название Москвы восходит к слову со значением 'влага' с корнем *mosk-/mozg-*. Еще Г. А. Ильинский⁵⁸

⁵² Знак (!) после глагола *угоши* принадлежит автору и означает, надо полагать, загадочный характер формы, что лишено всяких оснований. Известен древнерусский и старославянский глагол *угоштити* 'устроить, соорудить', который может быть правдоподобно истолкован как экспрессивная сокращенная форма от *готовити*. И. И. Срезневский. Материал для словаря древнерусского языка по письменным памятникам, т. III. СПб., 1912, стр. 1140; А. Вгückner. Etymologische Glossen. KZ, Bd. 43, 1910, 307.

⁵³ См. М. V a s m e r. Russisches etymologisches Wörterbuch. Bd. II, стр. 133.

⁵⁴ V. M a c h e k. Essai comparatif sur la mythologie slave. RÉS, t. XXIII, 1947, стр. 55 и след.

⁵⁵ М. V a s m e r. Указ. соч.: *кови*.

⁵⁶ См. Fr. S ł a w s k i. Oboczność *o*: *u* w językach słowiańskich. «Slavia Occidentalis», t. 18. 1947, стр. 270.

⁵⁷ О последних примерах см. J. J. M i k k o l a. Urslavische Grammatik, I Teil. Heidelberg, 1913, стр. 107.

⁵⁸ ИОРЯС, т. XVI, 1922, стр. 601—604; ср. ZfslPh, Bd. IV, 1928, H. 1/2.

сближал *Москы, род Москъве со слав. *mozg-, лит. *mazgōti* 'мыть', лат. *mergere* 'погружать', *Mozgawa* (река в Малой Польше), а также польск. *moszcz* 'плодовый сок', русск. *москоть* 'красильные товары'. Совершенно аналогично, с привлечением тех же слов, толковал *Москы, Москъве Т. Лер-Сплавинский⁵⁹.

Автор рецензируемой нами книги неоднократно обращался в своих исследованиях к этому названию⁶⁰.

Следует, однако, отметить, что материал этой этимологии нуждается в проверке. Известно, что польск. *moszcz* представляет собой несомненное заимствование из латинского (*mustum*) или немецкого (*Most* 'виноградное сусло, сидр')⁶¹. Значит, искать в польск. *moszcz* основу *mosk-j* не имеет смысла. Несомненное заимствование имеем мы в русск. *москоть*⁶². Таким образом, если даже учитывать слвц. *moskva* 'недосушенный хлеб' (см. указанные работы Г. А. Ильинского), вариант **mosk-* представлен в славянском весьма слабо. Само собой разумеется, сюда не относится курск. диал. *мощевать* 'плакать, тосковать, особенно по умершим', как полагает П. Я. Черных (*мощевать*, очевидно, связано с *мощи*, ср. и значение). Остаются западнопольские названия рек *Moskawa*, *Mozgawa*, весьма двусмысленные по происхождению и расположенные, кстати, в области возможных топонимических германизмов (см., например, карту при цит. книге Т. Лер-Сплавинского). Двусмысленность польского гидронима *Moskawa/Mozgawa* выражается в том, что он может быть также объяснен из герм. **Maskahwa*, **Mazgahwa* с *ahwa* 'вода, река' во второй части, ср. *Scinawa* в Силезии из герм. **stinahwa* 'каменная река', современное нем. *Steinau*⁶³. Привлечение этих названий не может, тем самым, служить надежным аргументом при объяснении русск. *Москва*. С другой стороны, древней форме русского названия **Москы* очень близки финские местные названия вроде *Masku*, которые могли лечь в основу русского названия (см. словарь М. Фасмера).

Именно бассейн р. Москвы и смежные области содержат финские гидронимы, см. карту при книге Т. Лер-Сплавинского, ср. *Сиверка*, правый приток р. Москвы (там же, 85).

На стр. 116 допускается смешение слав. *gnęto*, *гнѣтъ* 'давить' и др.-русск. *гнѣщѣ* 'разжигать', причем П. Я. Черных видит здесь один глагол *гнѣтити*, *гнѣсти*, 'высекать, разжигать', который развил якобы значение 'давить' только в сложении с *у-*. Это противоречит ряду известных фактов, ср. хотя бы соответствующие места у А. Преображенского (I, стр. 131, 134). Упускаются из виду достоверные соответствия, говорящие о древности значения 'давить' у глагола *gnęto*; ср. др.-в.-нем. *knetan* 'месить, топтать'. Автора, видимо, ввел в заблуждение *ѣ* в корне *уgnѣтити*, но это лишь удлинение корневого гласного в дуративной глагольной форме *уgnѣтити*: *гнѣтъ* (ср. *принѣ-*

⁵⁹ См. его книгу «O pochodzeniu i praojczyźnie Słowian». Poznań, 1946, стр. 78—79.

⁶⁰ П. Я. Черных. Две заметки по истории русского языка. 1. «К вопросу о происхождении имени «Москва». Известия АН СССР, ОЛЯ, 1950, т. IX, вып. 5, стр. 393—398; его же. О некоторых старых названиях рек. «Мовознавство», 1957, т. XIV.

⁶¹ А. Brückner. Słownik etymologiczny języka polskiego, стр. 344—345; V. Kiparsky. Указ. соч., стр. 116—117.

⁶² См. К. Lokotsch. Указ. соч., стр. 122; М. Vasmer. Указ. соч., Bd. II, стр. 162.

⁶³ О последнем слове см. Т. Lehrg-Spławiński. Указ. соч., стр. 81.

кати: пекж), независимое, по-видимому, от гнѣтити 'разжигать' и родств.

В один ряд со словами *peďь*, *peĭi*, *pođiti* автор ставит слав. *spodъ* 'сосуд для жидких и сыпучих тел, служивший мерой' (стр. 131). На истории последнего слова остановимся несколько подробнее. Сюда относятся ст.-сл. *спждъ*, др.-русск. *спудъ*, польск. *spqd*, *szpqd*, чешск. *sroud* с близкими значениями. Еще Таммом был поставлен вопрос о заимствовании слова из германских языков, ср. др.-швед. *spander*, швед. *spann* 'ведро', однако в последующее время против этого объяснения выдвигались возражения. Высказывалось мнение об исконно славянском характере слова⁶⁴. Но уже колебания фонетической формы — и среди них такие недвусмысленные, как польск. *spqd/szpqd* — оправдывают постановку вопроса о заимствовании. Славянским словам очень близки по форме и значению слова германских языков, ср., кроме упомянутых, др.-сканд. *spann*, дат.-норв. *spand*, ср.-н.-нем. *span* 'деревянный сосуд'. В свете вышеизложенного трудно говорить в данном случае об исконном родстве. Заимствование из славянского в германский (о чем в форме предположения говорится в названной работе Кипарского) все-таки маловероятно вследствие наличия указаний на исконность германского слова. Ср. аблаут *spann*: *spinnen* < и.-е. *(s)pen- 'вязать, натягивать'. В славянском исконно родственны этим словам формы *ръпѣ*, *peĭi*, без *s* подвижного. Таким образом, если в германском указанные слова связаны четкими морфологическими отношениями с другими словами, то в славянском форма *spodъ* стоит совершенно изолированно в морфологическом и словообразовательном отношении. Более того, из справок ясно, что герм. *spann* означало особый сосуд, например деревянный⁶⁵, который, следовательно, был связан, стянут из клепок, что подтверждается и словообразовательными связями. Этимология *spann* может быть, как видно, установлена на германской почве. Поэтому мы считаем возможным заимствование славянского слова из германского, причем реальнее всего — из немецкого, так как заимствование из скандинавских менее вероятно ввиду широкого распространения заимствования в большинстве славянских языков. Вариант польск. *szpqd*, наряду со *spqd*, представляет, возможно, вторичное заимствование из того же источника. Что касается фонетической стороны заимствования, то вполне вероятно нем. *Spann* > слав. **spond-* > *spodъ* в порядке субституции долгого согласного *nn* сочетанием со смычным (*nd*) в славянском. Случаи субституции долгих согласных упомянутыми сочетаниями при заимствовании известны в славянском достаточно хорошо: нем. *Damm* > русск. *дамба*, нем. *Stamm* 'ствол' > русск. *штамб*, ср. известные штамбовые розы. Аналогично в литовском: нем. *Kammer* > лит. *kambarys* 'комната'. Для нашего случая очень ценно указание П. Кречмера о заимствовании нем. *Spann* в литовский в форме (жемайт.) *spandis*⁶⁶. Этот пример уже вплотную подводит нас к возможности передачи нем. *Spann* через слав. *spodъ*. Таким образом, не совсем прав. В. Кипарский, утверждая, что герм. *spann* дало бы только слав. **sponъ*⁶⁷. Из более свежих заимствований сюда же относится русский сапожничий термин *шпандырь* 'ремень для придерживания, натягивания', вероятно, из

⁶⁴ См. V. Kiparsky. Указ. соч., стр. 84—85; Clara Thörnqvist. Указ. соч., стр. 202, где и дана литература.

⁶⁵ V. Kiparsky. Указ. соч., там же.

⁶⁶ См. P. Kretschmer. KZ, Bd. 57, 1930, стр. 254, сноска 1.

⁶⁷ V. Kiparsky. Указ. соч., стр. 84—85.

отглагольного существительного нем. *Spanner* 'то, чем натягивают', тоже с упомянутой субституцией *nn > nd*.

О возможности заимствования *spann > spōdъ* говорит и их принадлежность как названий мер к названиям торгового обихода, среди которых в русском языке и в других славянских вообще много заимствований.

На стр. 139, разбирая древнерусские названия месяцев, автор приходит к выводу, что наиболее трудным среди них в этимологическом отношении является *рюинъ* 'сентябрь'. Он сближает его с *рюти* 'реветь' и *рютие* 'шипение', причем готов даже видеть здесь намек на шум дождя в ненастную погоду. Все это только вносит ненужную гадательность в совершенно ясный вопрос об этимологии слав. *гъюжьнь*, которое действительно связано с глаголом *гъюти* 'реветь', но не прямо, а посредством особого термина слав. *гъюжа* 'течка у животных'. Следовательно, *гъюжьнь* 'месяц течки' получает объяснение как важный в хозяйственном отношении период. Эти древние слова хорошо сохранил чешский, где связь между *říjen* 'октябрь' и *říje* 'течка (у оленей и других крупных животных)' еще довольно легко ощутима⁶⁸. Сюда же относится польск. *ruja* (<*rouja*) 'течка', лит. *rujà* 'течка, время течки', ср. лит. *rujōs mėnuo, rūjis* (Brunstmonat) 'September'⁶⁹. В словаре Преображенского слово *рюинъ* пропущено. Возможно, сюда же слав. *гъвьнь*, *гъвьность*, *ревность* (первоначально 'возбуждение при течке?'), иначе толкует это Преображенский (т. II, стр. 191—192).

На стр. 164 в слове *пошлина* выделяется корень *ш: шед*. В каком плане можно выделить этот корень в названном слове? Ясно, что в синхроническом плане корнем слова является *пошлин-*, ср. *беспошлин-ный*, в то время как в диахроническом плане здесь можно говорить только о корне *шъд*.

Весьма характерным является предлагаемый автором семантический анализ слова *труд* (стр. 171). Ссылаясь на выражение *с трудом* 'с горечью, с отравой' в «Слове о полку Игореве», автор поясняет: «В дофеодальном обществе физический труд был уделом рабов, это был подневольный труд. Отсюда труд — 'горечь', 'горе', 'скорбь'; трудный — скорбный...». Заметим, что на одной лишь констатации того известного факта, что труд некогда был зазорным и тяжелым бременем, еще нельзя основывать серьезные лингвистические выводы. Достоверная этимология говорит как раз об обратном развитии значения. Славянские языки имеют две древние формы **trqđъ* и **trudъ*, которые через различные расширения **tr-end-* и **tr-eud-* восходят к одному корню и.-е. **ter-* 'тереть'. Имеются в виду два ряда слов: ст.-сл. *трѣдъ* 'о разных болезнях', словен. *trōd*, польск. *trąd* 'проказа' || ст.-сл. *трудъ*, польск. *trud*, болг. *трѣдна (жена)* 'беременная'. Общеслав. **trqđъ* непосредственно примыкает к лит. *trėndu, trėndėti* 'быть разъеденным, разъедаемым молью, насекомыми', *trandė, trandis* 'червь, насекомое', лтш. *trūdi* 'гниль, труха', др.-инд. *trñātti* 'просверливает, отделяет'. Общеслав. **trudъ* связано с др.-в.-нем. *urdrioz* 'горе, печаль', лат. *trūdo, trudere* 'толкать', гот. *uspriutan* 'отягощать'. Сюда же

⁶⁸ Ср. F. Trávníček. Slovník jazyka českého, 4. vyd., Praha, 1952, стр. 1366; J. Holub, Fr. Kopečný. Etymologický slovník jazyka českého. Praha, 1952, стр. 324.

⁶⁹ A. Leskien. Die Bildung der Nomina im Litauischen. Leipzig, 1891, стр. 304.

(к **trgdъ*) относится славянская разновидность **trgt-* в русск. *тпру-мень*, ср. лит. *trānas*, лтш. *tranis* с тем же значением⁷⁰.

Количество относящихся сюда примеров может быть увеличено: русск. *тпрут*, диал. *тпруйтъ* 'жать, давить' (В. И. Даль. Изд. 2, т. IV, стр. 438), ср. польск. *trącić* 'толкать, пихать'. Сравнительный анализ всех этих значений показывает их развитие из значения исходного и.-е. *ter-* 'тереть': 'тереть' > 'разъедать'; 'тереть' > 'жать', 'давить', 'отягощать'. Значение 'труд, работа' находит свое место в ряде этих вторичных значений.

Др.-русс. *тпруястѣкъ* 'обезьяна', по памятникам с XI в., автор считает загадочным (стр. 41). Это слово находит достоверное объяснение из слав. *trь-pest-ькъ*, собственно 'существо ростом в три пясти', ср. др.-чешск. *třpastlek*, *třpaslek*, чешск. *trpaslík* 'карлик'⁷¹. Образовано аналогично другим таким названиям, вроде чеш. *pídímuzí* (собственно 'человек, ростом в одну пядь', 'мальчик-с-пальчик') и относилось первоначально только к карликам, маленьким, человечкам, а на обезьяну, не известную ранее, перенесено позднее, что естественно в подобных случаях.

Автор уверен, что русск. диал. *ятреб* 'желудок' (Болховский уезд) представляет собой испорченное *ятровь*, *ятры*, *ятрѣе*, ст.-сл. *ѡтры* (стр. 179). Странное заключение, поскольку известно, что ст.-сл. *ѡтры* и родств. (с аналогичным развитием *u-* основы; ср. слав. *zъly*, *svекry*) продолжает только и.-е. **ijenater* и является древним термином родства: 'жена брата', в то время как чешск. *játra*, русск. *ятроба* продолжают слав. *otr-*, *etr-* 'внутренний'. Что касается диал. *ятреб*, то его тесная связь со словом *ятроба*, вплоть до суффикса, несомненна.

На стр. 182 указывается на невозможность объяснять *ѡтъка* < *ѡта*, потому что «такого слова как раз не существовало». Вывод не очень осторожный и его еще не оправдывает то обстоятельство, что *ѡта* не засвидетельствовано в древнерусской письменности. Ср. укр. *ѡта* 'ветвь'⁷².

Довольно подробно автор занимается историей и этимологией слова *очень* (стр. 190—192). Это чисто русское, следовательно, сравнительно позднее образование не имеет достоверного объяснения. Настаивая на древности формы *очунь*, *очюнь* (возможно, от сев.-русс. *очунеть* 'прийти в чувство'), автор прибегает к объяснению довольно сложной ассимиляцией *очунь* > *очонь* > *очень*. Заметим, что прогрессивная ассимиляция встречается довольно редко. Автор мог бы воспользоваться статьей А. Мазона, где обобщаются относящиеся сюда материалы, причем *очень* объясняется как наречие от *око*, *очюнь*, вслед за Р. Брандтом, с вокализацией *ь* — *ѡченно*, с первоначальным значением 'явно'. Форму *очунь* А. Мазон затрудняется объяснить категорически, предполагая здесь, между прочим, участие народной этимологии. Иначе трудно объяснить *очень* из *очунь* или обратно. Трудно сказать, какой тип старше, так как памятники не дают на это указаний⁷³.

⁷⁰ Fr. Sławski. Oboczność *o: u* w językach słowiańskich. «Slavia Occidentalis», t. 18, 1947, стр. 256, 286, где дана и остальная литература.

⁷¹ Так, о последнем см. J. Holub, Fr. Koreň. Указ. соч., стр. 391.

⁷² Б. Д. Гринченко. Словарь украинского языка, т. I. Киев, 1907, стр. 241.

⁷³ А. Мазон. Russe *очень* «très, trop» < «manifestement» et «fortement». RÉS, t. XXIII, 1947, стр. 146—150; там же отводится малодоказуемое объяснение Г. А. Ильинского: *очень* < *от-чень* 'несравненно', ср. ст.-сл. *тъкъ*, *тъкъмъ* 'равный'.

Для слов *ружье*, *оружие* автор предполагает первоначальное значение 'ругань', 'брань' на основании сближения с *ругать*, ст.-сл. *р҃ж҃чь* 'ругательство', польск. *uragać*, с последующей контаминацией с *орудие* (стр. 220). Предположение о контаминации не является убедительным. Точно так же нет никаких оснований предполагать для *оружие* древнее значение 'ругань'. Больше пользы для выяснения истории и этимологии слова принес бы учет всех родственных образований, в первую очередь близких лит. *ap-reñgti* 'одевать, снаряжать', *āpranga* 'снаряжение'⁷⁴.

Упомянув др.-русск. *хуса* 'набег', *хусарь* 'морской разбойник' в Хождении игумена Даниила (см. стр. 221), автор совершенно не указывает на историю этого слова: через польск. *hąsa*, *hąsba* из нем. *Hansa* 'Ганза, немецкий торговый союз на Северном и Балтийском морях'.

Наконец, в объяснении русск. *оселок* 'точильный камень' и родств., предлагаемом автором на стр. 227—228, игнорирование современной научной литературы носит совершенно непонятный характер. Так, упомянутое слово он роднит с общеслав. *osъль*, 'осел', открывая в ст.-сл. *осла*, *осьла* 'точильный камень'... старое название ослицы (!). Автор ориентируется при этом, по-видимому, на статью М. Шапиро⁷⁵, на которую он, впрочем, в тексте не ссылается. Не знаем, почему выбор автора пал на эту случайную, устарелую статью. Во всяком случае, даже ради простой информации, следовало сообщить более новую этимологию, согласно которой ст.-сл. *осла* рассматривается в ряду гетероклитических основ на *r/n/m/l/i/u* с корнем и.-е. **āk-* 'камень', 'острый'; ср. близкое арм. *aseĭn* 'игла'⁷⁶.

Приходится сожалеть, что в массе недоброкачественного материала попросту тонут отдельные верные мысли и толкования. Правдоподобно объяснение др.-р. *шеломя* («Слово о полку Игореве») < фин. *salmi*, *salmen*, т. е. 'пролив' (см. стр. 156). Удачно объяснено *ἀπαξ λεγόμενον* «Слова о полку Игореве»: *кнѣса*, род. ед. от **кнѣсь* < греч. *κνίσα* 'жирное кушанье', сюда же укр. *книш* 'изделие из теста', ср. известное смещение *ѣ* и *и* (стр. 173). Ср. также сопоставление др.-русск. *олѣкъ*, диал. *олек* 'подрезанный улей': *отълѣкъ*, греч. *λείπω* (и родств.) < **leik^h* 'оставлять' (стр. 179). История русск. *бросать* 'метать', др.-русск. *брѣсати* 'срывать; подбирать' хорошо иллюстрируется примерами из терминологии новгородских льноводов (стр. 186—188). Верно объяснение *улыбаться* < *лѣбъ* 'лоб, череп', т. е. первоначально 'скалить зубы, как череп' (стр. 188); это — экспрессивная, только русская замена старых глаголов со значением 'улыбаться'.

⁷⁴ Подробнее см. V. Mashek. Beiträge zum baltisch-slavischen Wörterbuch. ZfslPh, Bd. XVIII, H. 1, 1942, стр. 25—26.

⁷⁵ М. Шапиро. О происхождении слова «оселок». «Филологические записки». 1873, вып. III, стр. 1—10.

⁷⁶ Преображенский, т. I, стр. 661; Э. Бенвенист. Индоевропейское именное словообразование. М., 1955, стр. 29; А. Мейе. Общеславянский язык. М., 1951, стр. 111; J. Pokorny. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bern, 1949, стр. 18—19.

В. В. Иванов

WŁADYSŁAW KURASZKIEWICZ. ZARYS DIALEKTOLOGII
WSCHODNIOSŁOWIAŃSKIEJ Z WYBOREM TEKSTÓW
GWAROWYCH. WARSZAWA, 1954

Книга В. Курашкевича «Очерк восточнославянской диалектологии» представляет собой краткий учебник, предназначенный для студентов-филологов, и вместе с тем работу, которую прочтет с большой пользой для себя каждый, кто интересуется как вопросами диалектологии восточнославянских языков, так и вообще проблемами истории восточного славянства.

Книга В. Курашкевича построена в целом в традиционном плане, т. е. так, как написаны известные пособия по диалектологии русского, украинского и белорусского языков ряда наших отечественных и зарубежных ученых¹.

После краткого вступления, в котором автор приводит данные о территории распространения восточнославянских языков, о количестве населения, говорящего на этих языках, и др., В. Курашкевич переходит к последовательному рассмотрению особенностей, характеризующих восточнославянские языки в разных планах. Прежде всего автор останавливается на тех явлениях, которые в языковой структуре современных восточнославянских языков представляют собою диалектные черты праславянского языка и которые с давних пор определяют отдельные диалектные группы-предки различных славянских языков. Вместе с тем здесь рассматриваются и особенности, отличающие часто лишь одну из будущих групп славянских языков, но одновременно объединяющие между собою две остальные группы: автор указывает на различия в рефлексации общеславянских групп **kvě*, **gvě* и **tl*, **dl*, на изменение *h* в *s* по второй палатализации перед *i* и *ě* дифтонгического происхождения, на непоследовательность развития *l*-эпентетикум в славянских языках и некоторые другие явления. Описание всех этих особенностей дается кратко, но вполне четко и определенно. Правда, отдельные положения автора вызывают некоторые возражения, но в целом этот раздел книги можно считать удачным.

Далее автор более подробно описывает типично восточнославянские особенности, т. е. те явления, которые, по его мнению, развились у восточных славян после распада общеславянского единства и которые отличают восточнославянские языки от всех остальных славянских языков. К таким особенностям автор относит разноместное и подвижное ударение восточнославянских языков, утрату в них носовых уже в X в., развитие полногласия, возникновение сочетаний *op*, *ol*, *ep* на месте

¹ См., например, Е. Ф. Карский. Русская диалектология. Варшава, 1912.

общеславянских **t₂rt*, **t₂lt*, *t₂rt*, **t₂lt*, развитие сильных *ъ* и *ь* постоянно в *o* и *e*, изменение *e* в *o* после мягких согласных перед твердыми, переход **je* в *o* в начале слова, развитие *ч* и *ж* на месте **tj*, **dj*, **kt*, **gt*, а также появление ряда слов, характерных лишь для восточнославянских языков.

Однако если все эти особенности действительно можно считать типично восточнославянскими, то в то же время едва ли возможно предполагать, что все они развились в период после распада общеславянского единства, с одной стороны, и в период существования восточнославянской общности, как это, по-видимому, полагает автор, — с другой, т. е. в достаточно определенный доисторический период. Так, например, развитие сочетаний **tj* и **dj*, вероятно, надо отнести еще к периоду существования общеславянского единства и полагать, что различия в их рефлексации по разным славянским языковым группам связаны с диалектными различиями в общеславянском языке, т. е., иначе говоря, следует отнести эти явления к таким, как различная рефлексация **kvě*, **gvě*, **tl*, **dl* и т. п. К такому решению приводит тот факт, что судьба заднеязычных, сонорных, а также части переднеязычных с *j* оказалась одинаковой во всех славянских языках, и это именно может свидетельствовать об изменении их в ту эпоху, когда общеславянское единство еще существовало; различное же развитие сочетаний **tj* и **dj* (как, возможно, и губных с *j* не в начале слова), с этой точки зрения, говорит лишь об известной диалектальности данного явления. Ведь трудно предположить, что изменение сочетаний **tj* и **dj* проходило позднее, чем изменение иных сочетаний согласных с *j*, так как никакой принципиальной разницы между такими сочетаниями, как **kj* и **tj* или **gj* и **dj*, по-видимому, не было, и их изменение скорее всего шло параллельно. Во всяком случае, начало процесса этого изменения определенно относится к общеславянскому периоду.

С другой стороны, едва ли можно думать, что изменение *e* в *o* после мягких согласных перед твердыми проходило в тот же период восточнославянского единства, что, например, и утрата носовых. Известно, что возникновение перехода *e* в *o* как фонетического процесса относится к периоду после падения *ъ* и *ь*, т. е. не раньше, чем к концу XII— началу XIII в., когда уже наметился процесс распада общевосточнославянского языка. Поэтому-то, вероятно, данное изменение и охватило восточнославянские языки неравномерно, наименее проявившись в украинском.

Из всего сказанного можно сделать вывод, что автору следовало бы показать те или иные черты восточнославянских языков в исторической последовательности их возникновения и развития, т. е. начать с тех особенностей, которые одинаково проявились у всех восточных славян и именно в эпоху их единства², и окончить теми, которые, возникнув в более поздний период, по-разному отражаются в отдельных восточнославянских языках. К сожалению, автор не всегда учитывает относительную хронологию явлений, хотя если бы В. Курашкевич отнесся более

² Здесь важно всегда иметь в виду возможность возникновения того или иного явления как диалектного еще в общеславянском языке. Поэтому при решении этих вопросов требуется достаточная осторожность. Важно помнить, что возникновение одних явлений может быть с известной долей вероятности отнесено как к периоду общеславянского единства, так и к периоду, когда этого единства уже не существовало; возникновение же других явлений может быть приурочено только к периоду после распада общеславянского единства, к периоду существования восточнославянского языка-основы.

строго к ее требованиям, рассматриваемый раздел мог бы стать лучше и читатели получили бы возможность яснее представить себе необходимые процессы в развитии восточнославянских языков периода их единства.

Переходя далее к рассмотрению отдельных восточнославянских языков, В. Курашкевич останавливается на особенностях, характеризующих структуру литературных языков — русского, украинского и белорусского.

Однако заглавие этого раздела не совсем соответствует его содержанию. Внимательное чтение книги убеждает, что автор сравнивает не литературные, а общенародные восточнославянские языки, поимая под ними всю совокупность диалектных разновидностей этих языков. Именно этим объясняется введение в данный раздел материалов, почерпнутых из местных диалектов. В самом деле, рассматривая русский язык, В. Курашкевич указывает в области фонетики на характер образования звука *z*, аканье и оканье, произношение *oj, ej* на месте древних *ъj, ѣj*, мягкость *ч', р', т', д'* (как видно, эта черта нужна автору лишь для противопоставления украинскому и белорусскому языкам), на сохранение начального *и* и некоторые иные явления; среди морфологических особенностей — на произношение окончания родительного падежа единственного числа прилагательных и местоимений мужского и среднего рода, на сохранение *к, z, x* при склонении слов на эти согласные по всей парадигме, на формы именительного множественного с окончанием *-а* под ударением у имен существительных, формы местоимений типа *меня*, окончание формы 3 л. настоящего времени глаголов, возвратные глаголы на *-ся* и некоторые другие. Специально автор останавливается на характеристике типично русских слов, на наличии в словарном составе русского языка старославянских элементов, а также татарских и финских заимствований.

Уже в самом перечислении этих черт видно, что автор, как мы говорили, характеризует общенародный русский язык во всей совокупности его разновидностей, а не особенности только литературного языка. При этом одни особенности характеризуют все разновидности русского языка, другие — лишь отдельные его диалекты, третьи — литературный язык и сходные с ним по данным явлениям говоры. Вместе с тем описание особенностей русского языка последовательно сопровождается сравнением их с соответствующими особенностями общенародных украинского и белорусского языков. Удачно ли такое построение раздела?

Как известно, любой общенародный национальный язык потому и существует реально как единый язык, что в его структуре есть такие элементы в словаре, грамматике и фонетике, которые являются общими для всех носителей данного языка. Как бы язык ни был раздроблен диалектно, до тех пор, пока он существует как язык, такие общие элементы в нем всегда преобладают над диалектными. Эти общие элементы и составляют ту норму, которая господствует в языке и которая не позволяет его носителям удалиться от нее до такой степени, чтобы общение было нарушено. Поэтому сравнение языков может и должно вестись прежде всего по тем особенностям, которые отличают речь носителей одного языка от речи носителей другого языка, причем эти отличия должны касаться всех носителей данного языка, независимо от их диалектной принадлежности. С этой точки зрения, среди рассматриваемых В. Курашкевичем черт русского языка надо выделить те особенности, которые характеризуют язык всех его носителей и по которым этот язык противопоставляется украинскому и белорусскому языкам. К таким особенностям будут относиться различия в образовании *z* (*ʔ*) и *h*; *oj, ej* из *ъj, ѣj*; *po, lo, pe, le* на месте **trzt* и подобн. в слабых

положениях; сохранение начального безударного *и* и др. Вместе с тем в русском языке есть и такие особенности, которыми одни его диалекты отличаются от украинского и белорусского языков, а другие — не отличаются (ср., например, аканье и оканье). Наконец, можно было бы показать и те особенности, которыми один восточнославянский язык объединяется с другим каким-либо восточнославянским языком, но отличается от третьего. Поэтому автору надо было бы и более четко поставить задачу этого раздела, и яснее группировать сравниваемые языковые явления.

Иначе говоря, более удачным было бы такое построение данного раздела, при котором из многих особенностей каждого восточнославянского языка были бы выбраны наиболее отчетливо противопоставляющие один восточнославянский язык двум другим, или два каких-либо языка третьему, или, наконец, те, которые являются общими для отдельных диалектов разных языков. Это дало бы возможность, во-первых, увидеть действительные отличия этих языков, а во-вторых, дать все это в одном общем разделе книги, а не в трех, как это несколько неудачно сделано теперь.

Третий, пожалуй, наиболее обширный раздел книги В. Курашкевича посвящен рассмотрению особенностей диалектов каждого из восточнославянских языков, прежде всего диалектов русского языка. Описание явлений русских народных говоров дается В. Курашкевичем в традиционном плане характеристики северновеликорусского и южновеликорусского наречий, а также средневеликорусских говоров. Описывая северновеликорусское наречие, автор, в соответствии с группировкой МДК, называет пять групп этого наречия и перечисляет с достаточно подробным комментированием те явления в области фонетики, морфологии, синтаксиса и лексики, по наличию которых можно определить общий облик того или иного диалекта как северновеликорусского. Те особенности, которые присущи отдельным группам с.-в.-р. наречия, т. е. особенности, отличающие одну группу от другой, специально в книге не описываются. Но это не значит, что автор упускает из виду особенности такого рода: наоборот, при характеристике отдельных явлений В. Курашкевич всегда указывает степень распространенности их по отдельным диалектным группам. Точно так же дело обстоит и с описанием особенностей ю.-в.-р. наречия, где, указав на наличие в его пределах трех диалектных групп, автор специально не характеризует каждую из них, но отмечает степень распространенности отдельных явлений в той или иной группе. Не приходится говорить что-либо иное в данном плане и по отношению к описанию ср.-в.-р. говоров, данному в книге кратко и схематично. Впрочем, о подходе автора к ср.-в.-р. говорам надо сказать и особо.

Дело в том, что В. Курашкевич, характеризуя ср.-в.-р. говоры в целом и говоря о происхождении этих говоров, стоит в этом последнем вопросе на старой, традиционной точке зрения МДК. На стр. 46 своей книги он пишет: «Полоса средних (центральных, *środkowych*. — В. И.), или средневеликорусских, говоров образовалась таким образом, что на основу северного наречия (на *rodziżu pańszesza północnego*) наслоились языковые явления с юга». То же находим на стр. 64: «Иные северные особенности в среднем наречии также старше, чем особенности, соответствующие южному наречию; поэтому принимается, что переходное среднерусское наречие образовалось путем наслоения южных особенностей на северную основу говоров». Несмотря на то, что эта точка зрения была широко распространена и считалась общепринятой, в последнее десятилетие:

она подверглась основательной критике со стороны советских языковедов, в частности в работах проф. Р. И. Аванесова³. В настоящее время уже нельзя не признавать то, что, во-первых, если в современных ср.-в.-р. говорах наблюдается совмещение с.-в.-р. и ю.-в.-р. особенностей, то это еще не говорит о реальных путях складывания отдельных ср.-в.-р. говоров; и, во-вторых, вопрос о том, какой — северный или южный — говор был исконно распространен на той территории, где ныне наблюдается средневеликорусский, — этот вопрос может быть решен лишь при учете конкретно-исторических путей развития данного говора. В ряде последующих исследований было показано, что есть ср.-в.-р. говоры действительно с северной основой и южным наслоением и что вместе с тем есть ср.-в.-р. говоры с южной основой и ср.-в.-р. наслоением⁴. Думается, что если В. Курашкевич не согласен с указанной точкой зрения, он должен был все-таки отметить нерешенность вопроса о конкретных путях образования различных ср.-в.-р. говоров. Это тем более очевидно, что упомянутая гипотеза получила отражение и в книге проф. Р. И. Аванесова «Очерки русской диалектологии», которая В. Курашкевичу хорошо известна.

Впрочем, нельзя ставить В. Курашкевичу в вину, что за последние годы у нас почти не было опубликовано работ, посвященных истории ср.-в.-р. говоров (и доказывающих правоту нового решения проблемы их происхождения). Кстати, можно отметить, что в эти годы у нас вообще не публиковался тот фактический материал, который собирался ежегодно многочисленными диалектологическими экспедициями, а появлялись иногда лишь краткие описания или обобщающие статьи об изучении местных говоров, не всегда, конечно, удовлетворявшие запросы многих диалектологов.

Несколько меньшее место по сравнению с предыдущим разделом занимает описание диалектных особенностей украинского языка и еще меньшее — белорусского, где общие принципы рассмотрения явлений точно такие же, что и в описании особенностей русских говоров.

Заключительный раздел теоретической части книги посвящен вопросам развития восточнославянских языков и наречий, в котором автор ставит проблемы их истории на протяжении ряда веков и делает попытку связать это с историей русского, украинского и белорусского народов.

Вторая часть книги является обширным сборником текстов русских, украинских и белорусских говоров и литературных языков; к текстам приложен небольшой словарь. Большая часть текстов заимствована из различных хрестоматий по диалектологии восточнославянских языков (особенно из хрестоматии С. А. Еремина и И. А. Фалева под редакцией Е. Ф. Карского, изд. 1928 г.), а часть (украинские материалы) представляют собою записи автора. В текстах дается разнообразный и интересный материал. К сожалению, они несколько устарели не только по содержанию, но и потому, что они отражают, по существу, прошлое восточнославянских диалектов. Поэтому к приведенным текстам следовало бы прибавить хотя бы некоторые из тех, которые опубликованы у нас в учебных пособиях и ученых записках.

³ См. Р. И. Аванесов. К истории средневеликорусских говоров. «Доклады и сообщения филологического факультета МГУ», вып. 1, 1946; е го же. Вопросы образования русского языка в его говорах. «Вестник МГУ», 1947, № 9.

⁴ См., например, Л. Э. Калнынь. Коломенские говоры в их истории и современном состоянии. Автореферат. М., 1952; К. А. Федорова. К истории говоров западного Подмоскovie (Можайские говоры). Автореферат. М., 1951.

Книгу заключают диалектологические карты: 1) восточнославянские языки и наречия; 2) южновеликорусское наречие и прилегающие средневеликорусские говоры; 3) наречия белорусского языка и прилегающие средневеликорусские говоры; 4) наречия украинского языка.

В целом книга В. Курашкевича производит очень благоприятное впечатление, как работа, написанная на большом и в целом доброкачественном материале, в которой изложение ведется четким языком и в которой дается, наконец, достаточно полная первоначальная характеристика восточнославянских языков и диалектов. Надо сказать, что в советской лингвистической науке до сих пор нет подобного цельного учебного пособия или исследования, в котором были бы обобщены и хотя бы кратко изложены основы восточнославянской диалектологии. То, что имеет наша наука в этой области, прежде всего работа Н. Н. Дурново «Очерк истории русского языка» (1924), не представляется новым и требует пересмотра как в отношении методологии, так и в отношении фактического материала.

Кроме того, надо признать, что по насыщенности фактами книга В. Курашкевича, являясь кратким очерком общей восточнославянской диалектологии, в ряде случаев оказывается более полной, чем наши работы подобного же характера, посвященные вопросам диалектологии отдельных восточнославянских языков. Так, например, с книгой В. Курашкевича могут быть сопоставлены и по своему характеру, и по своей направленности работы проф. П. С. Кузнецова «Русская диалектология» (изд. 2, М., 1954) и проф. П. Я. Черных «Русская диалектология» (М., 1952), и это сопоставление без труда может показать, что первая книга представляет по русским диалектам во многом более обширный фактический материал, чем специальные работы П. С. Кузнецова и П. Я. Черных.

Однако наряду с положительными качествами книга В. Курашкевича имеет и некоторые недостатки, представляющиеся, правда, как уже говорилось, в ряде случаев возникшими не совсем по вине автора этой полезной работы. Вместе с тем в книге есть и такие недостатки, которые хотя и не имеют особенно принципиального характера и являются в той или иной мере частными, но все же связаны с недоработанностью, а иногда и с невнимательностью автора к фактам. О некоторых из них уже говорилось выше. Укажем еще ряд недостатков подобного же рода.

1. Автор, как нам представляется, слишком безоговорочно признает влияние польского языка на украинский и белорусский. Это влияние он обнаруживает и в сохранении групп **kvě* в украинских (*квіт, квітка, квітень* и под.) и белорусских (*квят, квяткі* и под.) говорах (стр. 11) и **dl* в белорусском языке (*быдла, кавадла, малявідла, страшыдла, мадленья, працірадла*) (стр. 12); и в наличии окончания *-ovi* в дат. п. ед. ч. м. р., а также *-ove* в им. п. мн. ч. в украинском языке и некоторых белорусских говорах (стр. 39); и в существовании форм будущего времени типа *буду ходиў, буду ходила, будем ходили* в украинском языке (стр. 42). Действительно ли все эти явления развились в украинском и белорусском языках под влиянием польского? Прежде всего надо иметь в виду, что среди перечисленных черт имеются факты различного характера, одновременного происхождения. Поэтому и отношение к ним не может быть одинаковым. В наличии окончаний *-ovi*, *-ove*, а также форм будущего времени типа *буду ходиў* в восточнославянских языках, вероятно, действительно можно видеть польское влияние. В отношении же судьбы **kvě* или **dl*, наряду с тем, что выдвигает автор, не исключена возможность того, что явления, сходные в этой области в белорусском и украин-

ском языках с польским, могли возникнуть и развиваться независимо друг от друга, ибо источник этих особенностей был один — общеславянский язык. Развитие диалектных особенностей в общеславянском языке могло идти не таким прямым путем, как это может нам иногда показаться. По-видимому, вообще вопрос об иноязычном влиянии, приводящем к возникновению в фонетической или морфологической системе определенного языка таких фактов, которые ему в целом чужды и которые сближают данный язык с родственным, но все же иносистемным языком, может положительно решаться только тогда, когда, во-первых, тщательное исследование диалектов данного языка покажет, что устанавливаемые явления есть действительно лишь в тех говорах, которые могли подвергнуться влиянию соседнего языка, и когда, во-вторых, в данном языке нельзя обнаружить самостоятельных причин, вызывающих то или иное явление. Без этого все подобные рассуждения вызывают сомнения. И если автор справедливо утверждает, что для поляка белорусский язык наиболее понятен, русский — наименее, а украинский находится в этом отношении, так сказать, посередине, то вместе с тем объяснение близости белорусского языка к польскому влиянием многовековых белорусско-польских культурно-исторических связей (стр. 45), как видно, до конца вопроса не решает.

2. Автор несколько раз повторяет (см. стр. 12, 50, 78), что следом бывших сочетаний **tl*, **dl* в русских диалектах, наряду с такими фактами, как *привегли*, *чькли*, являются формы *ушот*, *пришот* в с.-в.-р. говорах, которые автор возводит к древнерусским *ушедаѣ*, *пришедаѣ*. Но вероятнее думать, что *ушот*, *пришот* — это бывшие причастия м. р. ед. ч. им. пад. Во всяком случае, с автором можно было бы согласиться, если бы он доказал, что *ушот*, *пришот* действительно равны по форме *ушел*, *пришел*, а не связаны в своем возникновении и употреблении с причастиями *ушедши*, *пришедши*. Кроме того, толкование автора представляется сомнительным еще и потому, что в северно-великорусских, а также в псковских говорах (как и в памятниках древнерусского языка) давние группы **tl*, **dl* сохраняются в виде групп *kl*, *gl*, тогда как в *ушот*, *пришот* этого не наблюдается, почему данные примеры совершенно выпадают из ряда довольно многочисленных фактов с сочетаниями *кл*, *гл* на месте древних **tl*, **dl*.

3. Едва ли можно категорически утверждать, как это делает автор, что «русский язык в произношении *ра*, *ла* перед согласными в начале слова (из **ort*, **olt*) следует церковнославянскому» (стр. 12). Подобное произношение в ряде случаев, а именно тогда, когда данные сочетания попадали в положение первого предударного слога, могло возникнуть и при изменении исконно русского сочетания *ро*, *ло* перед согласным в результате аканья. Живое аканье произношение в этом случае только совпало с произношением ранее заимствованных слов старославянского языка. Прямого же влияния этого последнего на русский язык здесь могло не быть: литературное и ю.-в.-р. произношение *работа* могло развиваться из древнерусского *рѡбота* под влиянием аканья, что подтверждается сохранением в с.-в.-р. наречии произношения *робота*.

4. Автор неточен, указывая на стр. 15, что только польский язык сохранил до сих пор носовые звуки: в определенной степени они сохранились и в некоторых славянских говорах Македонии. Трудно согласиться с автором и в том, что в сочинении Константина Порфирородного «О народах», наряду с показаниями об утрате носовых, есть и факты, свидетельствующие об их остатках, следах в восточнославянском

языке-основе (речь идет о написаниях *Sfentoslavos*, *Sambatas*, стр. 15). Здесь, как видно, вернее искать объяснение в проникновении в данный памятник не восточнославянского произношения этих слов.

5. Едва ли стоит объединять в одно явление, как это делает автор (стр. 48), изменения *a* в *e* под ударением между мягкими согласными с изменением *a* в *e* в первом предударном слоге после мягких. Ведь второе изменение — это одно звено — той или иной — общей системы произношения гласных в первом предударном слоге после мягких, наряду с произношением *e* (*o*) и \hat{e} (*e*) в этой же позиции. Напротив, изменение *a* в *e* под ударением между мягкими — это особый процесс, связанный со сменной артикуляцией только одного звука в определенном фонетическом положении. Точно так же едва ли стоило объединять (стр. 63) произношение слов с *j* вместо γ' в словах *мајила*, *пајубли*, *јупкий*, с произношением *j* в заимствованных словах *јенерал*, *јимназия*, *јерманија*. Известно, что заимствованные слова произносятся таким образом в говорах, и не знающих γ .

6. Несколько замечаний вызывает освещение яканья в русских говорах.

Автор по традиции утверждает, что рязанско-тамбовским говорам свойственно сильное яканье (стр. 58), хотя послевоенные экспедиции отчетливо показали, что здесь чаще встречается ассимилятивно-диссимилятивный тип яканья.

В. Курашкевич почему-то начинает рассматривать подтипы диссимилятивного яканья с белорусского, или жиздринского (стр. 58), хотя известно, что разные подтипы диссимилятивного яканья отражают различные исторические ступени развития этого явления. Поэтому логичнее было бы начинать с архаического подтипа. В связи с этим совершенно непонятно, почему архаический подтип автор считает стоящим посередине между белорусским и донским (стр. 59); точно так же неясно, почему суджанский тип характеризуется как «переходный» (там же).

Как ни странно, но, описывая подтипы диссимилятивного яканья, автор допускает ряд неточностей в формулировках. Так, на стр. 59: «Диссимилятивное яканье донского типа. Здесь, наоборот, по сравнению с белорусским типом *яканье* (курсив мой. — В. И.) выступает исключительно перед ударенными гласными верхнего подъема *и*, *ы*, *у*; вместо этого перед гласными среднего подъема *о*, *е*, а возможно, и перед давними узкими *о*, *е* выступает *иканье* (курсив мой. — В. И.), как перед ударенным *а*». Создается впечатление, что автор признает наличие в системе данного диалекта одновременно двух систем произношения гласных в первом предударном слоге после мягких согласных — яканья и иканья. Надо сказать, что такая формулировка повторяется в книге не один раз. Едва ли нужно доказывать ее неточность, ибо известно, что произношение в различных говорах в первом предударном после мягких, чередующихся в зависимости от определенных условий гласных *a* и *и*, характеризует различные типы яканья как такового. Говоря другими словами, и произношение *a*, и произношение *и* в донском, как и в ином, типе равно обрисовывают яканье, существующее в данном диалекте, а не свидетельствуют о наличии яканья в одних положениях и иканья — в других.

7. Остальные недочеты имеют еще более частный характер. Автор ошибочно приравнивает произношение согласного в окончании род. п. прилагательных и местоимений м. и ср. р. в украинском и белорусском языках, с одной стороны, и в южновеликорусских и части северновеликорусских говорах — с другой, обозначая его равно как *h* (стр. 25). Здесь

необходимо было учесть различие между русским фрикативным γ и украинско-белорусским фарингальным h .

Трудно согласиться с автором и в том, что «русские литературные формы *меня, тебя*, вероятно, церковного происхождения и развились в говорах как вторичные» (стр. 27). Если речь идет о смене исконного e в этих формах на a , то это явление к церковнославянскому языку не имеет отношения. Если же автор имеет в виду соотношение гласных в корне (укр. *тобі, собі*; белор. *табе, сабе*; литер. рус. *тебе, себе*), то, во-первых, форма *меня* никогда не имела o в корне; во-вторых, возникновение *тебе* из *тобе, себе* из *собе* возможно и путем межслоговой ассимиляции, т. е. без вмешательства церковнославянского языка; наконец, в-третьих, эти формы имели o в дат. п., а не в род.-вин. п., как это может представиться по изложению автора.

Не совсем ясны основания, по которым автор полагает происхождение e в окончаниях род. п. прилагательных и местоимений из древнего o под восходящим ударением или из δ (стр. 49).

Едва ли прав автор, утверждая (стр. 31), что «только интеллигенция (русская. — В. И.) под влиянием письменности произносит *ся, съ* с мягким s ». Подобное произношение ныне вообще широко распространено в литературном русском языке.

Автор почему-то полагает, что русской литературной нормой является образование форм настоящего времени от глагола *жечь* с чередованием $g \parallel g'$, а не $g \parallel ж$ (стр. 54). На самом деле известно, что эти формы образуются с чередованием $g \parallel ж$: *жгу — жжешь*.

Также не совсем ясно, почему автор считает, что если в некоторых цокающих говорах наблюдается смена ζ на s , то это связано именно с наличием там цоканья (стр. 76). Но ведь утрата затвора в ζ встречается и в говорах, где цоканья вообще нет.

Пожалуй, несколько упрощеннее, чем это следовало бы, излагает автор явления, связанные с так называемой утратой в южновеликорусских говорах категории среднего рода.

Однако, повторяем, работа В. Курашкевича очень интересна и полезна, и указанные недостатки, устранение которых может только улучшить книгу, нисколько не меняют общего положительного впечатления от нее.

I

С каждым годом все больше расширяются и крепнут связи и сотрудничество Института славяноведения Академии наук СССР с деятелями науки других славянских стран. Одним из проявлений такого сотрудничества является начавшаяся в 1956 г. совместная работа болгароведов Института славяноведения Академии наук СССР и диалектологов Института болгарского языка Болгарской Академии наук над составлением атласа болгарских народных говоров. Решение о проведении этой большой работы было принято на седьмой сессии Комиссии по научно-техническому сотрудничеству между Советским Союзом и Болгарской Народной Республикой, которая состоялась в мае 1956 г. в Москве. Первый том атласа должен быть завершен к концу 1960 г. Он посвящен юго-восточным болгарским говорам.

Работу над атласом возглавляет видный болгарский языковед Стойко Стойков. Стойко Стойков является профессором Софийского Государственного университета, где ведет курс болгарской диалектологии и курс современного болгарского языка. Он руководит также сектором болгарской диалектологии Института болгарского языка БАН. Советским ученым Стойко Стойков известен как автор целого ряда исследований по фонетике и диалектологии болгарского языка, по вопросам орфографии-лексикологии. В общетеоретическом плане интересны работы проф. Стойкова по вопросам взаимоотношения говоров и литературного языка, по вопросам развития национальных языков и вопросам фонологии.

В связи с подготовкой к работе над атласом болгарских народных говоров проф. Ст. Стойков посетил СССР, где пробыл с 9 апреля по 16 мая 1956 г.

Одной из главных целей приезда профессора Ст. Стойкова было обсуждение с советскими диалектологами программы собирания материала для болгарского лингвистического атласа. Предложенная проф. Ст. Стойковым программа была рассмотрена сначала коллективом диалектологов Института славяноведения АН СССР, а затем на заседании сектора, на котором, помимо сотрудников Института, присутствовали сотрудники Института языкознания АН СССР, Московского государственного университета, студенты. Обсуждение программы прошло плодотворно, интересно и живо. Много ценного для болгароведов высказали выступившие на заседании диалектологи-русисты.

Как известно, Институтом славяноведения АН СССР уже составлен и сдан в печать атлас болгарских говоров на территории СССР. Во время своего пребывания в Советском Союзе проф. Ст. Стойков детально ознакомился с этим атласом, с конкретной работой по его составлению.

Изучая практическую сторону организации и проведения диалектологических экспедиций, проф. Ст. Стойков посетил Московский государ-

ственный педагогический институт им. В. И. Лепина, Московский городской педагогический институт им. В. П. Потемкина, а также Ленинградский педагогический институт им. А. И. Герцена. Здесь он интересовался тем, как привлекаются широкие массы студентов к сбору диалектологического материала.

Проф. Ст. Стойков и проф. С. Б. Бернштейн совместно разработали план болгаро-советской диалектологической экспедиции 1956 г. Было проведено специальное совещание сотрудников Института славяноведения АН СССР — участников этой экспедиции.

После ознакомления с планами предстоящей работы проф. Ст. Стойков дал участникам экспедиции ряд ценных практических указаний.

Известно, что проф. Ст. Стойков, длительное время занимающийся изучением вопросов фонетики болгарского языка, является одним из крупнейших специалистов в этой области. Поэтому вполне понятно то внимание, с которым был встречен доклад о фонетических изменениях в языке, сделанный им в Институте славяноведения АН СССР.

II

В августе—сентябре 1956 г. в Болгарии работала первая совместная болгаро-советская диалектологическая экспедиция. Целью данной и последующих экспедиций является создание атласа болгарских говоров.

Болгарский лингвистический атлас, который будет составлен Институтом болгарского языка Болгарской Академии наук и Институтом славяноведения Академии наук СССР, представляет собою важное научное предприятие. Атлас даст ценные данные по истории болгарского языка, поможет разрешить ряд спорных вопросов болгарской диалектологии (например, вопрос о классификации болгарских говоров, о диалектной основе болгарского литературного языка и пр.).

Болгарский атлас будет также полезен историкам, этнографам и ученым ряда других специальностей, так как он покажет отдельные расселения, раскроет этнографическую и культурную близость различных областей, их исторические, экономические связи и пр.

Болгарский атлас связан и с очень актуальной задачей славянского языкознания — созданием общеславянского лингвистического атласа, вопрос о котором будет обсуждаться на IV международном съезде славистов, который состоится в Москве в 1958 г. Данные болгарского атласа будут иметь существенное значение для разрешения ряда принципиальных положений.

Согласно предварительно разработанному плану на 1956 г. были намечены следующие задачи: 1) собрать материалы из максимального числа сел; 2) проверить на практике предварительно составленную «Программу по сбору материалов для болгарского диалектологического атласа», которая до этого дважды обсуждалась и в Софии и в Москве; 3) найти наилучшие формы работы в болгарских условиях, принимая во внимание то, что большое передвижение населения во всех районах Болгарии требует исследования всех более старых поселений, несмотря на их географическую отдаленность, а это требует особого метода работы; 4) подготовить известное число молодых научных работников как будущих руководителей групп.

Так как первый том болгарского атласа будет посвящен юго-восточным районам Болгарии (южнее Старой Планины и восточнее Родопов), то работа началась в Бургасском округе, очень удобном в диалектологи-

ческом, этнографическом и географическом отношениях. Кроме того, отсюда происходит большая часть болгар—переселенцев в СССР, говоры которых уже изучены сотрудниками Института славяноведения.

В работе принимали участие: 24 научных сотрудника Института болгарского языка во главе с проф. Ст. Стойковым и 6 научных сотрудников Института славяноведения во главе с проф. С. Б. Бернштейном. Все участники были распределены на 7 групп.

26 июля болгарская группа выехала в с. Росен Бургасской околии, где в течение одной недели под руководством Ст. Стойкова занималась практическим ознакомлением с предстоящей работой. 1 и 2 августа после прибытия сотрудников Института славяноведения в г. Бургасе был проведен двухдневный семинар, на котором были разъяснены некоторые особенности программы и определены методы собирания и обработки материалов.

В целях согласования опыта советских и болгарских диалектологов и установления общих методов работы с 3 по 9 августа все участники, разделенные на две группы, работали в с. Ново Паничарево под руководством Е. В. Чешко и в с. Крушовец под руководством Ст. Стойкова. 8 августа обе группы собирались в с. Ново Паничарево, где были подведены первые итоги и окончательно установлены методы работы.

С 9 августа по 20 сентября самостоятельно работали 7 групп. В ходе работы каждую группу посетили по нескольку раз (сроком на 1—2 дня) руководители экспедиции С. Б. Бернштейн, Ст. Стойков и Е. В. Чешко, на месте проверявшие работу и дававшие указания по различным общим и частным вопросам.

За период 35—40 дней группы изучили полностью по программе говоры 31 села. Кроме того, они собрали данные о говорах в 13 селах, не отличающихся в диалектном отношении от обследованных, а также собрали материал о происхождении населения в 34 селах.

Конкретно группы исследовали села в Бургасской, Малко-Тырновской, Поморийской, Елховской и Поляновградской околиях.

Первая группа в составе руководителя Э. И. Зелениной и членов К. Ивановой, Н. Комитовой и В. Пернишкого собрала полные данные о говоре сел Извор, Белила, Слиново, Голямо Крушево, Ст. Караджово и сведения о происхождении населения в селах Твардица, Равна гора, Маринка, Бистрец, Проход, Драка, Загорци и Радойново.

Вторая группа в составе руководителя Ст. Кабасанова и членов Е. Дограмаджиевой и Т. Ивановой собрала полные данные о говоре сел Желязково, Г. Ябылково, Кирово, Факия, Долно Ябылково и Голямо Буково и сведения о происхождении населения в селах Белеврен и Граничар.

Третья группа в составе руководителя П. Пашова и членов Х. Пырвева и Ц. Младенова собрала полные данные о говоре сел Брышлян, Выршило, Габыр, Моряне, Звездец, Индже войвода, Бяла вода и сведения о происхождении населения в селах Евренозово, Младежко, Близнак и Раков дол.

Четвертая группа в составе руководителя М. Г. Рожновской и членов Б. Велчевой, Н. Радчевой и Т. Бояджијева собрала полные данные о говоре сел Черноморец, Вресово, Караново и сведения о происхождении населения в селах Равадиново, Приморско, Китен, Ясна поляна, Веселие, Съдиево, Пештерско, Лясково, Дыскотна, Пирне, Малка поляна, Карагеоргиево, Черноград и Чукарка.

Пятая группа в составе руководителя Д. С. Станишевой и членов Х. Топаловой, М. Младенова и М. Лилова собрала полные данные о говоре

города Малко Тырново и сел Граматиково, Стоилово, Лозарево, Подвис, Костен и Климаш и сведения о происхождении населения в с. Черница.

Шестая группа в составе руководителя Н. И. Толстого и членов К. Костова и Д. Кичева собрала полные данные о говоре сел Резово, Синеморец, Былгари, Кондолово, Заберново и Калово и сведения о происхождении населения в селах Бродилово, Кости и Визица.

Седьмая группа в составе руководителя Х. Холиолчева и членов В. Еленской, А. Василевой и А. Костовой собрала полные данные о говоре сел Зидарово, Оризаре, Гюлевца, Горица, Гылыбец, Страцин, Порой и сведения о населении в селах Димчево и Присад.

20 сентября группы закончили работу и вернулись в Софию. 24 и 25 сентября все участники собрались на двухдневную конференцию для обсуждения результатов работы. В первый день были заслушаны доклады руководителей групп. Была оценена работа каждой группы, указаны все организационные и методические недостатки и приняты решения о будущей работе.

На заключительном заседании обсуждалась еще раз «Программа по собранию материалов для болгарского диалектологического атласа» с учетом практического опыта работы по ней во время экспедиции. В связи с обсуждением «Программы» участники экспедиции выступали по самым разнообразным вопросам. Они указывали, что «Программа» вполне удовлетворительна в отношении объема и построения, что она охватывает все наиболее важные диалектные явления. Единственным важным принципиальным вопросом, который вызвал серьезные разногласия, был вопрос о синхронии и диахронии в построении «Программы», особенно в разделе фонетики. «Программа» в настоящем ее виде исходит из современного состояния болгарского литературного языка, т. е. в ней полностью сохранен принцип синхронии, а историческая основа отдельных явлений указывается уже внутри самих вопросов. Был сделан и ряд замечаний относительно количества примеров и редакций отдельных вопросов. Общий вывод совещания по «Программе» таков: она может быть принята без внесения существенных изменений. Рекомендуются, однако, повременить с ее изданием.

В связи с подготовкой исследований 1957 г., которые будут проведены в Хасковском и Старозагорском округах, проф. С. Б. Бернштейн, проф. Ст. Стойков и Хр. Холиолчев 4—7 октября посетили города Хасково, Харманли, Ивайловград, Свиленград, Тополовград, Елхово и Стара Загора и связались с местными деятелями культуры и просвещения, хорошо знакомыми с этнографическим обликом и прошлым отдельных околій. Они собрали на месте сведения о происхождении населения в отдельных селах, а кроме того, договорились с отделами культуры околийских советов о сборе точных сведений о происхождении и составе населения всех сел в околии.

Намеченный план работы экспедиции выполнен полностью. Во время работы диалектологов в селах собран ценный диалектологический материал, который послужит не только для составления карт будущего атласа, но уже теперь, после его обработки, дает ясное представление о говорах Бургасского округа, которые до сих пор не были исследованы.

Одним из важных результатов экспедиции является создание единого и дружного коллектива диалектологов Болгарии и Советского Союза, работающего на основе общих методологических и методических принципов. Большинство участников экспедиции 1956 г. смогут в 1957 г. возглавлять отдельные группы.

III

В 1957 г. с 1 августа по 10 сентября в Бургасском, Старозагорском и Хасковском округах Болгарии работала вторая совместная болгаро-советская диалектологическая экспедиция. Общее число ее участников составляло 48 человек. С советской стороны участвовали 9 сотрудников Института славяноведения во главе с проф. С. Б. Бернштейном. Кроме того, в работе экспедиции приняли участие и диалектологи из Народной Республики Румынии, Чехословакии и ГДР. В экспедиции 1957 г. работало 12 самостоятельных групп. Общий объем работы в этом году значительно превысил прошлогодний, несмотря на то, что вторая экспедиция работала на десять дней меньше, нежели первая.

За период второй экспедиции были изучены полностью по программе атласа говоры 93 сел и собран материал о происхождении населения в 62 селах Елховской и Ямбольской околий Бургасского округа, Тополовградской околии Старозагорского округа, Хасковской, Димитровградской, Харманлийской, Ивайловградской и Свиленградской околий Хасковского округа.

Первая группа в составе руководителя Н. И. Толстого и членов Ц. Младенова, Ем. Ивановой и К. Яневой собрала полные данные о говоре сел Воден, Вълча поляна, Горская поляна, Крайново и Лесово.

Вторая группа в составе руководителя Б. Велчевой и членов В. Пернишкого, И. Светославовой и Б. Стойковой собрала полные данные о говоре сел Попово, Св. Илия, Бояново, Кирилово, Жребино, Камен Врѣх, Оман и Дъбово.

Третья группа в составе руководителя М. Г. Рожновской и членов Е. Дограмаджиевой, Р. Миховой и С. Бакырджиевой собрала полные данные о говоре сел Бояджик, Овчи кладенец, Генерал Тошево, Скалица и Маломир.

Четвертая группа в составе руководителя П. Папова и членов Г. К. Венедиктова, Л. Веселиновой и З. Ивановой собрала полные данные о говоре сел Доброселец, Хлябово, Сакарци, Българска поляна, Светлина, Орлов дол и Владимирово.

Пятая группа в составе руководителя Е. В. Чешко и членов М. Лилова, Ж. Икономовой и Е. Димитровой собрала полные данные о говоре сел Мелница, Срем, Планиново, Устрем, Филиппово и Присадец.

Шестая группа в составе руководителя М. Младенова и членов И. Умленского, Г. Георгиева и Д. Христоскова собрала полные данные о говоре сел Дервишка могила, Студена, Райкова могила и Муштрак.

Седьмая группа в составе руководителя Д. С. Станишевой и членов И. К. Буниной, Т. Дончевой и Хр. Пантелеевой собрала полные данные о говоре сел Ныстрогор, Дрипчево, Миладиново, Оряхово, Иерусалимово, Георги Добрево, Момково, Левка и Димитровче.

Восьмая группа в составе руководителя Хр. Топаловой и членов К. Ивановой, М. Стефановой и Д. Точевой собрала полные данные о говоре сел Былгарин, Богомил, Главан, Мъдрец, Обручище, Медничарово, Стражари, Овчарово, Набожно и Черепово.

Девятая группа в составе руководителя К. Костова и членов Е. Георгиевой, Ц. Русевой, М. Зандер, Г. Болокан и Я. Ондрачковой собрала полные данные о говоре сел Клокотница, Черногорово, Черноконево, Нова Надежда, Крепост, Добрич, Воден, Горски извор, Ябълково и Узунджово.

Десятая группа в составе руководителя Хр. Холиолчева и членов Е. И. Деминой, И. Кочева и Д. Вакарелской собрала полные данные

о говоре сел Динево, Малево, Кривополе, Родопи, Брягово, Елена, Орлово, Мандра, Книжовник, Желти бряг, Царева поляна, Стамболово и Д. Ботево.

Одиннадцатая группа в составе руководителя И. Е. Шейн и членов Р. Божкова, М. Мийковой и Л. Маноловой собрала полные данные о говоре сел Тынково, Смирненци, Черна могила, Белица и Доситеево.

Двенадцатая группа в составе руководителя Г. П. Клепиковой и членов Т. Бояджиева, Н. Комитовой и Эл. Томовой собрала полные данные о говоре сел Драбишна, Хухла, Покрован, Камилски дол, Горноселци, Долноселци, Попско, Черничино, Гугутка и Д. Луково.

После завершения экспедиции 13 сентября в Софии была проведена конференция участников экспедиции, на которой руководители групп сделали сообщения о проделанной работе. На конференции обсуждался окончательный текст «Инструкции по сбору материалов для «Болгарского диалектологического атласа», составленной проф. Ст. Стойковым. Руководители экспедиции проф. Ст. Стойков и проф. С. Б. Бернштейн с целью подготовки экспедиции 1958 г. посетили все районы и некоторые села в Пловдивском, Хасковском, Старозагорском и Бургасском округах, которые будут обследованы экспедицией 1958 г.

БИБЛИОТЕКА
Института
Языкознания
А. Н. СССР

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Стр.

С Т А Т Ь И

Р. М. Цейглип. А. Х. Востоков — один из первых русских славяноведов (к 175-летию со дня рождения). Семь неизвестных писем А. Х. Востокова П. И. Кешпену	3
Н. А. Кондрашов. Людовит Штур и формирование словацкого литературного языка (к столетию со дня смерти)	16
А. Б. Правдин. Аблативные значения родительного падежа в старославянском языке	23
А. С. Львов. Старославянское <i>година</i> , <i>часъ</i>	45
Ст. Стойков. Фонетические изменения в языке (на материале болгарских диалектов)	55
Т. И. Степанова. Использование <i>rád</i> , <i>rádi</i> в современном чешском литературном языке	62
В. Н. Топоров. Этимологические заметки (славяно-италийские параллели).	74

Р Е Ц Е Н З И И

О. Н. Трубачев. П. Я. Черных. Очерк русской исторической лексикологии. Древнерусский период. Издательство Московского университета, 1956	88
В. В. Иванов. Władysław Kuraszkiewicz. Zarys dialektologii wschodniosłowiańskiej z wyborem tekstów gwarowych. Warszawa, 1954	107

Х Р О Н И К А

I	116
II	117
III	120

Краткие сообщения
Института славяноведения в. 25

*

*Утверждено к печати
Институтом славяноведения АН СССР*

*

Редактор Издательства *Б. С. Шварцкопф*
Технический редактор *Ю. В. Рылина*

*

РИСО АН СССР № 56—77В. Сдано в набор 1/XI
1957 г. Подписано к печати 19/V 1958 г. Формат
70×108^{1/16}. 7,75 (10,61)+1 вкладка. 10,1 уч.-изд. л.
Тираж 1500 экз. Т-05702. Изд. № 2470.

Тип. зак. № 354.
Цена 6 руб. 10 коп.

Издательство Академии наук СССР. Москва, Б-64,
Подсосенский пер., д. 21.

1-я тип. Изд-ва АН СССР. В-34, 9 линия, д. 12.

6 р. 10 к.

7